

РАХ BRITANNICA:
история
Британской империи
и созданного ею мира

*Сборник научных работ
к 60-летию профессора В. В. Грудзинского*

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Историко-филологический факультет

РАХ BRITANNICA:
ИСТОРИЯ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ
И СОЗДАННОГО ЕЮ МИРА

*Сборник научных работ
к 60-летию профессора В. В. Грудзинского*

Челябинск, 2016

УДК 971:308
ББК ТЗ(4Вел)51-3
П13

П13   Рах Britannica: история Британской империи и созданного ею мира : сборник научных работ к 60-летию профессора В. В. Грудзинского / под ред. И. М. Нохрина. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – 236 с.
ISBN 978-5-91274-298-9

Сборник научных работ посвящён проблематике истории Британской империи, англоговорящих стран, а также связанным с ней сюжетам из истории Германии и России. Выпущенный к юбилею доктора исторических наук, профессора Владимира Викторовича Грудзинского, он включает в себя работы историков из Москвы, Санкт-Петербурга, Эдмонтона, Екатеринбурга, Иркутска, Орла, Магнитогорска и Челябинска. Предназначен для научных работников, студентов, аспирантов, а также всех, кто интересуется историей нового и новейшего времени, историей Британской империи.

УДК 971:308
ББК ТЗ(4Вел)51-3

ISBN 978-5-91274-298-9 © Коллектив авторов, текст, 2016
© ООО «Энциклопедия», дизайн, 2016
© Челябинский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С Юбилеем, дорогой Профессор!</i>	5
<i>Алеврас Н.Н.</i> Уважаемому В.В. Грудзинскому – юбилейные заметки	7
<i>Андреева Т.А.</i> Желаю Вам всего того, что Вы желаете себе... ..	14
<i>Жоров Е.А.</i> Имперский фронтир челябинского англоведения ...	19

ИЗ ИСТОРИИ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

<i>Акимов Ю.Г.</i> Схватка на стыке империй: Атлантический регион Канады во время Войны за Австрийское наследство, 1744–1748 гг.	24
<i>Гелла Т.Н.</i> «Белые» колонии в идеологии и практике британских политических и общественных кругов в последней трети XIX в.	39
<i>Дронова Н.В.</i> В честь Томаса Кука и Джона Кука, строителей империи... ..	61
<i>Высокова В.В.</i> «Механизмы господства» и «практики принуждения»: культура и империализм (на примере Британской империи)	79
<i>Кальянова Т.П.</i> Через Иркутск: английские журнальные заметки о городе и сибирских маршрутах британцев в первой трети XIX в.	91
<i>Саукова Е.С.</i> «Встретиться с Великобританией на равных»: идея имперской федерации в Австралии во второй половине XIX в.	104
<i>Нохрин И.М.</i> Прощание с Империей: национальная политика в Канаде в «либеральную эпоху» Уильяма Лайона Маккензи Кинга	117

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

<i>Кукушкин В.Е.</i> Украинская иммиграция конца XIX – начала XX вв. и основание русской православной миссии в Канаде	137
---	-----

Царегородцев А.В. Оксфордское движение в контексте религиозного возрождения Англии в раннюю викторианскую эпоху	156
Скворцов А.М. Становление системы домашних семинаров в России: «вечерние беседы» М.С. Куторги	168
Вырупаева А.П. Скованные одной цепью: патриотическое движение в Германии до и после Первой мировой войны	183
Ражев А.В. Модернизация военной стратегии Великобритании второй половины 1930-х гг. в оценках зарубежной историографии	198
Напалкова И.Е. Деволюция как одно из направлений Британской конституционной реформы конца XX – начала XXI вв.	213
Иванов А.Г. Побратимские связи городов Канады и КНР: практика 1990-х – начала 2000-х гг.	224

С Юбилеем, дорогой Профессор!

Юбилейный год для нашего университета и факультета ознаменован еще одним юбилеем – 60 лет исполняется профессору Владимиру Викторовичу Грудзинскому!

Обращаясь к юбиляру, хотим сказать, что читаемый Вами сборник – это признание Ваших научных заслуг, о чем свидетельствуют многочисленные статьи коллег по цеху историков-всеобщников. В сборнике собран калейдоскоп публикаций по истории Британской империи, изучению которой Вы посвятили всю свою жизнь. Надеемся, что их чтение доставит Вам удовольствие, а может быть вдохновит на исследование новой научной проблемы, и Вы задумаете интересный исследовательский проект.

Этот сборник – дань Вашему педагогическому таланту, подтверждаемому проникновенными публикациями учеников, которым Вы открыли путь в Науку. Обращаясь к историографической традиции изучения научных школ, можно отметить, что вокруг Вас формируется круг молодых ученых, для которых Вы являетесь несомненным интеллектуальным магнитом. Со студенческой скамьи они очаровываются Вашими лекциями, логичными и эмоциональными одновременно, затем оказываются под влиянием личностного обаяния во время консультаций при написании первых научных работ, и, наконец, стремятся к Вам, как источнику знаний и житейской мудрости, словно бабочки, летящие на свет.

Юбилейный сборник – это место памяти, повод задуматься и еще раз осознать Вашу роль в становлении традиций исторического образования в Челябинском государственном...

Продолжая мемуарную линию некоторых публикаций сборника, не могу не сказать о собственных впечатлениях от общения с Вами. Вспоминаются два эпизода. Первый случился более 10 лет назад, когда Вы предложили мне стать заместителем декана по учебной работе. Я отказалась из опасения, что вчерашняя аспирантка не справится со столь сложной задачей. Пытаясь смягчить свой отказ, помню расхожую фразу, которую Вам сказала: «Незаменимых людей не бывает». И услышала в ответ: «Бывают». И как же Вы были правы, Владимир Викторович!

Второй эпизод случился уже в мою бытность деканом накануне нового 2016 года, когда многоуважаемый профессор, осторожный в оценках, видимо, присматривавшийся к моей деятельности на посту декана несколько месяцев, сказал мне: «Все у вас получается!». Признаюсь, эта короткая фраза возымела такое действие, как будто меня приняли в деканскую лигу истфила.

Дорогой Владимир Викторович, коллектив нашего факультета, от всей души поздравляя Вас с замечательной датой, желает Вам научного подъема, творческого вдохновения, талантливых учеников, здоровья, сил, радости жизни. Оставайтесь таким же энергичным, активным, заинтересованным. Пусть в наше беспокойное время Наука станет для Вас надежной пристанью, где всегда можно укрыться от жизненных бурь. Для нас Вы – Знак качества исторического образования в нашем университете!

С искренними пожеланиями,
Н.В. Гришина
и коллектив историко-филологического факультета

27.07.2016

Коллеги о юбиляре

Алеврас Н.Н.¹

Уважаемому В.В. Грудзинскому – юбилейные заметки

Писать к юбилейной дате коллеги, с которым знаком не один десяток лет, это значит писать то, что называют мемуарами. Мемуаристика же – дело, конечно, завлекательное для чтения и развлечения, а для историков – нередко и для изучения того, что ушло в лету. Но для автора мемуарных записок – дело отнюдь не легкое, скажу даже – щекотливое – и, признаюсь, ответственное. Особенно если воспоминания обращены к сюжетам о прожитом времени под крышей общего «храма науки». С Владимиром Викторовичем меня соединяли как раз коридоры и двери нашего челябинского «храма». На этом пространстве топографической точки ЧелГУ в виде его мало ухоженного «3-го учебного корпуса» и пересекались наши пути, а если сказать более метафорично и возвышенно – наши жизни. Впрочем, как жизни всех нас, кто положил их на алтарь науки истории и высшего исторического образования в нашем вузе. Вспоминать о ком-либо из своих коллег и друзей можно только через перипетии своей собственной жизни.

Открываю подаренную монографию от В.В. о Великобритании с ее колониальной системой в придачу с модернизацией и либерализмом² и обнаруживаю в дарственной подписи напоминание «о 30-ти годах совместной работы в ЧелГУ», то есть в «храме». А ведь пролетели эти 30 лет как один день! 1980-е были для нас «весной», а теперь уж «осень» жизни наступает... Вспоминаю точку отсчета челябинского периода в биографии В.В.: осень 1986 года, когда 30-летний В.В. распрощался с родным Ир-

---

¹ Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета. vhist@mail.ru

² См.: Грудзинский В.В. Великобритания и ее империя в середине XIX века: либерализм и проблема модернизации. Челябинск: Энциклопедия, 2015.

кутским университетом¹ и отправился искать профессионального счастья в молодой, только что отметивший 10-летие Челябинский университет. Сама я за аналогичным «счастьем» почти в этом же возрасте приехала в 1981 году. Но я, к сожалению, не помню появления В.В. на истфаке. Осень этого года для меня была окрашена в черный цвет. Скоропостижно скончался мой муж, навсегда оставшийся молодым!

В.В. появился на факультете в тот момент, когда возникла проблема воссоздания кафедры всеобщей истории, после того, как первая волна историков-всеобщников, приехавших в ЧелГУ в 1970-е годы, покинула его. Здесь необходимо припомнить следовавшие процессы институциональных перемен. Новый состав кафедры в конце 1980-х было поручено сформировать известному историку-археологу Г.Б. Здановичу, ставшему ее заведующим. Именно на его приглашение переехать в Челябинск и откликнулся Владимир Викторович. Он был одним из первых на истфаке из второй волны специалистов по всеобщей истории. Помнится, что 1980–90-е годы для этой кафедры были временем неоднократных ее пополнений как выпускниками истфака (А.П. Большаков, Б.И. Ровный, В.А. Зонов), так и приглашенными (Ю.А. Окунь). В середине 1990-х, когда Г.Б. Зданович возглавил отдельную кафедру – археологии и социоестественной истории, – прошла полоса кратковременных заведований кафедрой всеобщей истории. Только с 1998 года, когда В.В. после защиты докторской диссертации в Петербургском университете возглавил ее, закончился период институциональной неустойчивости. В.В. Грудзинский руководил кафедрой в течение 17 лет (до 2015 года) – вплоть до нового периода пертурбаций, происходящего уже в современной истории не только истфака, а всей системы высшего образования. Оставим за скобками характеристику этого процесса, обозначаемого «сверху» как процесс «оптимизации» (я его называю не иначе как «утилизации»), но вынуждены будем констатировать, что такой кафедры на истфаке (точнее на нынешнем историко-филологическом факультете ЧелГУ), к сожалению, теперь

---

¹ Иркутский университет он закончил 1979, а в 1984–86 гг. после защиты кандидатской диссертации (1983) работал здесь преподавателем кафедры всеобщей истории.

уже нет. Впрочем, как нет и других различных кафедр бывшего истфака, создаваемых когда-то с большим энтузиазмом. История факультета трансформировалась в иную ипостась, но для ее ветеранов этот печальный процесс порой предстает как эффект конца нашей прежней корпоративной истории, происходящего, к сожалению, на наших глазах... Надеюсь, молодое поколение историков воспринимает эти перемены иначе – с большим оптимизмом. Ну и молодцы, так и должно быть!

Но вернусь к личности Владимира Викторовича. Помню тот момент, когда он, работая над завершением диссертации, отправился в научную командировку в США для работы в библиотеках и архивах. Это стало запоминающимся событием не только для него самого, но и для факультета: заграничные командировки с научными целями были еще редкостью. Вспоминаются его рассказы об этой поездке, в том числе и курьез с пропавшим в аэропорту чемоданом и благополучным исходом этого инцидента. После этой поездки В.В. целеустремленно завершил свой диссертационный труд и блестяще защитил его. А в Челябинском университете появился первый в его истории доктор наук по специальности всеобщей истории, занимающийся проблемами периода, обозначаемого как новая и новейшая история. Те, кто имеет отношение к этой специальности, имеющей дробную структуру внутренней периодизации или знаком с «рынком» такого рода специалистов, знают, какие сложности и препоны надо преодолеть, чтобы достичь искомой цели! Главная проблема связана с выявлением и использованием недоступных в России исторических источников и зарубежных научных исследований. Не случаен тот факт, что докторов по всеобщей истории существенно меньше, чем докторов, например, по отечественной истории. Особенно это характерно для научного пространства российской провинции. На Урале вид специалистов, подобных В.В. Грудзинскому, насчитывает не более дюжины человек. Львиная их доля приходится на старейший вуз и флагман изучения проблем всеобщей истории – Уральский госуниверситет (сейчас – УрФУ). В настоящее время В.В. остается все еще единственным доктором-«всеобщником» в нашем университете. А в вузах Челябинска их пока всего двое. Этот акцент я делаю не случайно, чтобы подчер-

кнуть важность другой стороны вопроса, которую начал успешно решать Владимир Викторович. Речь идет о подготовке специалистов этого редкого профиля. За относительно небольшой период (2010–2014) его усилия по подготовке кандидатов исторических наук по специальности «всеобщая история» завершились защитой 5 диссертаций. В определенной мере этому содействовала плодотворная, но короткая (в связи все с той же «оптимизацией») работа диссертационного совета по историческим наукам в ЧелГУ (2010–2012) последних лет его бытования¹, осуществлявшего защиты и по всеобщей истории. Экспертизу этих работ в диссовете курировал Владимир Викторович. Он же являлся заместителем председателя диссертационного совета.

В разнообразной тематике диссертаций аспирантов В.В. преобладает проблематика, так или иначе связанная с его научными интересами – историей Великобритании или ее бывших колоний. Большинство новоиспеченных ученых являются выпускниками челябинского истфака. К сожалению, в сложной ситуации, связанной с сокращением кадров вузов, оставить на факультете удалось только одного из них – И.М. Нохрина, успевшего после защиты диссертации опубликовать две монографии по истории Канады. Результативность в подготовке нового поколения ученых – историков-«всеобщников» позволяет думать, что в ЧелГУ намечилось формирование научной школы по этому направлению. Создание группы молодых ученых, исследующих проблемы всеобщей истории, подкреплялось и таким эффективным инструментом, как работа над коллективным грантом по истории межэтнических отношений в опыте Британской империи (2013–2015). Наличие нынешних аспирантов В.В. рождает надежду на продолжение этой схоларной линии в биографии уважаемого юбиляра. Нельзя не отметить, что в наше многотрудное время для инновационных начинаний Владимиру Викторовичу при поддержке его команды, состоящей из молодых преподавателей факультета, уда-

---

¹ Диссертационный совет по защита докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам в ЧелГУ был создан в 1993 г. Долгие годы его бессменным председателем являлся доктор исторических наук А.П. Абрамовский. В 2006 г. функционирование этого диссовета, как и многих других, было приостановлено. Только в 2010 г. под председательством Н.Н. Алеврас работа обновленного состава диссовета была продолжена.

лось открыть новую специальность – международные отношения! Удачи и успехов в закреплении этой образовательной линии!

Мысленно взглядываясь в прошлое нашего истфака, не могу не выделить одной страницы, важной как для его истории, так и для биографии самого В.В., – связанной с его деятельностью на посту декана (2004–2011). Как потом оказалось, В.В. стал последним деканом истфака: процессы «оптимизации» оказались направленными на трансформацию давней университетской традиции – факультетской структуризации подготовки специалистов. В череде сменявших друг друга деканов истфака – Н.Б. Цибульского, Г.А. Гончарова, и, наконец, В.В. Грудзинского просматриваются некие периоды в истории факультета, совпадавшие со сменой общей социокультурной обстановки в стране, и, одновременно, со сменой стилей управления факультетом. Стили, конечно, зависели от общего политико-государственного и учебно-образовательного курсов, но определенную окраску они получали под влиянием личностей деканов. И здесь нельзя не сказать об индивидуальных личностных качествах В.В.

Вопрос непростой, поскольку судить об этом я могу на основе своих наблюдений, вытекающих из опыта делового общения, не обязательно связанного с деканской ипостасью В.В. Несомненно, стержневую основу натуры В.В. составляет система его либерально-демократических принципов, положенных им в основу своей деятельности. Мне представляется, что для В.В. на первом месте как в научной, так и в управленческой деятельности лежит живой интерес к тому, чем он занимается. В пространство же своих интересов он реально включает только то, что хорошо понимает, видит в этом рациональный смысл и значение, предвидит конкретный результат. Он умеет ценить людей, их профессиональные качества и, несомненно, хорошо чувствует нравственно-этическую основу человека, с которым взаимодействует. Для дружеского общения выбирает людей, которых относят к категории «порядочных». Работа с людьми – студентами и преподавателями – приносит ему удовольствие при условии, что взаимодействие исходит из творческого интереса обеих сторон.

Как мне кажется, такого рода подходы он закладывал в основу своей деятельности на посту декана. Однако наставший

вал бюрократически ориентированных нормативных документов, усилившийся к концу его деканства, достиг уже таких масштабов (замечу, что сейчас этот масштаб только возрастает), что рационально выстроить работу с людьми оказывалось проблематичным. Декан превращался в некий инструмент для подготовки неимоверного количества разного рода документации, которую надо было создать силами заведующих кафедрами и преподавателей факультета и вовремя доставить ее в вышестоящие инстанции. Мне кажется, что он в процессе трансляции нормативной информации, идущей «сверху», пытался как-то фильтровать этот бюрократический поток. «Инстанции» могли быть не довольны.

Не имея оснований как-то детально касаться этой его работы, могу проиллюстрировать ее отдельными наиболее ясными для меня сюжетами. Прежде всего, обращаю внимание на его стремление избегать нравоучений и дидактизма в общении со студенческой средой и выработать определенные традиции челябинской истфаковской культуры. В частности, традиция «Посвящения в историки» пышным цветом расцвела во времена его деканства. Еще до выполнения этой должности он предложил идею сценария этого факультетского праздника и активно сотрудничал с первыми его непосредственными организаторами. Обладая несомненными артистическими способностями и талантом перевоплощения, он сам был активным участником театрализованных представлений, изображая тех или иных исторических деятелей. Студентам была дана полная свобода выбора сюжетов и формы посвящения. Они сами готовили и готовят этот праздник студенческой инициации. И еще пока не было года, чтобы традиция была нарушена!

Вспоминаю и другой момент, связанный уже с моей персоной. В день моего 60-летия В.В. инициировал такую программу празднования, которую я, прямо скажу, не ожидала. Признаюсь, что 2008 год в моей жизни, действительно, как я теперь понимаю, составлял особый период творческого подъема, и В.В. это хорошо ощутил и, главное, оценил! И я ему очень благодарна!

Надо сказать, что во второй половине его деканства стали ощущаться проблемы с финансированием научных команди-

ровок. Гранты получить не удавалось. А мы – формировавшаяся тогда группа челябинских историографов – задумали тему, под которую только лишь в этом году (2016) впервые получили грант (!). Но дать старт теме по истории диссертационной культуры дореволюционных историков очень хотелось. И вот В.В. все-таки изыскал какие-то средства из факультетского бюджета. В 2010 году, благодаря его пониманию и поддержке, мы (я, Н.В. Гришина, О.В. Богомазова) смогли целенаправленно выехать для работы в архивах Москвы, а на следующий год мы с Н.В. Гришиной сумели по подобному же сценарию поработать в архивах Петербурга. Без этого начала, поддержанного В.В., наша идея могла бы еще долго оставаться только идеей! В результате О.В. Богомазова существенно продвинулась в подготовке кандидатской диссертации, а Н.В. Гришина смогла завершить свою известную монографию по истории школы Ключевского и сделала некоторые шаги в направлении формирования замысла задуманной докторской диссертации.

Дружеское понимание, которое сложилось за 30 лет совместной работы на факультете, конечно, дорогого стоит! Я ценю в личности В.В. прекрасный талант лектора, умеющего лаконично, глубоко и, одновременно, доходчиво для студенческих голов раскрывать многосложный процесс всеобщей истории. Его научные книги, в том числе последняя из них, читаются с большим интересом: изящный слог, лишенный неуместных длиннот, образный язык, аналитическая глубина, ощущаемый через весь исследовательский нарратив интерес к избранному предмету, рационально и логично выстроенная структура – все это черты несомненного таланта. Наконец, он просто умен, эрудирован, обладает прекрасным чувством юмора, в его памяти хранится множество стихотворных строк, которые он очень кстати может процитировать в любом разговоре. Этим я просто восхищаюсь! Сам способен что-нибудь стихотворное сочинить! Заметила: больше всего В.В. любит и цитирует В. Высоцкого. Ну а тот, кто любит Высоцкого, говорит вслед за ним:

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.

Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою...

Я не люблю себя, когда я трушу,
Досадно мне, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более – когда в нее плюют...

Андреева Т.А.¹

Желаю Вам всего того, что Вы желаете себе...

Владимир Викторович Грудзинский – юбиляр! Слово-то какое! Интересно, в тех уголках земного шара, куда «забрасывала» его научная судьба, существует подобное хронологическое измерение человеческой жизни?

С В.В. я встретила в конце 1986 года, после возвращения с ФПК, когда сенсационным «открытием» для меня стало появление на факультете коллеги-выпускника Иркутского государственного университета. Более того, оказалось (!), что дипломные проекты мы выполняли у одного научного руководителя – профессора кафедры всеобщей истории ИГУ Владимира Павловича Олтаржевского. Только в мои времена он вел курс средних веков, а нашему юбиляру читал новую историю и блок спецдисциплин. По словам В.В., студенты старших курсов досадовали, что В.П.О. расстался с медиевистикой.

Известно, сколь влиятельна та среда, в которой вращается студенческое сообщество. Наверное, во время учебы она влияет исподволь, не откладываясь, порой, в памяти. И только потом, уже с оглядкой на прошлое, начинаешь понимать «кто есть кто» в твоей жизни. Мне кажется, сознание сегодняшнего студента вряд ли может воспринять «воспитательную силу» множества исто-

---

¹ Андреева Таисья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета. andreeva.idr@mail.ru

рико-географических факторов, которые в разной степени, но определяли нашу жизнь. Действительно, здесь географические координаты самого Иркутска («Славное море – священный Байкал...»), неукротимая Ангара, дикая и таинственная тайга, старый деревянный город, многоликое этническое окружение. На 1970-е годы пришлось романтическая эпоха, связанная со строительством на Ангаре мощнейших ГЭС, куда с песнями со всей страны стекались потоки наших сверстников. Иркутск в это время был подобен перевалочному пункту. Далее, госпожа Клио поджидала нас уже у входа в учебный корпус: здесь, на набережной, рядом с резиденцией губернатора (уже давно Научная библиотека ИГУ) в гражданскую войну шли бои. Чуть подальше стоял первый в России памятник Александру III. Иркутская губерния в XIX века была буквально «оккупирована» политическими ссыльными (декабристы, участники польских восстаний, социалисты) и уголовными преступниками.

Студенчество тех времен – это полуголодная, непритязательная в повседневной жизни публика, которая безвылазно сидела в библиотеке. Политическая проблематика волновала немногих. За публичный интерес к «запретным» темам можно было поплатиться выволочками на комсомольском собрании с последующим изгнанием из рядов ВЛКСМ. «Оттепель» уходила в прошлое, но еще можно было найти «Один день Ивана Денисовича», тайными путями доходила литература «самиздата», получили известность имена репрессированных писателей. А особо любопытные наши сверстники (если обладали, конечно, дорогими мощными рижскими приемниками) ловили «Голоса Америки» и Би-Би-Си. Может быть, сердцевиной студенческой субкультуры 1970-х годов стало творчество В. Высоцкого, тогда еще официально непризнанного. Проводимые Г.И. Медведевым археологические экспедиции истфака ИГУ в поисках «первого сибиряка и артефактов его повседневной жизни», как раз были тем временем и местом для песен под гитару и стихов поэта. Для многих, наверное, не секрет, что В.В. – большой поклонник и знаток творчества В. Высоцкого.

У преподавателей, ведущих курсы истории международных отношений, новой и новейшей истории Европы и Америки неизбежен соблазн «скатиться» в политику и заняться «параллелями

истории и современности». Но, насколько я знаю, В.В. удается абстрагироваться от текущей политики и не декларировать (особенно в учебной аудитории) личные политические позиции. Рассуждения в духе сослагательного наклонения («если бы ..., ... то бы») ему чужды. А вообще, мне трудно представить В.В. в роли активного политика-агитатора, да еще и на трибуне!

Тогда, при господстве формационных догматов, специализация кафедры всеобщей истории часто служила убежищем для студентов, сомневающихся в прописных истинах официальной истории и нацеленной на науку. В самом деле, какие идейно-политические угрозы для несведущих людей могла таить в себе история Ост-Индской кампании?! А географические координаты экзотической Новой Зеландии и по сей день для многих – загадка. Я знаю, как сокрушался В.В. по мере того, как система бакалавриата потихоньку «съедала» на его кафедре когда-то хорошо отработанные и суперпопулярные среди студентов спецкурсы молодых преподавателей. В.В. прекрасно осознает, что значит связь времен и поколений, когда речь идет о восприятии и упрочении научных традиций и исследовательского опыта. Несмотря на хроническое безденежье, ему удалось установить научные связи своих учеников с иркутскими историками. К сожалению, ситуация в сфере образования (а гуманитарного – в первую очередь!) не дает им возможности самореализоваться на научно-педагогическом поприще.

В.В. «вырос» в университете с уже устоявшимися традициями. Во время войны сюда были эвакуированы и возобновили преподавательскую практику известные специалисты, у которых учились наши преподаватели. Он помнит многих наших учителей, следит за их судьбой и по мере возможностей бывает в Иркутске. Как высокопарно это ни звучит, но умение хранить благодарность учителям, верность друзьям молодости и товарищам поздних лет характерны для В.В. Но главный авторитет для него в профессиональной деятельности – это Владимир Павлович Олтаржевский. Вплоть до сегодняшнего дня В.В. поддерживает дружеские и трогательные отношения (пусть это и сентиментальное определение, но оно точно, на мой взгляд, отражает их существо!) со своим учителем, встречаясь с ним в Иркутске

по юбилейным датам и научным мероприятиям. И разве могли они – В.П.О. и его ученик – наш юбиляр – в начале 70-х гг. XX века представить себе, что подготовят совместную монографию и «побывают» в Новой Зеландии, как бы по следам заключительных приключений экспедиции по поискам капитана Гранта¹!

В.В. не скрывает, что в школе В.П.О. он впервые почувствовал, «что такое научная кружковая работа» и «атмосфера доброжелательности, порождавшая надежду на возможность взаимопонимания преподавателя и студента». Наш юбиляр даже спустя несколько десятилетий помнит, что «прибившись» к кружку по истории международных отношений, он сразу почувствовал себя «в своей тарелке». Он признает, что именно В.П.О. в лекциях демонстрировал студентам «отточенность слога, зачастую в сочетании с тонким юмором». В этом В.В. видит истоки своего профессионального становления и об этом пишет в очерках, посвященных 75-летию профессора В.П.О.² Я вспоминаю как мы, поголовно влюбленные в В.П.О. не могли понять, как такой элегантный, интеллигентный мужчина с рыцарским обликом мог вести этот громадный, устрашающий и мрачно-экзотический курс средневековья? Правда, утешало то чувство юмора и снисходительность, которые демонстрировал Владимир Павлович по отношению к этим «Великим», «Добрым», «Сварливым», «Красивым» и «Лысым», «Коротким» «Безумным» европейским правителям. Поэтому-то древний мир в исполнении Г.И. Медведева казался красивой увлекательной сказкой.

Для меня В.В. существует в нескольких ипостасях, которые легко соотносятся с историей истфака. Упорно буду называть наше подразделение именно так. На всевозможных собраниях и заседаниях я видела В.В. в роли декана, заведующего кафедрой всеобщей истории, коллеги по профессиональному цеху, товарища и, не побоюсь, единомышленника по многим вопросам. Преподавательская корпорация – это особая профессиональная

¹ Грудзинский В. В., Олтаржевский В. П. Новая Зеландия в международных отношениях 1939–1945 г. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1993.

² Грудзинский В.В. Школа гуманизма // Историк «Земли морей». К 75-летию профессора В.П. Олтаржевского: очерки, биобиблиография / сост. С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин. Иркутск: Отгиск, 2010. URL: <http://www.istor97.narod.ru/prj/orsz/orsz5.htm>

аура, в которой формируется свой «кодекс» взаимоотношений, а в рамках его – межличностные «правила сотрудничества». В многолетнем неформальном общении я уже давно убедилась, что В.В. – истинный джентльмен, остроумный собеседник и доброжелательный человек. Дай бог сохраниться между нами доверительным взаимоотношениям (!). Вне всякого сомнения, он профессионал высшего класса. А какая память у него!

Как в прошлом, так и сейчас, В.В. – администратор, избегающий принятия скоропалительных решений, прикрывающий своих подчиненных и стремящийся сдерживать давление «сверху». Думаю, всем хорошо известна нелюбовь В.В. к протокольным мероприятиям, бюрократической суете и скептическое отношение к шумным публичным кампаниям. За время нашего административно-товарищеского общения мне нетрудно было заметить, что он начисто лишен менторских склонностей безотносительно кого бы то ни было: коллег, аспирантов, студентов. Даже занимая административные посты и принимая порой вынужденно жесткие решения, он не опускался до морализаторства и нравоучений. Вообще, принцип «семь раз отмерь, один раз отрежь» – это его рабочий почерк. Проявление его личностной и деловой культуры и заключалось в спокойной и уважительной манере общения с людьми, умении «гасить» свои эмоции в разных ситуациях и не разбрасываться пустыми обещаниями. Все эти качества особенно проявились у В.В. в бытность деканом истфака. А в пространстве «закрытой» студенческой аудитории, я думаю, что В.В., воспроизводит ту культуру преподавания и поведения, которая была характерна для В.П.О. и, которого отличало умение выстроить образные ряды, «сдобрить» скучные сюжеты историческими шутками и негромкая спокойная речь, выстроенная в форме расуждений.

Как человек с незашоренным типом профессионального сознания, В.В. негативно относится ко всем казенно-бюрократическим «новациям» в вузовской системе и, в частности, в преподавании исторических наук. В начале 90-х годов прошлого века, когда «идеологические оковы спали», появилась возможность творческого переосмысления (пишу без пафоса!) учебной программы на истфаках. Мы с В.В. были единодушны в том, что главная

проблема – в синхронизации преподавания курсов зарубежной и российской истории. В конце 1990-х годов нам удалось побывать на Всероссийском семинаре по проблемам преподавания истории в вузах, организованном академическим Институтом всеобщей истории. Отправились с воодушевлением, вооружившись просчитанными планами перегруппировки учебных дисциплин. Ничего удивительного не было в том, что преподавательское сообщество всей страны продемонстрировало солидарное мнение по этим «больным» вопросам. Однако эйфория творчества длилась недолго. Позже появились бесчисленные стандарты, компетенции и прочие псевдо-методические указания, и прогрессивная идея вынуждена была «умереть». Мне кажется, что теперь уже ушедшие в прошлое тысячелетие проекты были бы отвергнуты как бессмысленные и абсурдные «мечтания». Одно утешение – с этого семинара мы привезли кучу книг, подаренных институтом.

Обычно юбиляру адресуют букет традиционных пожеланий! Я к ним присоединяюсь. А от себя: «... желаю Вам всего того, чего желаете себе...» (из песни тех лет в исполнении Ю. Гуляева).

Жоров Е.А.¹

Имперский фронт челябинского англоведения

В конце 80-х годов XX века в связи с началом перестройки и кризисными явлениями в советском обществе в отечественной исторической науке наметились существенные изменения – все чаще СССР стали сравнивать с империями, повсеместно прекратившими свое существование. Случилось так, что обновление теоретических подходов в истории совпало по времени (1986 г.) с переездом из Иркутска в Челябинск молодого, но уже состоявшегося кандидата исторических наук, специалиста по дипломатическим аспектам участия Новой Зеландии во Второй миро-

---

¹ Жоров Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Челябинский государственный педагогический университет».

вой войне – Владимира Грудзинского. По воспоминаниям самого Владимира Викторовича, выбирая для себя новую исследовательскую магистраль, он хотел выявить общие черты, закономерности, аналогии между Россией и Британией. Так зародилось новое научное направление, посвященное всестороннему изучению идеологического, ментального, экономического и территориального измерений Британской империи.

Итогом первого этапа работы стала защита в 1996 г. докторской диссертации на тему: «Великобритания и ее доминионы в последней трети XIX – первой четверти XX веков: идейно-политическая эволюция и проблема имперского единства». Немногим ранее свет увидела монография Владимира Викторовича «На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.)». Над книгой, тема которой касалась взаимоотношений Великобритании и её самоуправляющихся колоний, автор работал на протяжении долгих тринадцати лет, пытаясь найти ответ на сложный вопрос о возможностях сохранения Империи.

Изыскивая ответы, Владимир Викторович погрузился в хитросплетения идейно-политической борьбы в среде правящих классов Великобритании и ее доминионов по вопросу о модернизации и укреплении государственного союза. В «зигзагах» имперской эволюции, он представил историю Британии не только как процесс практически непрерывного территориального расширения, но и сложных духовных и политических превращений, подобных тем, что имели место в так называемую «Эру Чемберлена» – время национальных противоречий и острых социальных конфликтов, заслонивших собой на время подъем национального движения в автономиях.

По воспоминаниям автора¹, проблема заключалась в том, что выходцы с Британских островов, заселяя и осваивая территории Северной Америки, Африки, Австралии, где туземное население было малочисленно, постепенно отрывались от своей Родины. На этих территориях стали формироваться новые нации. Постепен-

---

¹ При составлении рецензии использованы материалы интервью В.В. Грудзинского корреспонденту газеты «Университетская Набережная» Е. Титовой (Грудзинский В.В. Вот уже двадцать лет живу историческим факультетом» // Университетская Набережная. 01.08.2006. Вып. 741).

но у самоуправляющихся колоний стали появляться собственное понимание места в мире и стремление к самостоятельности и даже отделению. В то же время, большинство политических деятелей Британии считали такие перспективы неблагоприятными, так как это означало бы постепенный развал Империи, её превращение из великой державы в обыкновенную страну.

Хрупкое «динамическое» равновесие, достигнутое между силами централизации и децентрализации в отношениях между Великобританией и доминионами в начале XX века, не выдержало испытания Первой мировой войной. Предельное сплочение империи вопреки ожиданиям вызвало к жизни рост центробежных тенденций. «По-новому взглянув на самих себя и свое место в мире, молодые нации Содружества приступили к поиску собственного пути развития», – заключил автор. Курс на сохранение Британской империи как единой державы потерпел фиаско.

Ответив на главный вопрос о конечности существования Империи и получив докторскую степень, Владимир Викторович казалось всецело сконцентрировался на подготовке плеяды талантливых аспирантов, вслед за ним раскрывавших различные аспекты имперских параллелей. Но спустя без малого двадцать лет на суд научной общественности была представлена новая монография – «Великобритания и ее империя в середине XIX века: либерализм и проблема модернизации»¹, являющая собой своеобразную предысторию первой книги. В содержательном аспекте труд призван развить важную тему взаимосвязи либеральной модернизации и стратегии Великобритании в имперских делах, а также подвести некоторые итоги исследованию российской историографией феномена эволюции Британской империи.

Объявляя либерализм двигателем глубинной модернизации, В.В. Грудзинский обращает внимание на идейные и экономические предпосылки перемен, всколыхнувших страну во второй трети XIX века. Особое место абсолютно обоснованно уделяется итогам и значению парламентской реформы 1832 г.

Изучая чрезвычайно сложные процессы эволюции «старой колониальной системы» империореориентации товарных рынков

---

¹ Грудзинский В.В. Великобритания и ее империя в середине XIX века: либерализм и проблема модернизации. Челябинск: Энциклопедия, 2015.

от внутриимперского пространства вовне, автор провозглашает разрыв с марксистской историографией, подчёркивавшей усиление социальной и экономической эксплуатации колоний, что подтверждается постепенным отказом от рабства и монопольных прав торговых компаний.

Обращаясь к взаимоотношениям метрополии и переселенческих колоний, Владимир Викторович приводит обзор хозяйственной структуры Нижней и Верхней Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки, новых и старых элементов. Особое внимание уделяется новой стратегии отношений с колониями – систематической колонизации, создававшей уникальные социально-политические общности, прошедшие через путь конституционных реформ.

Иная ситуация складывалась в Индии, где проблема «столкновения цивилизаций» и необходимости межкультурного диалога была намного сложнее и глубже. Либеральные преобразования обострили у индийских традиционалистов ощущение угрозы их идентичности, и диалог двух народов захлебнулся.

Либеральная основа имперской модернизации в пределах так называемой «неформальной империи» рассматривается автором не только с экономических позиций (стратегия фритреда), но и с политических. В результате влияние Британии в любом из описываемых регионов (Латинская Америка, Азия, Африка) вышло далеко за пределы отвлеченных понятий, что создало задел, позволивший Лондону развернуть дальнейшее проникновение за пределы формальной империи.

Обстоятельно освещая перемены в имперской стратегии Соединенного Королевства, обусловленные комплексом исторических сдвигов 1860-х – начала 1870-х гг., В.В. Грудзинский отмечает, что к этому времени потенциал классического либерализма заметно истощился и на повестку дня выходил альтернативный вариант модернизации, связанный с идеологией «нового» империализма.

Таким образом, новая книга свела воедино тщательно отобранные из всеобщей историографии факты и открыла читателям новые секреты, отражающие результаты многолетних плодотворных усилий В.В. Грудзинского по осмыслению социально-исторических процессов в Британской империи.

Подводя итог попытке комплексного осмысления двух замечательных книг и очерчивая современный научный фронт в изучении более чем полувековой эволюции Британской империи, хочется отметить, что Владимиру Викторовичу Грудзинскому с неизменным и поразительным успехом удастся представлять на страницах своих трудов широкую панораму тенденций и событий, достойную стать учебником для многих грядущих поколений студентов и аспирантов.

В год шестидесятилетнего юбилея мэтра южно-уральского англоведения хочется пожелать Владимиру Викторовичу здоровья, успехов в любой деятельности, новых талантливых учеников на пути превращения научного направления в Школу британских исследований, простирающуюся далеко за пределы Университета и региона.

ИЗ ИСТОРИИ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Акимов Ю.Г.¹

Схватка на стыке империй: Атлантический регион Канады во время Войны за Австрийское наследство, 1744–1748 гг.

В статье рассматриваются боевые действия между англичанами и французами в Атлантическом регионе Канады в ходе Войны за Австрийское наследство. Основное внимание уделяется попыткам французов отбить у англичан колонию Новая Шотландия, а также экспедиции против французской крепости Луисбург, организованной колониями Новой Англии. Также выясняется специфика отношения к англо-французскому соперничеству со стороны жителей колоний.

Ключевые слова: Война за Австрийское наследство, Северная Америка, Англия, Франция, Новая Шотландия, Акадия, Луисбург.

С начала XVII в. Атлантический регион Канады (территория современных провинций Новая Шотландия, Нью-Брансуик и Остров принца Эдуарда) стал ареной соперничества Англии и Франции – двух ключевых игроков в колониальной Северной Америке. Этот регион располагался на «стыке» двух колониальных империй, каждая из которых долгое время считала его своим. В 1604–1605 гг. французами там была основана колония Акадия, а в 1620-е гг. англичане там же впервые попытались создать колонию Новая Шотландия². Вплоть до начала XVIII в.

---

¹ Акимов Юрий Германович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. y.akimov@spbu.ru

² Следует учитывать, что в рассматриваемый нами период Новой Шотландией назывался не только одноименный полуостров, но и весь Атлантический регион Канады (иногда даже с прилегающими районами современного штата Мэн).

в регионе в целом доминировали французы, однако англичане много раз предпринимали попытки выбить их оттуда. В ходе Войны за Испанское наследство последним, наконец, удалось захватить часть французской Акадии, расположенную на полуострове Новая Шотландия, и закрепить ее за собой по условиям Утрехтского мира (1713)¹. Однако в последующие три десятилетия британский колониальный режим в Акадии, окончательно ставшей Новой Шотландией, был весьма слаб и призрачен. Основное население колонии составляли французские поселенцы (акадийцы), которые формально являлись британскими подданными, но де-факто приобрели уникальный нейтральный статус. Английское присутствие в Новой Шотландии олицетворяли немногочисленные чиновники и слабый гарнизон, располагавшийся в ее административном центре – городке Аннаполис-ройял. Положение усугублялось тем, что остальная часть Атлантического региона находилась под контролем французов. На острове Кейп-Бретон ими была построена мощная крепость Луисбур; они также пользовались поддержкой большинства местных индейцев².

В 1744 г. после достаточно длительной паузы англо-французское соперничество в Северной Америке возобновилось. Это было связано с началом Войны за Австрийское наследство, в которой Англия и Франция оказались в составе противоборствующих группировок. Атлантический регион снова стал полем битвы. В настоящей статье мы рассмотрим ход боевых действий в данном регионе в 1744–1748 гг., определим цели и задачи сторон, выясним, какую позицию занимали жители английских и французских колоний в имперском конфликте.

* * *

Официально война между Англией и Францией была объявлена 15 марта 1744 г. (хотя в Европе уже достаточно давно шли боевые действия, в которых принимали участие обе стороны). Спустя полтора месяца известие об этом пришло в Луисбур. Коммендант крепости (он также был главой всей администрации на

---

¹ См.: Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй. С. 432–435, 506.

² См.: Акимов Ю.Г. Очерки ранней истории Канады. С. 249–250, 271–275.

острове Кейп-Бретон) Жан-Батист-Луи Ле Прево Дюкенель, не дожидаясь каких-либо инструкций властей, решил нанести удар по английским позициям в Новой Шотландии – Акадии. Он приказал капитану Жозефу Дюпону Дювивье захватить Кансо – ближайший к Луисбуру укрепленный пункт противника. Помимо солдат участвовать в операции вызвались несколько судовладельцев, получивших каперские патенты. На рассвете 13/24 мая французы появились в бухте Кансо. Небольшой форт обороняли 87 английских солдат под командованием капитана Патрика Хэрона. Нападавших было как минимум в два раза больше. Пока люди Дювивье готовились к высадке, каперы начали обстрел английских позиций. В этой ситуации Хэрон решил не испытывать судьбу и капитулировал, не сделав ни единого выстрела.

Воодушевленный легкой победой комендант Луисбура решил, что он сможет своими силами выбить англичан из Аннаполиса. По замыслу Дюкенеля, административный центр Новой Шотландии должен был быть атакован со стороны залива французами, а с тыла – индейцами. Известный проповедник аббат Жан-Луи Ле Лутр, пользовавшийся огромным авторитетом среди микмаков и являвшийся активнейшим защитником французских интересов в Атлантическом регионе, должен был своими проповедями заставить индейцев встать на тропу войны¹.

Положение англичан в Аннаполисе было достаточно сложным. В распоряжении губернатора Новой Шотландии Пола Маскарена имелось лишь 150 солдат и офицеров. Как только в конце мая он почти одновременно получил известия о начале войны и о захвате французами Кансо, он стал готовиться к отражению возможного нападения. В спешке приводились в порядок укрепления (к этой работе были привлечены и акадийцы), офицеры гарнизона отправили свои семьи в Бостон. Наибольшую тревогу у Маскарена вызывали его французские подданные-акадийцы. Однако он надеялся, что они сохраняют верность принесенной присяге и будут соблюдать нейтралитет. Понимая, что имеющихся у него сил явно недостаточно, Маскарен обратился за помощью к администрации Массачусетса. Губернатор этой колонии Уильям Шёрли обещал свое содействие.

---

¹ Lanctot G. Histoire du Canada. T. III. P. 86.

Тем временем 1/12 июля 1744 г. под стенами Аннаполиса появилось около 300 воинов-микмаков, собранных аббатом Ле Лутром, которому Дюкенель обещал, что основные силы французов появятся в заливе Фанди не позднее середины июля. Однако никаких кораблей на горизонте не было видно, а английская артиллерия не позволяла индейцам приблизиться к форту. Через четыре дня в Аннаполис пришло судно из Бостона, которое доставило еще 70 солдат, выделенных Шёрли. В этой ситуации боевой дух микмаков упал, и они решили ретироваться, так и не дождавшись французов, которые задержались из-за того, что их корабли не были готовы во время выйти в море.

Несмотря на срыв операции, губернатор Луисбура не хотел отказываться от своих планов. 29 июля небольшой отряд (50 солдат и несколько десятков индейцев) под командованием того же Дювивье был отправлен в Новую Шотландию в качестве авангарда. Он должен был пересечь пролив Кансо, высадиться в северной части полуострова и оттуда двигаться к Аннаполису, по дороге соединившись с местными индейцами. Кроме того французы рассчитывали на содействие акадийцев.

8 августа Дювивье высадился в Зеленой бухте (Бэ-Вер) в районе перешейка Шиньекто и направился в сторону залива Фанди. Всем встречавшимся ему акадийцам он стремился внушить, что пришел освободить их от иноземного владычества; однако в своем подавляющем большинстве они остались глухи к его заявлениям и тем более не торопились вставать под французские знамена. На акадийцев не действовали никакие посулы, а когда Дювивье начал угрожать им репрессиями, то они стали вести себя еще более настороженно, а порой и откровенно недружественно по отношению к французским солдатам. В итоге к его отряду присоединилось всего несколько человек. При этом некоторые акадийцы активно помогали англичанам. В частности, «депутат» Луи Робишо предупредил Маскарена о приближении французского отряда к Аннаполису. Впрочем, основная масса акадийцев предпочитала держаться в стороне и от англичан, и от французов.

Более существенную помощь Дювивье получил от индейцев. К нему присоединилось почти 300 микмаков и малеситов, с которыми он 7 сентября появился в долине Аннаполиса. Дювивье

не рискнул штурмовать форт без артиллерии и ограничился лишь осадой, ожидая прибытия обещанных подкреплений. Однако время шло, а французские корабли не появлялись. Зато к англичанам 26 сентября прибыло два судна из Бостона с продовольствием и подкреплениями. В частности в Аннаполис был переброшен знаменитый своей жестокостью отряд индейцев мохоук под командованием Джона Горэма. Несмотря на это Дювивье не оставлял своих позиций до 2 октября, когда к нему прибыл гононец из Луисбура с известием, что эскадра не в состоянии выйти в море до следующей весны, и приказом встать на зимние квартиры недалеко от Аннаполиса в районе бухты Мин, где находилось несколько крупных акадийских деревень. Однако из-за того, что акадийцы относились к французам все более враждебно и отказывались снабжать их продовольствием, а также из-за угрозы возможного нападения со стороны англичан, осторожный, если не сказать нерешительный, Дювивье предпочел вернуться в Луисбур. Очередная попытка отбить Новую Шотландию – Акадию провалилась.

Эта неудача дорого стоила французам. Соотношение сил в Северной Америке было явно не в их пользу, и добиться успеха они могли, только используя фактор внезапности. Теперь время было упущено, и инициатива перешла в руки англичан, точнее, жителей Новой Англии, которые некогда сыграли важную роль в завоевании Акадии и теперь стремились, во-первых, не допустить потери этого важнейшего форпоста, а во-вторых, надеялись воспользоваться ситуацией и попытаться нанести новый удар по позициям французов в Атлантическом регионе и по возможности совсем выбить их оттуда.

Следует учитывать, что это время в Североамериканских владениях Лондона все громче звучали голоса, призывающие к объединению колоний для окончательного вытеснения французов из Канады, что, в свою очередь, позволило бы англо-американцам добиться большей автономии от метрополии. Активнейшим сторонником борьбы с французами был вышеупомянутый Шёрли. Этот деятельный и честолюбивый политик был хорошо знаком с историей англо-французской борьбы в Северной Америке и прекрасно понимал, какое важное значение Новая Шотландия имеет

для всех британских владений на этом континенте и в особенности для Новой Англии. По мнению воинствующего пуританина Шёрли, Новая Шотландия должна была войти в «сферу влияния» Массачусетса и стать оплотом «истинной веры» в борьбе с папизмом¹. Именно Шёрли, получив известие о трудном положении Маскарена в Аннаполисе, убедил ассамблею Массачусетса отправить в административный центр Новой Шотландии провиант и подкрепления, которые, как мы знаем, прибыли как раз вовремя.

Однако Шёрли не собирался ограничиваться лишь обороной. В Бостоне строили планы наступательных действий. Целью жителей Новой Англии был Луисбур – главный опорный пункт французов в непосредственной близости от Новой Шотландии, ключ ко всем французским владениям в долине реки Св. Лаврентия, наконец, символ могущества папистов-«идолопоклонников». Именно по Луисбуру Шёрли планировал нанести главный удар.

Здесь возникает вопрос: как англо-американцы решились напасть на самую большую и самую мощную крепость континента, строившуюся по канонам великого Вобана? Ведь раньше (во время предшествующих англо-французских войн конца XVII – начала XVIII в.) они, в основном, предпочитали действовать главным образом руками метрополии и/или индейцев.

Несмотря на то, что строительство Луисбура не было окончательно завершено, и его гарнизон был не слишком большим (о чем, несомненно, знали в Новой Англии), крепость могла выдержать длительную осаду, благодаря своей естественной неприступности. Однако к несчастью для французов имелось еще одно обстоятельство, также известное англо-американцам из Бостона и позволявшее им надеяться на успех. Дело в том, что в декабре 1744 г. среди солдат дислоцированного в Луисбуре швейцарского полка Каррера начались волнения, которые вскоре переросли в открытый бунт, охвативший почти весь гарнизон. Главной причиной возмущения были махинации исполнительного комиссара (интенданта) крепости Франсуа Биго и его ближайшего окружения. Солдаты жаловались на непомерно высокие цены в войсковых лавках, невыносимые условия жизни в неотапливаемых и кишящих паразитами казармах, однако самой главной причиной

---

¹ См. : Brebner J.B. New England's Outpost. P. 110.

недовольства было то, что Биго посылал их в свободное от службы время на строительство укреплений, никак не оплачивая эту работу. Возможно, свою роль в том, что бунт начался именно в это время, сыграла неожиданная смерть губернатора Дюкенеля в октябре 1744 г. В этой ситуации лейтенанту Луи Дю Пон Дюшамбону, исполнявшему обязанности коменданта крепости и губернатора острова, пришлось пойти на уступки солдатам и только после этого возмущение постепенно улеглось. Естественно, что этот инцидент самым пагубным образом сказался на дисциплине и боевом духе гарнизона.

Пока в Луисбуре бунтовали солдаты, в Бостоне шла лихорадочная подготовка к экспедиции. Шёрли удалось убедить ассамблею Массачусетса объявить о наборе 3000 волонтеров и вотиловать крупные суммы на военные нужды. Для руководства предприятием был создан специальный комитет, в который вошли представители исполнительной и законодательной власти колонии; его председателем стал Уильям Пепперел, полковник колониальной милиции, член Совета Массачусетса и состоятельный торговец.

Серьезной проблемой, с которой столкнулись Шёрли и Пепперел, было отсутствие в колониях военных кораблей, которые могли бы защитить транспортные суда с экспедиционными силами, следующие к Луисбуру. Рассчитывать на присылку эскадры из Англии не приходилось, поскольку метрополия в тот момент испытывала серьезные затруднения в Европе (французы теснили англичан и их союзников в Нидерландах и в Германии; кроме того, велась подготовка к высадке якобитов в Шотландии). В тот момент единственной английской боевой единицей в Западном полушарии была небольшая эскадра commodora сэра Питера Уоррена, находившаяся на острове Антигуа. После достаточно долгого обмена письмами между Бостоном, Лондоном и Малыми Антильскими островами Уоррен получил приказ присоединиться к экспедиции против Луисбура.

Впрочем, даже без особого содействия со стороны метрополии жителям Новой Англии удалось собрать весьма внушительные силы. В Бостоне было снаряжено 12 больших транспортных судов. На них погрузилось в общей сложности 4300 человек: в

основном это были волонтеры-милиционеры из Массачусетса, а также Нью-Гемпшира и Коннектикута. Выучка многих частей колониальной милиции оставляла желать лучшего, однако их боевой дух был чрезвычайно высок. Не случайно в историографии за этим предприятием закрепилось название «Крестовый поход пуритан»¹. После некоторых колебаний общее руководство им было поручено Пепперелу.

24 марта 1745 г. англо-американская флотилия покинула Бостон и 4 апреля подошла к мысу Кансо, где простояла три недели, ожидая подхода кораблей Уоррена. Наконец под их прикрытием суда экспедиции двинулись дальше и 30 апреля появились на внешнем рейде Луисбура. Хотя еще осенью 1744 г. баскский корсар Жоанни-Галан д'Олабарац сообщил Дюшамбону о готовящемся нападении и назвал его сроки, комендант никак не отреагировал на эту информацию, очевидно, надеясь на неприступность стен и не предполагая, что в английских колониях смогут собрать столь многочисленные экспедиционные силы. Это тем более странно, если учитывать, что гарнизон Луисбура насчитывал всего 560 солдат, к которым могли присоединиться еще около 800 матросов, рыбаков и поселенцев.

Первоначально англо-американцы планировали блокировать крепость с моря и ограничиться лишь осадой. Однако опасаясь, что на выручку Луисбуру из Франции может прийти сильная эскадра, они реши предпринять более энергичные действия. 11 мая Пепперел организовал высадку десанта в Пуант-Плат (сейчас Саймон-Пойнт) в одной миле к западу от крепости. Со своей стороны Дюшамбон проявил крайнюю нерешительность, что, очевидно, было связано с настроениями, царившими в его гарнизоне. Офицеры были деморализованы и опасались своих же солдат едва ли не больше, чем неприятеля. Наибольшее самообладание в это ситуации проявил старый корсар Пьер Морпен, сражавшийся с англичанами еще во время Войны за Испанское наследство. Он попросил у коменданта дать ему несколько сотен солдат, чтобы помешать англичанам. Дюшамбон, боявшийся массового дезертирства, выдели ему только 80 человек. Когда

---

¹ См., например: Drake S.A. The Taking of Louisbourg, 1745. Boston, 1890. P. 65.

крошечная колонна подошла к месту высадки, противник уже успел закрепиться на берегу. Тем не менее, Морпен атаковал англо-американцев и нанес им существенный урон и только на следующий день ввиду явного численного превосходства неприятеля вернулся в крепость.

14 мая англо-американцы начали обстрел Луисбура. Хотя Уоррен неоднократно предлагал взять крепость штурмом, Пепперел предпочел продолжать осаду, не надеясь на своих милиционеров, которые в первые дни после высадки рассеялись по окрестностям, грабя покинутые жителями дома. С трудом восстановив в своих войсках некое подобие дисциплины, Пепперел организовал рытье траншей, что позволило англо-американцам приблизиться к стенам крепости и, соответственно, повысило эффективность их огня. В свою очередь Дюшамбон допустил еще одну крупную ошибку, приказав оставить Королевскую батарею – важнейшее звено в цепи французских оборонительных сооружений. Уже 2/13 мая она была занята англо-американцами. После этого основная борьба разгорелась вокруг другого опорного пункта – так называемой батареи на Острове, которая прикрывала вход во внутреннюю гавань Луисбура. Все попытки осаждавших захватить ее были отбиты. Наибольшую стойкость в этих стычках проявили канадские ополченцы и рыбаки. Однако, несмотря на это, положение осажденных становилось все более сложным. 19 мая к Луисбуру подошел французский корабль «Вижилан» с боеприпасами и провиантом для гарнизона. Не подозревая о том, что крепость осаждена англо-американцами, капитан «Вижилана» маркиз де Ля Мезонфор спокойно вошел в гавань, где его немедленно атаковали корабли Уоррена. После жаркой схватки с несколькими кораблями Мезонфору пришлось спустить флаг. После этого эпизода защитникам крепости уже не приходилось рассчитывать на какую-либо помощь метрополии. Корабли из Франции в лучшем случае могли прибыть не ранее, чем через 5–6 месяцев. В Канаде (Новой Франции) крупных воинских контингентов не было, а кроме того, там также опасались нападения англичан и/или жителей их колоний и не хотели рисковать. Зато к Пепперелу в конца мая прибыли подкрепления. Из Англии пришло два линейных корабля и четыре фрегата, что

резко усилило огневую мощь осаждавших. Также англо-американцы смогли установить пушки на господствующих над Луисбуром высотах, откуда они стали спокойно расстреливать батареи на «Островке». 15/26 июня созданный Дюшамбоном военный совет высказался за сдачу крепости. Начались переговоры, и 17/28 мая, после семи недель сопротивления, Луисбург капитулировал. Всем защитникам крепости и жителям окрестных поселений было обещано, что они сохранят все свое имущество и будут доставлены во Францию. В ответ на просьбу некоторых жителей разрешить им остаться на Кейп-Бретоне Уоррен, явно намекая на якобитов, заметил: «У нас в Англии уже есть пример катастрофических последствий присутствия французов среди нас». Уже осенью 1745 г. большая часть французов была отправлена в Европу.

Известие о взятии Луисбурга вызвало бурю восторга в английских колониях. Воодушевленные успехом Уоррен и Шёрли сразу же начали строить планы новой экспедиции против французов. Используя захваченный Луисбург как базу, они хотели уже весной 1746 г. нанести удар по Квебеку – «сердцу» Новой Франции. Впрочем, в метрополии к их идеям отнеслись весьма сдержанно, поскольку положение дел в Старом Свете оставалось сложным. В свою очередь колонии, в принципе поддерживая мысль о необходимости захвата Канады, не спешили выделять для этого средства. Тем не менее, к концу лета 1746 г. Уоррен и Шёрли собрали в Массачусетсе до 7 тысяч милиционеров и начали подготовку кампании против Канады.

Однако неожиданно ситуация резко изменилась. Падение крепости, которую считали неприступной и которая была призвана символизировать могущество Франции, произвело в Версале эффект разорвавшейся бомбы. Смириться с тем, что кучка каких-то английских поселенцев под предводительством торговца захватила цитадель, носящую его царственное имя, Людовик XV не мог. Он решил нанести по англичанам в Америке решительный удар, чтобы раз и навсегда обезопасить французские владения от каких-либо угроз. Дела в Европе в целом шли успешно для Франции. В мае 1745 г. была одержана знаменитая победа при Фонтенуа, французским войскам также сопутствовал успех в Италии. В июне 1745 г. Людовик XV приказал бывшему командующему

французским галерным флотом герцогу д'Анвилю отбить Луисбург, обеспечить надежную защиту Канады, а затем атаковать англичан в Новой Шотландии и на Ньюфаундленде. В обстановке строжайшей секретности в Бресте начался сбор эскадры и формирование экспедиционного корпуса. В операции должна была участвовать почти половина французского атлантического флота и крупный воинский контингент. Однако подготовка затянулась на целый год. Лишь 22 июня 1746 г. армада д'Анвиля вышла в море. К берегам Северной Америки отправилось 10 линейных кораблей, 3 фрегата, 3 галиота и более тридцати транспортных судов, на которых находился полк Понтё. Всего в экспедиции участвовало 3150 матросов и солдат. Кроме того, уже «на месте» к силам д'Анвиля должна была присоединиться эскадра адмирала Конфлана (4 линейных корабля).

Но уже с самых первых дней плавания экспедицию стали преследовать неудачи. У Азорских островов французские корабли попали в мертвый штиль, который затем неожиданно сменился сильным штормом, унесшим жизни нескольких десятков человек. Переход через Атлантику получился очень долгим (два с половиной месяца) и тяжелым. Начались болезни, которые охватили значительную часть экипажей. По свидетельству очевидца, на кораблях было больше больных, чем здоровых. Наконец 10 сентября 1746 г. суда д'Анвиля подошли к берегам Новой Шотландии — Акадии. Следуя полученным инструкциям, командующий двинулся в Шибукту, рассчитывая соединиться там с эскадрой Конфлана и получить сведения о передвижении сухопутных войск из Канады. Однако 13 сентября у южной оконечности полуострова Новая Шотландия корабли д'Анвиля попали в сильнейшую бурю, которая не утихала в течение трех дней. Это была настоящая катастрофа! Несколько транспортных судов разбились о скалы у печально известного острова Сабль, еще несколько кораблей было отнесено в открытый океан, после чего они ушли либо на Антильские острова, либо во Францию. Наконец 27 сентября жалкие остатки экспедиции наконец вошли в гавань Шибукту. Однако там не было никого, за исключением небольшой группы индейцев. От них французы узнали, что какие-то большие корабли стояли в этой гавани несколько недель, но со-

всем недавно ушли в неизвестном направлении. Таким образом, надежды на соединение с Конфланом рухнули. В этот же день, 27 сентября, скончался уже давно болевший герцог д'Анвиль. Его сменил вице-адмирал Константен-Луи д'Этурнель. Однако на этом злоключения французов не закончились, как будто экспедицию продолжал преследовать злой рок. Три дня спустя с д'Этурнелем случился какой-то странный припадок; он пытался покончить с собой и нанес себе несколько тяжелых ран. Его удалось спасти, но исполнять обязанности главнокомандующего он уже, естественно, не мог. Остатки экспедиционных сил возглавил Жак-Пьер де Таффанель маркиз де Ля Жонкьер, будущий губернатор Канады. Первоначально он надеялся, что имеющихся в его распоряжении сил хватит хотя бы для того, чтобы атаковать Аннаполис, к которому уже двигался отряд де Рамзе (см. ниже); о том, чтобы отбить Луисбург, речь уже не шла. Однако местные рыбаки сообщили Ля Жонкьеру, что в Бостоне эскадра Уоррена готовится выйти в море, а в Аннаполис прибыли подкрепления. В этой ситуации он предпочел не рисковать и отдал приказ возвращаться во Францию. Поскольку на кораблях катастрофически не хватало моряков, некоторые наиболее сильно пострадавшие суда пришлось сжечь и еще несколько – отправить в Квебек. Остальные взяли курс на восток и в декабре добрались до французского побережья. Так бесславно закончилась экспедиция, призванная продемонстрировать могущество Франции. Потери составили 2400 человек, при том, что в ходе всей операции не было сделано ни единого выстрела¹.

Впрочем, один положительный момент для французов во всей этой истории все же был. Известие о том, что к берегам Нового Света направляются значительные французские силы, заставило англо-американцев свернуть все приготовления к нападению на Канаду и думать только об обороне.

Неудачный поход д'Анвиля сделал бесполезными все остальные действия, предпринятые французами в Атлантическом регионе летом и осенью 1746 г. Как уже говорилось, из Канады на соединение с д'Анвилем было отправлено 700 ополченцев и индейцев под командованием Жана-Батиста-Николя Роша де Рам-

---

¹ Parkman F. France and England in North America. Vol. 2. P. 672–687.

зе. 5 июня 1746 г. они отплыли из Квебека на торговых судах и, повторяя маршрут Дювивье, 10 июля высадились в Зеленой бухте (Бэ Верт) на перешейке Шиньекто. Оттуда де Рамзе отправил Жозефа-Мишеля Легардёра де Круазий с небольшим отрядом, состоявшим в основном из индейцев, на остров Сен-Жан, приказав ему отбить у неприятеля Пор-ля-Жуа. Поскольку англичане оставили там лишь несколько десятков человек, Легардёр де Круазий легко справился со своей задачей.

22 сентября де Рамзе получил известие, что корабли д'Анвиля появились у Шибукту. Не зная о бедственном положении эскадры, де Рамзе, действуя согласно намеченному плану, двинулся к Аннаполису, которого он достиг 11 октября. Но теперь англичане располагали гораздо большими силами, чем в 1744 г. Гарнизон Маскарена был усилен отрядами бостонской милиции. Тем не менее, несмотря на свое как минимум двукратное (а по данным Ле Жёна – пятикратное) превосходство, англичане не решились напасть на канадцев, хотя де Рамзе даже не начал осадных работ, а лишь окружил форт своими дозорами, чтобы его защитники не могли получать продовольствие от местных жителей. Естественно, де Рамзе надеялся на то, что скоро к Аннаполису подойдет французская эскадра, и соотношение сил изменится в его пользу.

Однако время шло, а корабли под флагами с лилиями не появлялись. Зато из Бостона в Аннаполис прибыла еще рота солдат. Спустя три с лишним недели де Рамзе был вынужден отступить сначала к бухте Мин, а затем в Бобасен, где он встал на зимние квартиры. Под давлением Шёрли Маскарен, в очередной раз получив подкрепления из Новой Англии, приказал полковнику Артуру Ноблу взять 500 солдат и отправиться в район Мин, предполагая, что французы все еще находятся там. Нобл должен был изгнать неприятеля из пределов полуострова и остаться на зимовку в акадийских селениях этого района.

Узнав, что де Рамзе уже ушел из бухты Мин на перешеек Шиньекто, Нобл решил его не преследовать и остановился в Гран-Прэ и соседних деревнях. При этом он не предпринял никаких мер предосторожности, понадеявшись на снегопад, холод и большое расстояние, отделяющее бухту Мин от перешейка. В свою очередь де Рамзе, получив сведения о появлении англичан в этом

районе, решил напасть на них. Для атаки было выделено 240 канадцев и 60 индейцев, под началом помощника де Рамзе Кулона де Вилье.

12 января 1747 г. его отряд выступил в сторону бухты Мин. Хотя Нобла предупреждали о готовящемся нападении, он не поверил, что в разгар зимы французы решатся напасть на него. На рассвете 31 января в сильную метель люди де Вилье обрушились на англичан. В самом начале схватки был убит Нобл, а вскоре был ранен командир французского отряда. Но Луи Ля Корн, принявший командование вместо де Вилье, не дал англичанам опомниться и довершил разгром. Спустя два часа после начала боя помощник Нобла Бенджамен Голдтуэйт капитулировал.

Бой у Гран-Прэ поддержал честь французского оружия, но никаких ощутимых результатов не принес. Ситуация в Акадии не изменилась.

Что касается англичан и жителей их колоний, то после взятия Луисбура они также больше не предпринимали никаких серьезных действий. Как уже отмечалось, еще в 1746 г. Шёрли предлагал напасть на Канаду, но его план не получил одобрения. С одной стороны, свою роль здесь сыграла информация о походе эскадры д'Анвиля, с другой – сложная обстановка на Британских островах, где только в апреле было покончено с попыткой Карла-Эдуарда Стюарта захватить трон.

Снова начать приготовления к большой экспедиции против Квебека в английских колониях попытались в середине 1747 г., но ситуация в Европе опять не позволила Лондону оказать им эффективное содействие. Наоборот, победа при Року, взятие Мадраса дали возможность французскому правительству выделить небольшой контингент для североамериканского театра военных действий. В начале 1747 г. в Америку была отправлена эскадра, состоявшая из 7 военных кораблей, 6 судов, принадлежащих Компании Индий, и 26 транспортов под командованием Ля Жонкьера. Но 14 мая у мыса Ортегаль французский конвой был атакован двумя английскими эскадрами адмиралов Энсона и Уоррена, насчитывавшими 17 линейных кораблей. После неравного семичасового боя Ля Жонкьеру пришлось спустить флаг, правда за это время большая часть транспортов смогла уйти от

противника. Однако еще одна попытка Франции предпринять какие-либо активные действия в Северной Америке провалилась.

В 1748 г. между противоборствующими группировками начались переговоры, и 18 октября в Ахене (Экс-ля-Шапель) был подписан мирный договор между Англией и Францией, к которому вскоре присоединились и другие участники конфликта. Желание Людовика XV «заклЮчить мир как подобает королю, а не как подобает торговцу» привело к тому, что плодами блестящих побед Морица Саксонского воспользовался Фридрих II, присоединивший к своим владениям богатую Силезию, а французы были вынуждены довольствоваться лишь тем, что у них появилась поговорка «Работать на Прусского короля». Франция должна была очистить все территории (Австрийские Нидерланды, часть Голландии), оккупированные во время войны. Правда поскольку по условиям англо-французского соглашения обе стороны отказывались от всех завоеваний как в Европе, так и в колониях, то согласно IX пункту Ахенского много договора Луисбург возвращался Франции в обмен на Мадрас¹.

Но этот же пункт содержал положения, которые вскоре стали причиной нового конфликта между англичанами и французами в Америке. В ходе мирных переговоров снова был поставлен вопрос о границе между Канадой и английскими колониями, в первую очередь Новой Шотландией, который оставался открытым еще с момента заключения Утрехтского мира. Теперь державы окончательно договорились о создании специальной комиссии для его разрешения².

* * *

В ходе Войны за Австрийское наследство противоречия, существовавшие между Англией и Францией в Северной Америке, не были разрешены. Обе стороны понимали, что новый конфликт неизбежен и не заставит долго себя ждать. Но если в Европе после подписания Ахенского мира установилось хотя бы кратковременное затишье, то в Америке борьба уже фактически не прекращалась до Семилетней войны, которая стала трагическим финалом этой полуторавековой схватки.

---

¹ Traité de paix. P. 18–19.

² Ibid.

Библиография

1. Акимов Ю.Г. Очерки ранней истории Канады. СПб.: Изд-во ВИРД, 1999. – 336 с.
2. Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. Изд. второе, перераб. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 567 с.
3. Brebner J.B. New England's Outpost: Acadia before the Conquest of Canada. New York: Columbia University Press, 1927. – 291 p.
4. Drake S.A. The Taking of Louisbourg, 1745. Boston, 1890. – 139 p.
5. Lanctot G. Histoire du Canada: 3 t. T. III. Du Traité d'Utrecht au Traité de Paris, 1713–1763. Montréal: Librairie Beauchemin limitée, 1966. – 405 p.
6. Parkman F. France and England in North America: in 2 vols. Vol. 2: New York: The Library of America, 1983. – 1620 p.
7. Traité de paix entre le Roi, le Roi de la Grande-Bretagne, et les États généraux des Provinces-unies des Pays-Bas, conclu à Aix-la-Chapelle le 18 octobre 1748; avec les accessions du Roi Catholique de la Reine de Hongrie et de Bohême, impératrice, du Roi de Sardaigne, du Duc de Modène et de la République de Gênes. Paris: Imprimerie royale, 1750. – 79 p.

Гелла Т.Н.¹

«Белые» колонии в идеологии и практике британских политических и общественных кругов в последней трети XIX в.

Статья посвящена проблемам взаимоотношений Великобритании с заморскими колониями в конце XIX в. В ней анализируются

¹ Гелла Тамара Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и регионоведения, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева». E-mail: gellat@mail.ru

ются концепции представителей либеральной и консервативной партий относительно роли «белых колоний» в судьбе Британской империи, отношение английского общества к вопросу об имперской федерации и практические шаги Лондона по консолидации империи.

Ключевые слова: Британская империя, доминионы, самоуправление, федерация, либералы, консерваторы.

В конце XIX в. большое внимание в английских политических кругах уделялось проблемам взаимоотношений с «белыми» или переселенческими колониями – Канадой, Австралией, Новой Зеландией, Капской колонией. Возросшая их самостоятельность ставила перед британскими властями вопрос о пересмотре тех отношений, которые сложились между ними и метрополией во времена фритреда, и разработке новых форм отношений между ними. Немаловажное значение для них имел вопрос о роли колоний и доминионов в укреплении оборонной мощи Великобритании.

Известный вклад в развитие либеральных концепций относительно переселенческих колоний внес лидер либеральной партии У. Гладстон. Являясь сторонником принципов *laissez-faire* и фритреда, он придерживался положения о том, что метрополия не в праве вмешиваться в законодательную деятельность доминионов. Ему принадлежит следующее высказывание: «Колонии должны быть хозяевами в собственном доме, и их преданность империи должна быть чисто добровольной»¹. Гладстон рассматривал империю как союз развивающихся обществ, строящих свое сотрудничество не на силе, а на принципах свободного выбора и сознающих, что Британия защитит их в момент опасности. Выступая против утверждения своих политических противников о том, что введение самоуправления в колониях приведет к распаду империи, он заявлял, что самоуправленческое начало в них – это важнейшее средство сохранения ее единства. Такой подход к переселенческим колониям позволял Гладстону избегать крайностей империалистической пропаганды, но в

---

¹ Strauss W. Joseph Chamberlain and the Theory of Imperialism. New York, 1971. P. 9.

то же время не мешал ему выступать в поддержку Британской империи.

Середина и конец 70-х гг. XIX в. связаны с правлением консерваторов во главе с Б. Дизраэли. В рассматриваемый период происходило переосмысление понятия «империя», оно наполнялось новым содержанием. Провозглашение королевы Виктории «Императрицей Индии» в 1876 г. придало Британии и ее колониальным владениям огромную значимость, повысило их престиж в мире, а название «Британская империя» стало официальным. Интерес к ней охватывал все более широкие слои английского общества. «Дейли Телеграф» в 1875 г. писала: «Наступают времена, когда Англия вновь проявляет глубочайшую заинтересованность в своих колониях». Колониальные проблемы, продолжала газета, «начинают вторгаться в каждодневные дела миллионов, час за часом деловой мир, центром которого является Лондон, обнаруживает необходимость в ... продукции колониальных товаров»¹.

Колониальный курс консервативного правительства во многом определялся имперскими воззрениями его главы – Б. Дизраэли, пользовавшегося огромным авторитетом среди своих коллег по партии и в политических кругах страны в целом. Российский дипломат М. Бартоломей сообщал о нем в 1875 г.: «До сих пор г-н Дизраэли продолжает быть лидером консервативной партии. Его преобладающее преимущество над всеми своими коллегами непоколебимо; занимаемое им положение остается, как всегда, очень сильным в глазах Парламента и всей палаты в целом»².

Во взглядах Б. Дизраэли на империю определенно прослеживаются два подхода. Первый заключался в тесном сочетании и переплетении внешнеполитических и колониальных вопросов, причем последние являлись как бы производными от первых и призваны были обеспечить их успешное развитие. Дизраэли утверждал, что за годы безрезультатного правления либералов положение Англии в «Европейском концерте» великих держав на континенте пошатнулось, поэтому главной целью внешнеполитического курса консервативного правительства являлось восстановление роли Великобритании как ведущей державы Европы, и огромная Британская

¹ The Daily Telegraph. 1875, 1 May.

² Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. 1875 г. Д. 71. Т. 2. Л. 519.

империя должна была служить этой задаче. Он всегда утверждал, что «флот, колонии и торговля» являлись основой могущества Англии. Дизраэли больше волновала не столько колониальная политика как таковая, сколько ее влияние на внешнеполитический курс. Важная роль во внешнеполитических и имперских воззрениях Дизраэли отводилась Индии. Все действия европейских держав оценивались им через призму «опасности» для нее. Безопасность Индии, охрана морских и сухопутных путей к ней ставились во главу угла всей внешней политики Дизраэли. Необходимо заметить, что в рассматриваемый период индийские интересы становятся синонимом национальных интересов англичан. Российский историк В.Н. Виноградов отмечал: «Ближневосточные и балканские дела Дизраэли, уже не как романтик, а как политик, рассматривал в имперские очки»¹. Лидер консерваторов заявлял, что Восточный вопрос заключался в Индии. Его внешнеполитические позиции можно охарактеризовать его же словами: «... власть и влияние мы должны проявлять в Азии, следовательно, в Восточной Европе, а значит, и в Западной Европе»². И все его действия как премьера – приобретение акций Суэцкого канала, Акт об императорском титуле, отправка индийских войск на о. Мальта и оккупация о. Кипр – являлись отражением стремления защитить британские морские пути в Индию. Таким образом, первый подход Дизраэли к империи можно сформулировать следующим образом: преобладание европейско-континентальных интересов над имперскими; империя служит основой для укрепления престижа Англии в Европе; наличие азиатских владений, и в первую очередь Индии, и их оборона объявляется первоочередной задачей английской дипломатии.

Второй подход Б. Дизраэли касался уже проблем устройства империи и характера ее взаимоотношений с метрополией. Его не интересовали детали колониальной жизни, он не вникал в тонкости колониальных проблем. Для Дизраэли важным было то общее значение, которое имела империя для укрепления европейского престижа Англии. Дизраэли мало уделял внимания взаимоотношениям метрополии с ее самоуправляющимися колониями,

¹ Виноградов В.Н. Британский лев на Востоке. М., 1991. С. 128.

² Dutchie J.L. Some Further Insight into Imperialism: Lord Salisbury, the “Forward” Group and Anglo-Afghan Relations: 1874–1878 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. Vol. 8. 1980. N 3. P. 276.

хотя саму идею колониального самоуправления он не отвергал. Исследователь Дж. Морисон полагал, что Дизраэли, этот «проповедник империализма», не понимал сути современных ему взаимоотношений метрополии и колоний. Причину историк видел в том, что Дизраэли был человеком самого Лондона, Лондонского общества, которые представляли для него определенные «ценности», а колониальные общества носили «неустойчивый характер», так как колонисты рано или поздно должны были, по его мнению, вернуться в покинутую ими ранее Англию¹. Поэтому, как считал Дизраэли, вся жизнь колонистов должна была контролироваться и регулироваться из Лондона. А отсюда и его представления о Британской империи и о взаимоотношениях Лондона со своими заокеанскими владениями.

В отличие от либералов и от У. Гладстона, в частности, глава консерваторов полагал, что понятие «империя» как «свободная ассоциация самоуправляющихся британских поселений» содержало в себе свидетельство скорее ее слабости, чем силы. Дизраэли рассматривал империю как сплоченную, готовую к любым военным действиям единую систему, руководство которой осуществлялось из единого центра и которая основывалась на единой военной силе. Причем он не отрицал необходимости осуществления некоторых самоуправленческих принципов в колониях. Дизраэли говорил, что Британия имеет территории во всех районах земного шара, они населены людьми разных национальностей, с различными религиями, законами и обычаями. «Некоторые из них, – продолжал он, – связаны с нами ... пониманием того, что без их связи с метрополией они не приобретут гарантий для общественных свобод и самоуправления, другие связаны с нами плотью и кровью, а также как материальными, так и моральными соображениями»². Миллионы жителей империи связаны с Англией военными узами. Все они, по мнению Дизраэли, готовы признать ведущую роль Британских островов³. Уже сложившейся имперской структуре Дизраэли хотел придать характер единой военной силы. Империя в его представлении кардинально отли-

---

¹ Morison J.L. The Imperial Ideas of Benjamin Disraeli //Canadian Historical Review. 1920. Vol. 1. Sept. P. 273.

² Hansard's Parliament Debates (Далее – HPD). 3 Ser. 1878. Vol. 239. Col. 777.

³ Ibid.

чалась от воззрений Гладстона. Если у последнего это свободный союз самоуправляющихся наций с общепризнанным лидером в лице Англии и последующей перспективой приобретения ими полной независимости, то у Дизраэли это централизованная, военная империя, призванная обеспечить позиции Великобритании как ведущей державы мира, причем ее «ресурсы и армия» должны находиться под контролем правительства, а не парламента. Правда, в воззрениях Дизраэли содержалось одно противоречие: было неясно, как могла сочетаться строгая военная централизованная империя с набиравшими силу тенденциями децентрализации самоуправляющихся колоний.

Роль Б. Дизраэли в развитии имперской идеологии и стратегии заключалась в том, что он пытался сочетать внешнюю политику с имперской, придав первой «имперские» черты и направленность, и соединить понятия «империя» и «патриотизм» воедино. Он убеждал англичан, что величие и процветание Британии неотъемлемо связано с империей и с консервативной партией, которая представляла интересы широких слоев населения. Дизраэли считал, что «абсолютно необходимо, чтобы условия жизни населения (империи. – Т.Г.) стали предметом» пристального рассмотрения тех, «кто был наделен властью в Англии»¹.

Взгляды Б. Дизраэли пользовались поддержкой у членов парламента и представителей английского общества. Но не последнюю роль в определении колониального курса консервативного кабинета играла и позиция ближайших соратников торийского лидера. Так, Ст. Норткоут, канцлер казначейства, высказывался категорически против теории дезинтеграции империи. Ее силу и мощь он видел в «консолидации» колоний с метрополией. Он говорил, что «... в целях консолидации нашей власти, скрепления воедино нашей колониальной и Индийской империи с метрополией должна быть проделана работа в огромном объеме»². Сторонником сильной империи был и лорд Карнарвон, глава Министерства колоний. Дизраэли писал о нем в 1874 г.: «Кажется, он очень занят присоединением территорий к империи»³. В отличие

¹ The Times. 1874, 23 July.

² The Nineteenth Century. 1878. N 14. April. P. 631–632.

³ Disraeli B. The Letter of Disraeli to Lady Beaconsfield and Lady Chesterfield / Ed. by M. Zetland. In 2 Vol. L., 1929. Vol.1. P. 206.

от Дизраэли, имперские воззрения его министра колоний характеризовались более конкретной, практической направленностью. Он являлся сторонником активного колониального курса, «политики действия», особенно на границах империи. В то же время его больше интересовала уже существующая империя, ее мощь и безопасность. Некоторые его высказывания относительно имперских вопросов были близки к либеральным. Он отдавал предпочтение «хорошему», «экономному» правительству и, где это было возможно, «самоуправлению» в колониях. Показательно в этом отношении его выступление в ноябре 1878 г. в Эдинбурге, где он говорил о двух типах «империализма»: «ошибочном» и «подлинном». «Ошибочный», или «ложный», империализм – это цезаризм, это единоличное правление, это милитаризм и быстро увеличивавшаяся армия. Но Англия, по его мнению, обладает более широким взглядом на империю, который представлен «подлинным», «истинным» империализмом, сила которого покоится на английских традициях и вере. «Истинный» империализм способствует лояльным настроениям миллионов британских поселенцев, связанных с империей «общими корнями, судьбой, языком, законами и преданностью к короне», и он подготавливает путь к реализации мечты о «великом англоговорящем обществе, объединенном воедино в мирную конфедерацию, настолько сильную, чтобы не быть досаждаемой никакой другой нацией, и настолько мощной и великодушной, чтобы не досаждать ни одной более слабой нации»¹. Рассуждения Карнарвона об «англоговорящем обществе», о «мирной конфедерации» во многом были близки либеральным высказываниям о «самоуправляющихся нациях».

Проблема будущего устройства Британской империи была в центре внимания различных слоев английского общества в последней трети XIX в.² В среде представителей английских политических и общественных кругов все настойчивее раздавались голоса в пользу укрепления имперских отношений. Одной из форм

---

¹ Koebner R., Schmidt H.D.. Imperialism. The Story and Significance of a Political Word. 1840-1960. Cambridge, 1964. P. 154–155.

² О роли и месте «белых» колоний в рамках Британской империи в 80–90-х гг. XIX в. см.: Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX первая четверть XX вв.). Челябинск, Челяб. Гос. Ун-т, 1996. С. 75–79.

взаимоотношений предлагалась имперская федерация, или конфедерация. В последние два десятилетия XIX в. движение имперской федерации приобретало все больше сторонников. Отмечая популярность этого движения, русский посол в Лондоне Е. Стааль в начале 1890-х гг. сообщал в Россию: «Еще несколько лет тому назад называли фантазерами тех, кто говорил об имперской федерации. Сегодня этим термином свободно пользуются в Англии. Во всяком случае федералистский принцип в той или иной форме займет значительное место в политике англо-саксонского мира, и для метрополии нужно будет так держать свой компас, чтобы остаться во главе движения, которое, кажется, заявляет о себе, если она не хочет отказаться от своего господства и увидеть, как будет приспущено знамя Великобритании»¹. Идеи имперской федерации становились популярными среди политических и общественных деятелей различной ориентации. Наряду с идеологическим обоснованием движения происходило его и организационное оформление. В 1884 г. в Англии была образована Лига имперской федерации, членами которой стали представители двух правящих партий и многочисленных общественных организаций. Одним из ее организаторов был У. Форстер, известный либеральный политик, а после его смерти в 1886 г. организацию возглавил лорд Розбери. Е. Стааль в письме к министру иностранных дел Н.К. Гирсу в ноябре 1889 г. указывал, что Лига имела «многочисленных сторонников, особенно среди членов радикальной партии». Относительно Розбери он замечал, что тот «стал пылким лидером этого движения»². Программные ее документы призывали «деятелей всех политических партий» оказать поддержку организации³.

Наряду с Лигой имперской федерации в 1880–1890-х гг. существовали и другие общества, ставившие своей целью пропаганду имперского союза. К их числу можно отнести, например, Лигу торговли объединенной империи, Британскую имперскую лигу, Комитет имперской защиты, Ассоциацию имперского единства. Активной пропагандой федералистских идей занимался Имперский институт, образованный в 1886 г. и находившийся под по-

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1891 г. Д. 63. Л. 68/об.–69.

² Там же. 1889 г. Д. 61. Л. 95 а/об.

³ The Imperial Federation League. 1884–1893 // United Empire. 1915. N 4. Apr. P. 263–265.

кровительством королевы Виктории, президентом которого был принц Уэльский¹.

Одним из результатов пропагандистской работы сторонников движения имперской федерации явилось проведение в Лондоне в апреле-мае 1887 г. конференции представителей колоний, приехавших в столицу в связи с «золотым юбилеем» правления королевы Виктории. Русский посол оценивал ее работу следующим образом: «... Ее значение вряд ли следует искать в обсуждавшихся ею вопросах. Если она встретила столь сочувственные отзывы во всей прессе и публике, то это главным образом потому, что она показалась английскому общественному мнению внешним признаком сплочения разбросанных Великобританских владений, наглядным проявлением силы и роста империи и имперских идей...»². Однако реально конференция не добилась больших результатов³.

Идеи имперского союза получили признание среди представителей двух правящих партий. Наиболее последовательным ее сторонником стал Дж. Чемберлен, в 1886 г. вышедший из состава либеральной партии и образовавший свою либерал-унионистскую партию. Он убеждал англичан, что прогресс самой Англии находился в тесной связи с «неослабевающим ростом Британского имперского союза». Одно из важнейших положений плана имперской федерации, по его мнению, заключалось в создании союзной системы имперской обороны⁴. Планы Чемберлена по созданию имперской федерации основывались на отказе от фритредерских положений о невмешательстве метрополии в дела колоний.

Представители либеральной партии относились к идее имперской федерации сдержанно. Они не отрицали значения империи для экономического и политического развития Англии. Уже в 1870-х гг. У. Гладстон говорил, что чувство империи «врожденное» у англичан, а лорд Спенсер выступал против обвинения ли-

---

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1887 г. Д. 66. Л.183; 1893 г. Д. 59. Л. 146/об.–157; Веснин А. Британская имперская федерация и английские торговые интересы. СПб., 1900. С. 94; Review of Reviews. 1891. N 15. March. P. 215–216.

² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1887 г. Д. 66. Л. 130. 134/об.

³ Там же. Л. 131/об.-133; Рапопорт С. Деловая Англия. М., 1903. С. 276.

⁴ Strauss W. Op. cit.

бералов в том, что они якобы разрушили империю, и заверял, что наоборот, они делали все для ее укрепления¹. Либералы всегда выказывали свое чувство гордости за империю. Г. Кемпбелл-Баннерман, один из либеральных лидеров, например, убеждал англичан, как, впрочем, и Чемберлен, что рост их благосостояния зависит от развития ресурсов и «тесных и сердечных» отношений со «всеми членами британской семьи, разбросанных по всему земному шару»². Сын Гладстона Герберт заявлял, что все либералы являлись империалистами в «правильном смысле этого слова». Он аргументировал свое утверждение тем, что каждый либерал питал дружеские чувства к империи и проявлял острейшую заинтересованность в развитии каждого ее района. В этом отношении, по его мнению, все либералы – империалисты³. Видный деятель либеральной партии У. Харкорт также настаивал на том, что величие Британской империи связано с предоставлением колониям прав самоуправления, в чем, по его мнению, и заключалась заслуга либералов⁴. Являясь поборниками мирных средств, названные либералы выступали против открытого применения силы в отношении колоний. Так, Дж. Морли, представитель радикального крыла партии, касаясь вопроса об империи, заявлял: «Я не люблю этого термина. Я хотел бы видеть федерацию независимых колоний, центром которого является Англия. Если вы думаете, что это и есть империя – пусть будет так. Но империя включает в себе понятие о господстве при помощи силы над покоренными народами. Такое господство может лишь разрушить федерацию»⁵.

Большинство либералов, являясь приверженцами принципов фритреда и «самоуправляющихся наций», выступали с критикой идей имперского союза. Морли еще в 80-х гг. утверждал, что с созданием имперской федерации возникнет много проблем. В частности, колонии, выразив желание принимать участие в ре-

¹ The Liberal Magazine. 1898. Vol. 5. P. 510; Concept of Empire from Burke to Attlee. 1774–1974. L., 1962. P. 264.

² Liberal Publication Department. Pamphlets and Leaflets. L., 1896. No. 6.

³ Ibid. 1902. No. 13.

⁴ Ibid. 1897. No 6. P. 9.

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 1390, оп. 2, д. 20, л. 45/об.

шении вопросов о финансах Англии, не позволят англичанам сделать то же самое относительно их финансов¹. Либералы, сторонники «Малой Англии», выступали против изменения уже сложившихся отношений между метрополией и колониями. Они доказывали, что создание более тесных отношений повлечет за собой нарушение уже существующей независимости доминионов. Если это не отразится на вопросах внутреннего законодательства, то будет наглядно проявляться в вопросах внешней политики колоний и доминионов². По мнению этих либералов, главная трудность заключалась в учреждении центрального органа, в который бы входили представители метрополии и колоний. Их взгляды находили поддержку и в прессе. Так, «Найтинг Сенчери» в 1886 г. поместил статью Г. Тринга «Ошибочность «Имперской федерации», в которой автор поднимал вопрос о формах и путях изменения отношений между метрополией и ее самоуправляющимися колониями. Он называл два возможных варианта: либо многие функции местных властей будут изъяты и переданы имперскому правительству, либо, наоборот, имперская власть будет изъята у Лондона и передана колониям или другому какому-либо органу власти. Автор убедительно доказывал, что в первом и во втором случае такие изменения в имперских отношениях могли привести к развалу империи как таковой. Тринг делал вывод, что любой проект федерации невозможен³. Представители колониальных правительств также выражали сомнения в том, что лондонские парламентарии поделятся с ними частью имперской власти⁴.

Среди радикально настроенных деятелей, пожалуй, наиболее открыто в пользу имперской федерации выступал Ч. Дилк. Правда, он скептически относился к идее проведения имперских конференций представителей Британии и колоний, так как не верил в результативность их работы. По его мнению, конференции

---

¹ Thornton A.P. The Imperial Idea and Its Enemies. A Study in British Power. L., 1963. P. 53.

² The Liberal View. Series of Articles in Current Politics by Members of the '80 Club. L., 1904. P. 150, 153.

³ The Nineteenth Century. 1886. Vol. 19. May. P. 32–34.

⁴ Moyles R.G., Owsam D. Imperial Dream and Colonial Realities. British Views of Canada, 1880–1914. Toronto, 1988. P. 25.

могут быть в том случае успешными, если обсуждаемые на них проблемы будут ограничены вопросами обороны и коммуникаций¹. Хотя он и признавал, по словам русского военного агента в Лондоне, что «основанием Имперской Британской федерации ... должен был служить, во-первых, союз фискальный, а, главное, союз, имеющий целью объединение всей военной организации и всех вооруженных средств, имеющихся в распоряжении отдельных частей Британской империи»².

Показательно, что к созыву межколониальных конференций недоброжелательно относился У. Гладстон. Так, в конце 80-х гг. члены Лиги имперской федерации предприняли новую попытку организации колониальной конференции. Лорд Солсбери, являвшийся в тот период времени главой торийского кабинета, к которому они обратились за содействием, довольно холодно отреагировал на их инициативу. Он заявил, что не видел смысла в созыве конференции, так как Лондону нечего было предложить ее участникам. Негативную позицию к идее созыва новой колониальной конференции занял и У. Гладстон, в 1892 г. возглавивший либеральное правительство. Он сообщил членам делегации Лиги, что считает своим долгом предупредить их, что ни он, ни его «политические друзья» никогда не согласятся упрочить связь между метрополией и колониями предоставлением последним каких-либо таможенных преимуществ, которыми не пользовались бы и другие государства. Что же касается вопроса об «единстве военной обороны», то он полагал, что достижение такого союза было бы делом чрезвычайной важности, хотя и очень трудно исполнимым. Он отказывался созвать конференцию под предлогом того, что общество теперь «занято более важными и более настоящими ... вопросами, и навряд ли есть основания полагать, что можно сделать что-либо сейчас»³. Гладстон выражал недовольство стремлением самоуправляющихся колоний, в частности Канады, проявлять самостоятельность в решении меж-

---

¹ Koebner R., Schmidt H.D. Op.cit. P. 191.

² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 401. Оп. 5. 1891 г. Д. 7. Л. 316.

³ Imperial Federation League. P. 269, 271–272; Review of Reviews. 1893. Vol. 8. N. 41. Apr. P. 472; Рапопорт С. Указ. Соч. С. 278.

дународных вопросов, например, в деле американо-канадских переговоров о таможенных тарифах в начале 90-х гг.¹

Что же касается членов правого крыла либеральной партии, то они, напротив, проявляли большой интерес к движению имперской федерации. Лорд Розбери принимал деятельное участие в этом движении. Выступая за укрепление связей с доминионами, он определял имперскую федерацию как «наиболее тесный союз различного рода самоуправляющихся государств, управляемых британской короной в согласии со свободным развитием народов, ... тесный союз, выраженный в симпатиях, во внешних действиях и в обороне»². В 1884 г. Розбери отозвался об империи как о «содружестве наций», подразумевая под этим общество свободных и равноправных членов, связанных между собой общими законами, хотя и сохранявших местные традиции. Образование федерации, по его же словам, было господствующей страстью его жизни. Ему принадлежала фраза, что имперская федерация – это именно то дело, ради которого человек должен жить, а если понадобится, то и умереть³. Ни один человек в Англии не сделал столько для распространения имперских идей, сколько Розбери, считают британские историки Р. Кобнер и Н. Шмидт. По их мнению, «как империалист, лорд Розбери не принадлежал ни к одной из партий»⁴.

Правые либералы, или либерал-империалисты, как их стали называть, поддерживая идею создания имперской федерации, придерживались мнения, что к ее решению необходимо подходить с внепартийных позиций. Г. Асквит заявлял, что отношение Англии с колониями и имперская политика в целом должны быть вне сферы партийных споров. Консерваторов и либералов должна связывать общая вера в то, что осуществление имперского союза со всем значением, который он представлял как для самой Англии, так и для заморских владений, и с тем влиянием, которое он оказывал на отношения с другими великими державами, должен быть вопросом, который каждый англичанин, независи-

¹ Gladstone W.E. The Gladstone Diaries with Cabinet Minutes and Prime-Ministerial Correspondence / Ed. By H. Matthew. Oxf., 1994. Vol. 13. P. 221.

² Coates T.F. Lord Rosebery, his Life and Speeches. L., 1900. Vol. 1. P. 739.

³ Concept of Empire. P. 304; The Quarterly Review. 1898. Jan. P. 244.

⁴ Koebner R., Schmidt H.D. Op. Cit. P. 194.

мо от его партийной принадлежности, обязан рассматривать как важнейший среди других политических вопросов¹. Сторонники либерал-империалистических идей считали, что либералы были ответственны за предоставление самоуправления колониям и поэтому должны сделать все возможное для реализации идеи образования «свободного союза» между доминионами и метрополией².

Либерал-империалисты стремились представить либералов в качестве сторонников такой империи, которая строилась на демократических началах. Розбери характеризовал себя как либерала, который верил, что империя сохранится только на базе широкой демократии, а Г. Фоулер называл себя империалистом в лучшем смысле этого слова, так как он был горд, что является гражданином величайшей империи, чья власть представляла «символ свободы, справедливость, цивилизацию и прогресс»³. Давая определение понятию «империализм», Г. Асквит отмечал, что оно может быть принято не как «выражение политики угрозы, агрессии, подчинения, а как идеал, который сможет быть реализован только за счет дружеского сотрудничества ради общей цели свободных и самоуправляющихся обществ»⁴. Правые либералы, как и представители других направлений либеральной партии, считали, что империя должна строиться на добровольном согласии ее членов и состоять из свободных самоуправляющихся частей, объединенных не силой, а чувством привязанности и любви⁵.

Вопрос об имперской федерации и ее устройстве вызвал ожесточенные споры среди интеллектуальных кругов английского общества. Важной чертой в подходе англичан к проблеме переселенческих колоний в рассматриваемый период было то, что вопрос о дальнейшем развитии и совершенствовании самоуправления «белых» владений уже не ставился под сомнение и принимался как само собой разумеющийся. Именно в развитии

---

¹ The Times. 1896. 27 June.

² Langer W.I. The Diplomacy of Imperialism. 1890–1902. N.-Y., 1951. P. 71.

³ Fowler E.H. The Life of Henry H. Fowler, First Viscount Wolverhampton. L., 1912. P. 483.

⁴ HPD. 4 Ser. 1900. Vol. 78. Col. 739–340.

⁵ The Times. 1900. 27 Sept.; Liberal Publication Department. Set of Leaflets on Preferential Tariffs and Current Questions. October. L., 1903. N 18826.

самоуправления доминионов при сохранении имперского контроля Лондона за их внешней политикой английские политики, общественные деятели и ученые видели перспективу успешного имперского союза¹.

Четкого понимания того, что должна была собой представлять имперская федерация в 80–90-х гг. еще не сложилось. Одни сторонники этого движения представляли федерацию в виде таможенного союза и этим вызывали недовольство приверженцев фритреда; другие, наоборот, считали федерацию возможной лишь при введении всеми колониями свободы торговли, что не соответствовало взглядам протекционистов; третьи находили важным лишь объединение общих усилий по обеспечению морской обороны империи, но это предполагало новые денежные поступления из колоний, на что последние не соглашались. Были также и такие политики, которые понимали федерацию в узком смысле этого слова – принятие одинаковых торговых, семейных и иных законов. В дискуссиях о характере имперской федерации приняли участие и представители либеральной партии. Некоторые идеологи и политики во главе с Дж. Сили желали образования федеральной империи как единого государства по образцу Соединенных Штатов Америки. Другая группа, среди членов которой был Розбери, выражала надежду на развитие «Лиги свободных британских наций». Обе группы исключали Соединенные Штаты из своих планов. Третью точку зрения представлял Ч. Дилк. Его подход был менее выражен по вопросам конституционного устройства федерации, поскольку он делал упор на моральные и национальные связи ее членов².

Представители правого крыла либеральной партии приняли также участие в разработке проектов имперской федерации. Лорд Брассей предлагал, например, проект, в основе которого лежала идея в принятии билля, который бы учреждал целую серию новых законодательных собраний и административных департаментов для совместных действий метрополии и колоний. Р. Холден же считал, что одним биллем имперскую проблему нельзя решить, необходимо применить принцип «последовательности».

---

¹ The Nineteenth Century. 1880. Vol. 8. Aug. P. 246–248.

² Koebner R., Schmidt H.D. Op. Cit. P. 187–188.

Занимаясь разработкой проектов создания имперской федерации, он первоначально склонялся к мысли о передаче имперскому парламенту функций попечителя над делами всей империи, но, в конечном счете, пришел к выводу, что палате лордов необходимо придать функции имперского сената. По мнению Холдена, это помогло бы решить имперскую проблему и одновременно сняло бы с повестки дня вопрос о высшей палате¹. Однако идеи Холдена не нашли широкой поддержки даже среди сторонников либерал-империализма.

Вопрос об имперской федерации имел и другую сторону. В условиях обострения конкурентной борьбы между империалистическими странами, когда большинство из них вступило на путь введения высоких протекционистских пошлин, в Англии в 80–90-х гг. получили распространение идеи об отходе от принципа «свободной торговли» и возвращения к политике протекционизма. Фритред и базирующиеся на нем либеральные принципы внешнеэкономической политики государства перестали удовлетворять те круги, которые уже не видели в них средства, способствовавшие процветанию Англии. «Найтинг Сенчери» в 1881 г. писал: «наши промышленники все более и более вытесняются с рынков цивилизованного мира не за счет справедливой конкуренции, а благодаря жестким тарифам»². Е. Стааль сообщал в 1898 г. в Россию: «Свобода торговли, как основание экономического благосостояния страны, еще недавно составляла для англичан неоспоримый принцип. В последние годы положение изменилось. Число сторонников этой системы еще преобладает и нужно много смелости для открытой защиты протекционизма, но под влиянием коммерческого соперничества, со всех сторон понемногу распространяется убеждение, что свобода торговли не есть непреложная истина, а была выгодна для Великобритании в виду особых географических условий и главным образом в виду отсталости в торговом и промышленном отношении всех других стран»³. Протекционистская кампания обставлялась опять же возвышенными целями. Так, У. Хьюинс, известный идеолог протекционизма,

---

¹ The Edinburgh Review. 1900. Vol. 192. P. 268.

² The Nineteenth Century. 1881. Vol. 10. Oct. P. 589–605.

³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1898 г. Д. 68. Т. 1. Л. 147–147/об.

трактовал имперское движение следующим образом: «Имперское движение ... не являлось возвращением к протекционизму, но это был взрыв в стране против индивидуалистской концепции общества и средство для выражения в практической форме социальных понятий в их проявлении к великому обществу, членами которого мы являемся, именуемое Британской империей»¹. В Англии в 80-х гг. зародилось так называемое «движение за справедливую торговлю». По словам русского дипломата Н. Лессара, «*fair trade*» – это предоставление другим державам тех прав, которые они дают Англии, но так как нет надежды, чтобы они отказались от протекционизма, то на практике «*faire trade*» был бы переходом Англии к той же системе, все делается под прикрытием лицемерных фраз...»². Агитация за «справедливую торговлю» придавала империализму форму довольно популярного движения.

Идея введения преференцированных тарифов пользовалась популярностью среди консервативно настроенных англичан. В 1887 г. на заседании ассоциаций консервативной партии большинство делегатов склонно было рассматривать протекционизм как средство спасения от депрессии в торговле, в сельском хозяйстве и от безработицы. Лорд Солсбери в одном из своих выступлений в 1892 г. перечислил наименование товаров, которые, по его мнению, подлежали обложению специальными налогами. Правда, не все консерваторы одобрительно принимали протекционистские идеи. Рандольф Черчилль, например, недвусмысленно высказывался в пользу сохранения низких ввозных цен на предметы первой необходимости, так как полагал, что они и «политическая стабильность практически неотделимы» друг от друга³.

В середине 90-х гг. идея таможенного союза получила более острое звучание. В 1896 г. Дж. Чемберлен выдвинул идею создания таможенного союза по образцу старого германского Цолльферейна. В основе его плана лежал тезис о взаимосвязи имперской обороны и торговли. «Имперская оборона в большей степени вопрос о путях и средствах, а они зависят от фискальных

¹ Hewins W.A.S. The Apologia of an Imperialism. Forty Years of Empire Policy. Vol. 1. L., 1929. P. 3.

² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1898 г. Д. 68. Т. 2. Л. 300.

³ The Conservatives: A History from Origins to 1965. L., 1972. P. 236; Wilkinson W. Tory Democracy. N.-Y., 1925. P. 240–241.

и других коммерческих мероприятий, которые вы предпринимаете...», – убеждал он англичан¹. Чемберлен исходил из того, что в целом фритред не мог дать империи никаких особых преимуществ и предлагал от него отказаться². В июне 1899 г. он, как отмечал Н. Лессар, «открыто высказывал, что free trade не есть догмат, что это – система, вызванная известными обстоятельствами, и отступления от нее вполне основательны, когда вызываются потребностями страны»³. Но не все политические и деловые круги Англии поддерживали предложения Дж. Чемберлена. Так, в 1897 г. во время празднования юбилея правления королевы Виктории в Лондоне была проведена очередная конференция, в которой принимали участие представители колоний. Последние высказались за сохранение взаимных отношений в рамках империи в том виде, в каком они существовали на данный момент⁴.

Негативное отношение к протекционистским идеям выразили и либералы. Показательно, что в вопросе защиты принципов фритреда они выступили единым фронтом, отбросив в сторону разногласия по проблемам политической структуры имперской федерации и колониальной экспансии. Либералы, признавая некоторые положительные моменты чемберленовского плана, в частности, попытки решения вопроса об имперской обороне, все же высказывались против его утверждения о том, что введение протекционистской системы укрепит связь между колониями и метрополией. Они обращались к историческим примерам, ссылаясь на то, что именно во времена тарифной системы эти отношения были наиболее напряженными. Именно из-за них Англия потеряла Америку⁵. Либералы, придерживавшиеся различных политических ориентаций, дружно отстаивали фритредерские принципы. Еще в начале 80-х гг. У. Гладстон высказывал мысль,

---

¹ Concept of Empire. P. 316.

² The Liberal Magazine. 1896. Vol. 4. P. 116; Liberalism and Empire. Three Essays by Fr. W. Hirst, G. Murray, J.L. Hammond. L., 1900. P. 67.

³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1899 г. 65. Т. 1. Л. 163/об.

⁴ См.: Proceeding of a Conference between of the Secretary of State for the Colonies and the Priemers of the Self-Government Colonies at the Colonial Office. L., 1897 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1897 г. Д. 74. Т. 2. Л. 226–226/об., 229–238; Веснин Ф. Указ. соч. С. 282.

⁵ The Times. 1896, 11 June.

что «английская нация достаточно сильна в коммерческом отношении» для того, чтобы придерживаться собственного курса в вопросах внешней торговли¹. Позиция либералов отчетливо проявилась в «Манифесте», опубликованном членами «Клуба Кобдена» в 1899 г., в котором, в частности, отмечалось, что в связи с расширением новых территорий усиливался экономический интерес к ним. Но все страны должны руководствоваться по отношению к новым завоеванным землям принципами свободной торговли и равных возможностей². Либералы отвергали мысль о возможном распаде империи и о спасительной роли преференцированных пошлин. Они отмечали, что с помощью политики фритреда экономика доминионов окрепла. Колониальные власти Австралии, Новой Зеландии, Канады автономны в решении своих таможенных проблем. В выступлениях либералов звучала мысль, что империя была создана благодаря фритреду, она не могла бы существовать, если бы исключалось правило – каждая самоуправляющаяся часть империи имела право создавать свое благосостояние, применяя те методы, которые ей выгодны³. Либералы акцентировали внимание англичан на том, что финансовые и фискальные интересы колоний разнообразны и поэтому нет никакой гарантии, что протекционистские мероприятия приведут к всеобщему согласию между ними. Более того, утверждали они, могут возникнуть новые споры между самими колониями, с одной стороны, и между метрополией и колониями, с другой. Связи между Англией и ее владениями в результате этого ослабнут и, возможно, совсем будут порваны⁴. Либералы доказывали, что отношения внутри империи строятся не на материальных принципах, основанных на политике протекционизма, а на сентиментальных чувствах. Единый язык, литература, история и общие традиции в атмосфере полной свободы – вот наиболее действенные факторы для поддержания единства колоний, как бы далеко они не находились от метрополии. Если это не поможет, то не поможет уже ничего, утверждали они⁵.

¹ The Gladstone Diaries. Vol. 10. P. 89.

² The Times. 1899, 5 Jan.

³ Concept of Empire. P. 336.

⁴ LPD. Set of Leaflets. N. 1950.

⁵ Liberal View ... P. 156.

Правые либералы в этом вопросе заняли аналогичные позиции с другими членами либеральной партии. Асквит, хотя и соглашался с идеей создания аппарата для совместных с колониями консультаций и согласованных действий по обороне, склонен был считать, что те «свободные и непринужденные» отношения, которые существовали между метрополией и доминионами, можно было рассматривать как лучшую гарантию проявления имперского единства¹. Таких же взглядов придерживались Э. Грей и лорд Розбери. Последний заявлял, что он против «механического создания» имперского союза, который не сделает отношения между его членами ближе. Он считал, что союз, который сложился к тому периоду времени, покоился на собственном взаимном понимании, а это, по его мнению, являлось лучшей основой для империи. Он объявлял фритред гарантией сохранения и консолидации Британской империи².

Таким образом, английская буржуазия, осознавая роль империи в решении экономических и социальных проблем Англии, раскололась по вопросам о средствах претворения ее в жизнь. Протекционистская кампания Дж. Чемберлена в конце XIX в. только начиналась и потому не находила еще широкого отклика среди политических и деловых кругов Англии. Большинство из них оставалось приверженцами фритредерских принципов во взаимоотношениях между метрополией и доминионами. Хотя идея Имперского таможенного союза и не осуществилась в конце XIX в., само ее появление было весьма показательным. Она отражала существенное изменение в положении Англии на международной арене, перемещение центра тяжести в экономических интересах господствующих классов из метрополии в колонии, всесторонняя эксплуатация которых должна была с лихвой компенсировать замедленное развитие экономики Англии. Показательно, что в политике защиты фритреда либералы, несмотря на свои разногласия по вопросам колониальной экспансии и по своему отношению к движению имперской федерации, заняли единые позиции. Поддерживая консерваторов и либерал-унионистов

¹ The Liberal Magazine. 1897. Vol. 4. P. 282; Liberalism and Empire. P. 69.

² The Times. 1895, 22 Nov.; The Fortnightly Review. 1897. Dec. P. 846; The Liberal Magazine. 1898. Vol. 5. P. 504.

в их пропаганде идеи создания имперской федерации, правые либералы во главе с Розбери тем самым выступали против сторонников «Малой Англии». Но либерал-империалисты всегда и во всем оставались выразителями интересов фритредерских кругов Англии. Поэтому они не могли полностью принять идею создания имперской федерации, так как она предусматривала как раз отказ от фритредерских принципов, то есть от невмешательства метрополии в дела колоний.

Последние десятилетия XIX в. представляли собой период в истории Великобритании, когда идеи «нового империализма» получили широкое распространение среди различных социальных групп английского общества и находили практическое воплощение в имперской политике двух правящих партий. Влияние империалистических идей на британские политические и общественные круги, на наш взгляд, нашло свое отражение в положительном отношении некоторых их представителей к движению имперской федерации, ставшим популярным с начала 80-х гг. XIX в. и призванного крепить связи между членами Британской империи.

Библиография

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 470. 1875 г., 1887 г., 1891 г., 1893 г., 1897 г., 1898 г.
2. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1390. Дионео.
3. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 401. Оп. 5. 1891 г.
4. Hansard's Parliament Debates. 3 Ser. 1878; 4 Ser. 1900.
5. Concept of Empire from Burke to Attlee. 1774-1974. L., 1962. 434 p.
6. Liberalism and Empire. Three Essays by Fr. W. Hirst, G. Murray, J.L. Hammond. L., 1900. 218 p.
7. Liberal Publication Department. Pamphlets and Leaflets. L. 1896 N 6; 1897 N 6; 1902 N 13.
8. Liberal Publication Department. Set of Leaflets on Preferential Tariffs and Current Questions. October. L., 1903. N 18826.
9. The Liberal View. Series of Articles in Current Politics by Members of the '80 Club. L., 1904. 168 p.

10. Disraeli B. The Letter of Disraeli to Lady Beaconsfield and Lady Chesterfield / Ed. by M. Zetland. In 2 Vol. L., 1929. 409 p.
11. Gladstone W.E. The Gladstone Diaries with Cabinet Minutes and Prime-Ministerial Correspondence / Ed. By H. Matthew. Oxf., Clarendon Press. 1994. Vol. 13. 500 p.
12. The Daily Telegraph. 1875.
13. The Edinburgh Review. 1900.
14. The Fortnightly Review. 1897.
15. The Quarterly Review. 1898.
16. The Liberal Magazine. 1898.
17. The Nineteenth Century. 1878; 1886.
18. Review of Reviews. 1891.
19. The Times. 1874; 1895; 1896; 1899.
20. United Empire. 1915.
21. Веснин А. Британская имперская федерация и английские торговые интересы. СПб., 1900. 99 с.
22. Виноградов В.Н. Британский лев на Востоке. М., Наука. 1991. 160 с.
23. Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, Челяб. гос. ун-т, 1996. 312 с.
24. Рапопорт С. Деловая Англия. М., 1903. (Тип. Т-ва И.Д. Сытина). VII, 291 с.
25. The Conservatives: A History from Origins to 1965. By Norman Gash; Donald Southgate; David Dilks and John Ramsden. L., 1972. 492 p.
26. Dutchie J.L. Some Further Insight into Imperialism: Lord Salisbury, the “Forward” Group and Anglo-Afghan Relations: 1874-1878 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. Vol. 8. 1980. N 3. P. 181–207.
27. Koebner R., Schmidt H.D. Imperialism. The Story and Significance of a Political Word. 1840-1960. Cambridge, Cambridge University Press. 1964. 432 p.
28. Hewins W.A.S. The Apologia of an Imperialism. Forty Years of Empire Policy. Vol. 1. L., Constable & co. Ltd. 1929. 669 p.
29. Langer W.I. The Diplomacy of Imperialism. 1890-1902. New York, Alfred A. Knopf. 1951. 797 p.

30. Morison J.L. The Imperial Ideas of Benjamin Disraeli // Canadian Historical Review. 1920. Vol. 1. Sept. 267–280.

31. Moyles R.G., O'ram D. Imperial Dream and Colonial Realities. British Views of Canada, 1880-1914. Toronto, University of Toronto Press, 1988. 278 p.

32. Strauss W. Joseph Chamberlain and the Theory of Imperialism. New York, H. Fertig. 1971. 140 p.

33. Thornton A.P. The Imperial Idea and Its Enemies. A Study in British Power. L., Palgrave Macmillan. 1963. 372 p.

34. Wilkinson W. Tory Democracy. New York, Columbia University. 1925. 315 p.

Дронова Н.В.¹

В честь Томаса Кука и Джона Кука, строителей империи...

В статье на основе изучения юбилейных мероприятий в честь пятидесятилетия туристической фирмы «Томас Кук и сын» (22 июля 1891 г.) оценивается место компании в системе приоритетов имперского строительства, внешней и колониальной политики Британской империи второй половины XIX в. На примере деятельности компании Кука делается вывод об интегрированности британского бизнеса в обеспечение национальных интересов Великобритании, его активном участии в расширении Британской формальной и неформальной империй, влиянии буквы и духа предпринимательства на становление британской имперской идентичности.

Ключевые слова: Томас Кук, Джон Мейсон Кук, предпринимательство, Британская империя, имперское строительство, имперское сознание.

---

¹ Дронова Наталья Владимировна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). Dronova_n@mail.ru

Вечером 22 июля 1891 г. в лондонском отеле «Метрополь» царил оживление. В банкетном зале отеля собрались гости, среди которых были фельдмаршалы герцог Кембриджский¹ и тогда еще генерал принц Эдвард Саксен-Веймарский², супруг младшей дочери королевы Виктории Беатрисы принц Генри Баттенберг³, герцог Сазерленд⁴. Присутствовали высокопоставленные политики и чиновники из колоний. Среди них отметим Рыцаря-Командора ордена Святого Михаила и Святого Георгия, кавалера ордена Почетного Легиона австралийского политика сэра Грэхема Берри, а также знаменитого сэра Джорджа Боуэна⁵, послужившего империи за свою долгую жизнь во многих британских колониях в разных частях света – Австралии, Новой Зеландии, Гонконге. Выделялся яркий персонаж британской имперской истории сэр Джон Горст⁶, биография которого, по сути, является отражением вызовов его времени, вставив административную деятельность в Новой Зеландии и Индия Офис, успешную политическую и адвокатскую карьеру в самой Великобритании. Среди гостей выделялся успешный банкир и дипломат сэр Эдвард Блаунт⁷. Внимание привлекали широко популярные в Англии персоны – сэр Генри Остин Лэйярд⁸, больше известный как археолог, чем парламентарий, и генерал-майор сэр Генри Роулинсон⁹. Последний был для Великобритании фигурой символической – стойкий и храбрый офицер, парламентарий и дипломат, а также ученый-археолог и лингвист.

Собрание почтили своим присутствием многочисленные военные, среди которых упомянем сэра Редверса Буллера¹⁰ – генерала, отличившегося в египетской кампании 1882 г., и героя последовавших затем успешных операций в Судане, а также генерал-

¹ Dictionary of National Biography (Далее – DNB). Suppl. 2. Vol. 1. L., 1912. P. 184–186.

² Ibid. Suppl. 2. Vol. 1. P. 610–611.

³ Ibid. Suppl. 2. Vol. 2. P. 411.

⁴ Ibid. Vol. 33. L., 1893. P. 147–148.

⁵ Ibid. Suppl. 1. Vol. 1.L., 1901. P. 240–242.

⁶ Ibid. Suppl. 3. L., 1927. P. 218–219.

⁷ Ibid. Suppl. 2. Vol. 2. P. 94–97.

⁸ Ibid. Suppl. 1. Vol. 3. P. 82–85.

⁹ Ibid. Vol. 47. L., 1896. P. 328–331.

¹⁰ Ibid. Suppl. 2. Vol. 1. P. 248–253.

майора сэра Френсиса Гренфелла¹ – участника колониальных войн на севере и юге Африки. Пришли адмиралы, на долю которых пришлось по полвека нелегкой флотской службы и трудами которых Британия «правила морями». Среди них особого внимания заслуживает сэр Джон Далримпл Хэй, кавалер Ордена Бани, два десятка лет уже находившийся в отставке², которая в свое время имела большой резонанс, но которая не только не умалила уважение к адмиралу в обществе, но и, в известной степени, упрочила его личный политический капитал в парламентской деятельности.

Участником события был писатель и журналист Фрейзер Рэй³, живым пером которого описана последовавшая торжественная церемония, многочисленные директора и управляющие крупнейшими железнодорожными и пароходными компаниями со всего мира. Почетное место занимал Джеймс Стаатс Форбс⁴, известный не только как незаурядный инженер и талантливый руководитель железнодорожной компании, а также как знаток и коллекционер живописи. В зале находился один из самых успешных управляющих железнодорожными компаниями сэр Джеймс Оллпорт⁵. Был приглашен Уильям Кемпсон, мэр Лейстера, что было неудивительно, так как именно этому городу выпало стать точкой отсчета головокружительной коммерческой карьеры одного из главных виновников торжества – Томаса Кука, основателя знаменитой туристической фирмы, впоследствии ставшей именоваться «Томас Кук и сын».

Общее количество участников парадного банкета составляло около 300 человек. Поэтому поверим летописцу этого события Ф. Рэю, который утверждал, что «самой главной проблемой было найти достаточно большое помещение для друзей, которые хотели воздать своим присутствием дань уважения фирме»⁶. Гости и не поместились в одном зале, уточнялось в отчете об этом действе,

---

¹ Ibid. Suppl. 4. L., 1937. P. 362–364.

² Dalrimple J.C. Memorandum. Real-admiral Sir John C. Dalrimple Hay's Compulsory Retirement from the British Navy. L., 1870. 32 p.

³ DNB. Suppl. 2. Vol. 3. P. 150–151.

⁴ Ibid. Suppl. 2. Vol. 2. P. 37–39.

⁵ Ibid. Suppl. 1. Vol. 1. P. 42–43.

⁶ Rae W.F. The business of travel: a fifty years' record of progress: 1841 – Leicester to Loughborough (12 miles), 1891 – all over the globe. L., 1891. P. 2.

опубликованном на следующий день в «Таймс»¹. Слух участников банкета услаждали оркестр, а также выступления знаменитой к тому времени оперной певицы мадам Нордика (Лиллиан Нордика), известного виолончелиста Джозефа Холлмана и молодого в ту пору Йоханнеса Вольфа, исполнявшего сочинения для скрипки².

Председательское место занял Джон Мейсон Кук³ – сын Томаса Кука⁴ и совладелец фирмы. Помогали ему в осуществлении хлопотных обязанностей распорядителя банкета трое сыновей, также принимавших участие в грандиозном бизнесе. Клан Куков был не в полном сборе: «мистер Томас Кук, основатель туров, которому посчастливилось также основать династию»⁵, отсутствовал на торжестве по причине нездоровья и почтенного возраста⁶.

Приготовления к юбилею фирмы были начаты загодя. Ф. Рэйем был написан солидный том, незадолго до празднования юбилея вышедший из печати. Он был издан за счет фирмы в собственном издательстве. Книга имела название, которое, скорее можно расценивать как своего рода коммерческую рекламу: «Бизнес путешествий: описание пятидесяти лет прогресса: 1841 – из Лейстера в Лафборо (12 миль), 1891 – по всему свету». Вскоре были приняты переиздания этой книги, снабженные подробным отчетом о юбилейном банкете, который и стал главным источником вдохновения для автора этой статьи.

Изучать такое мероприятие – дело чрезвычайно увлекательное и поучительное, потому как детали события, складываясь в общую картину, отражают многосложный феномен общественного бытия, показывая его сущностные черты и рельефно представляя персонажей эпохи. Речи на юбилейном банкете являют собой особый жанр публичных выступлений, предполагающий, что специально избранный круг людей будет говорить только комплименты. Поэтому и круг вопросов, которые исследователь может обратиться к такому источнику, весьма специфичен, особенно если учесть стремление избежать захватывающего, но

¹ Times, 1891. July, 23.

² Rae, W. F. Op. cit. P. 3.

³ DNB. Suppl. 1. Vol. 2. P. 56–58.

⁴ Ibid. P. 55–56.

⁵ Times, 1891. July, 23.

⁶ Rae W.F. Op. cit. P. 12.

малопродуктивного в аналитическом смысле последовательного описания события. Позволим себе, предпринимая попытку рассмотрения банкета в честь полувекового юбилея фирмы «Томас Кук и сын», из многих открывающихся возможностей выделить ограниченный круг вопросов и попытаться подкрепить возникшую при знакомстве с этим великолепным документом мысль. Ее можно сформулировать кратко: банкет в честь фирмы «Томас Кук и сын» правомерно считать событием не только и не столько коммерческого и социального измерения британской истории, но еще и ярким свидетельством истории строительства империи.

Томас Кук – основатель одной из первых и, пожалуй, самых успешных, туристических фирм, – личность легендарная. Компания Кука была не единственной в Англии: туристический бизнес в ранневикторианскую эпоху привлекал многих¹. Но предпринимательский успех основателя фирмы, подкрепленный принявшим в 1878 г. бразды правления в семейном деле его сыном – Джоном Мейсоном Куком, сделали фирму исключительным явлением не только в британской, но и мировой истории. Размах деятельности их предприятия стремительно нарастал, обретал новое качество, заполнял все новые ниши в организации туризма как выгодного и респектабельного бизнеса. Фирма Кука предлагала современниками различные развлекательные, образовательные, паломнические поездки, чутко реагируя на новые социальные потребности и создавая лучшие условия их воплощения. Бизнес Куков принял международных характер и имел такой же громкий международный успех. Основанная им компания процветает и сегодня, подтверждая фактом своего существования перспективность и непреходящую общественную востребованность дела организации туризма.

Вернемся в банкетный зал. Развернувшееся там действие было весьма неординарным явлением в ряду аналогичных публичных собраний. В банкетах в Британии знали толк; они были событиями не только частной жизни, но и протокольными мероприятиями

---

¹ Соколов, А. Б. Железнодорожный туризм в ранневикторианской Англии // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования : труды II международной научно-практической конференции МГУ им. М.В. Ломоносова, географический факультет. Москва, 20 апреля 2007 г. М., 2007. С. 97–102.

ми; их ритуал освящался традицией и нес особый смысл. Банкет по случаю полувекового юбилея фирмы «Томас Кук и сын», с одной стороны, имел сугубо деловой характер (дамы за столом отсутствовали). С другой – был подчеркнут его высокий публичный статус: начался он с неперенных в таком случае «Боже, храни королеву!», обязательных здравий в адрес принца и принцессы Уэльских и других членов королевской фамилии.

А потом произошло неожиданное: положенные далее протокольные тосты в честь «армии, флота и резервных сил» были потеснены призывом поднять бокалы за здоровье Его Высочества Мухаммеда Тауфика-паши, хедива Египта, что было встречено всеобщим одобрением. Председательствующий Кук-сын специально уточнил, что «такой тост никогда еще не звучал в Великобритании и редко, если не никогда, в Европе»¹. И он зачитал письмо, в котором от имени хедива Египта он сам награждался орденом Османье 2 степени, а трое его сыновей – орденами Меджидие 3 степени. Почетные регалии Османской империи были пожалованы за услуги, оказанные двум его сыновьям в организации их путешествия по Европе². Далее обнаруживается логичный, но от этого не менее интересный разворот событий. От имени Джона Кука последовал тост, объединявший пожелания процветания Египту, здравия в честь самого Тауфика-паши, присутствовавшего на банкете его специального представителя Азиза Иссетбея и британского генерала сэра Френсиса Гренфелла.

Последнее заслуживает особого внимания. Военная карьера этого слуги империи была тесно связана с Египтом, или, точнее сказать, со сложно проходившим британским военным и политическим утверждением в Египте³ и Судане. Он участвовал в Нильской экспедиции 1884–1885 гг., превосходно зарекомендовал себя как командующий египетскими войсками, руководил ими в сражении при Суакине. Гренфелл снискал большое уважение хедива, был награжден им почетным оружием, ценным генералом

---

¹ Rae, W. F. Op. cit. P. 4.

² Ibid. P. 5.

³ См. подробнее: Богомолов С.А. Теоретические проблемы модернизации Египта Британской империей в 80–90-е гг. XIX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 4. С. 79–84.

«как величайшая драгоценность»¹, а в своем отечестве – орденом Бани. Азиз Иссет-бей произнес краткую благодарственную речь от имени своего «августейшего повелителя». Далее слово было предоставлено самому генералу Гренфеллу. Таким образом, на юбилейном банкете коммерческой компании с самого начала обозначилась имперская геополитическая тональность.

Генерал-майор сэр Френсис Гренфелл признался, что о необходимости ответить на тост с «пожеланием процветания Египту», он был поставлен в известность всего «три минуты назад». То есть его дальнейшую речь предлагалось воспринимать как экспромт. И он со знанием дела, как человек, курирующий не только военную администрацию в Египте, но и гражданскую, заговорил о Джоне Куке. Гренфелл пересказал диалог, который, по его словам, состоялся между ним и учениками местной школы: «Кто величайший человек в Египте?» – спросил он детей. И получил ответ: «Хедив». «Кто второй величайший человек в Египте?» – задал он следующий вопрос. И получил единодушный ответ: «Мистер Джон Кук». «И заверяю вас, джентльмены, – продолжал он, – так думает большинство местного населения, ... которое пользуется судами мистера Кука, перемещаясь от Каира к Асуану и от Асуана к Вади-Халфа»². Отмечаем, таким образом, важную деталь: признание существенного вклада британской компании в транспортную систему Египта.

Для нас имеет особое значение далее высказанная генералом Гренфеллом мысль. Он подчеркнул, что при исключительной деловой хватке, присущей Куку-сыну, он готов поступиться прибылью во имя высших интересов. И, под одобрительные возгласы присутствовавших, поведал о том, что «хотя он (Кук. – Н. Д.) мог заполнить свои суда состоятельными джентльменами из Соединенных Штатов, или из Бирмингема и Манчестера, он отдал их раненым офицерам и их женам, а также раненым солдатам». Поддерживая настроение банкета, он сделал шуточный комплимент председательствующему Джону Куку, обреченный, в силу своей парадоксальности, на успех у аудитории: «Это, джентльмены, чрезвычайно щедро, но так бизнес не делают». Естествен-

---

¹ Pall Mall Gazette. 1892. April, 13.

² Rae W.F. Op. cit. P. 5.

но, что присутствующие отреагировали понимающим смехом. И далее, стремительно переходя на серьезный тон, он сделал мало внешне связанное с его предыдущими словами заключение – на основании существенного роста выплат по купонам египетского консолидированного долга он делал вывод о благополучии Египта¹. В общем контексте речи в честь коммерсантов, активно развивавших свой бизнес в том числе и в Египте² и принявших участие в обеспечении британского военного присутствия в регионе, это резюме обретало очевидную логику и однозначный смысл. Деятельность компании «Томас Кук и сын» представляла одним из слагаемых утверждения Британии в Египте и экономического развития этой страны, которое, к слову, находилось уже без малого два десятилетия под внешним контролем, в первую очередь британским³.

На этом египетская тема и тема британского присутствия в Египте не была завершена, потому что давно требовавшийся протоколом провозглашенный далее тост «в честь армии, флота и резервных сил» вновь был увязан с Египтом. В этой связи Джоном Куком были упомянуты новые герои британские волонтеры, «сделавшие великое дело для своей страны»⁴.

Ответное слово от имени сухопутных сил британской армии произнес ее главнокомандующий герцог Кембриджский, флота – адмирал сэр Джон Далримпл Хэй, резервных сил – подполковник Харфильд из миддлсекского полка кавалерии йоменов. Заслуживает особого упоминания то, что фельдмаршал выразил удовлетворение самим фактом упоминаний армии, флота и добровольческих формирований в списке тостов «такого интересного ... торжества»⁵ и предельно четко выразил свое отношение к одному из героев торжества – Джону Куку: армия в долгу перед ним. «Мы все в долгу перед мистером Куком за то, что он делает для Египта

---

¹ Ibid. P. 6.

² Hunter F.R. *Tourism and Empire: The Thomas Cook & Son Enterprise on the Nile, 1868–1914* // *Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 40 (№ 5). P. 28–54.

³ Нерсесов Г.А. *Дипломатическая история египетского кризиса 1881–1882 гг. (в свете русских архивных материалов)*. М., 1979; Фридман Л.А. *Капиталистическое развитие Египта (1882–1939)*. М., 1963.

⁴ Rae, W. F. Op. cit. P. 6.

⁵ Ibid.

и для англичан и (оказавшихся там. — Н.Д.) иностранцев»¹. Более того, он поставил Кука в ряд присутствовавших в числе приглашенных на банкет «своих друзей». Среди них он назвал сэра Фредерика Стефенсона², рыцаря Большого Креста ордена Бани и османского ордена Меджидие, сэра Редверса Буллера, кавалера Креста Виктории, — оба они были участниками большинства войн, которые вела империя в разных частях света — от опиумных войн с Китаем до экспедиций в Египте и Судане, а также сэра Френсиса Гренфилла. Призвав заслуженных генералов в свидетели и единомышленники, фельдмаршал выразил общее мнение: «каждый раз, когда предоставлялась возможность послужить интересам государства, никто не мог сделать это лучше, чем мой друг мистер Кук»³. Это заявление было встречено возгласами одобрения. Обращаясь к собравшимся за столом «выдающегося мистера Кука» «лучшим представителям делового мира», главнокомандующий британскими войсками пообещал защищать их коммерческие интересы⁴.

Шутливая речь адмирала Хэя была построена свою вокруг созвучия имени Джона Кука и его знаменитого однофамильца мореплавателя капитана Кука. Джеймс Кук был личностью, легендарной для Британии — владычицы морей и крупнейшей колониальной державы. Интерпретация этой аллюзии несла очевидный для собравшихся смысл. Но, на наш взгляд, у слов адмирала был подтекст, который делал его ораторскую находку еще более «говорящей». Пассаж Хэя по поводу того, что Джон Кук мог организовать кругосветное плавание за куда более краткое время, чем трехлетнее предприятие Джеймса Кука и, к тому же, в существенно более комфортабельных условиях, напрямую был увязан им с транспортными задачами военно-морского флота Великобритании. Выделим это особо: после проведения реформ Кардюзлла, изменивших в том числе и принцип размещения войск на территории империи, обеспечение переброски воинских контингентов на большие расстояния стало одной из ключевых проблем

---

¹ Ibid.

² DNB. Suppl. 2. Vol. 3. P. 410–411.

³ Rae W.F. Op. cit. P. 6.

⁴ Ibid. P. 7.

в решении задач имперской обороны¹. И поэтому не конкретизированная, что было сообразно ситуации – парадному обеду по случаю юбилея фирмы, – но одобрительно оцененная вовлеченность Джона Кука в решение транспортных проблем британского флота приобретала особый смысл его служения стратегическим задачам империи. «Я уверен, – продолжал адмирал Хэй, облакая мысль в форму забавного парадокса в стиле модного тогда Оскара Уайльда, – что если бы капитан Кук был сейчас жив, то он бы предъявил претензии мистеру Куку как человеку, который, опередив всех, воспользовался теми великими открытиями, которые он (то есть Джеймс Кук. – Н.Д.) считал принадлежащими военноморскому флоту и (всему. – Н.Д.) миру»². Сочтем эти слова адмирала комплиментом главе компании за его деловую хватку, которая априори считалась особым качеством, отличавшим «настоящего англо-саксонца» в ряду прочих исключительных свойств, на которых базировалась идея британского имперского величия³.

В далее последовавшей краткой речи (ее изложение уложилось в несколько строк) подполковника Гарфильда вообще не было речи о предмете собрания или его героях. «Перед лицом верховного главнокомандующего» он заявил, что отлично зарекомендовавшие добровольческие силы при необходимости готовы сделать для страны все от них зависящее. Речь сопровождалась криками «Ура!». На этом затянувшаяся «милитаристская» часть банкета завершилась. Далее зазвучало исполненное «сладкой гармонии» сопрано мадам Нордики⁴.

Как полагалось протоколом официальных приемов, следующие тосты должны были звучать в честь верхней и нижней палат британского парламента. Очередность была строго соблюдена. Кук выразил благодарность парламентариям за неусыпную работу по совершенствованию железнодорожного законодательства⁵.

---

¹ Raugh H.E. The Victorians at War, 1815–1914: an Encyclopedia of British Military History. Santa Barbara, 2004. P. 83, 167, 208.

² Rae W.F. Op. cit. P. 7.

³ Нохрин И.М. Понятия раса и нация в общественно-политической жизни Британской империи XIX века // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3. С. 105–106.

⁴ Rae W.F. Op. cit. P. 7.

⁵ Ibid. P. 7–8.

Важно учесть, что успех деятельности фирмы «Томас Кук и сын» был напрямую связан с эффективностью функционирования транспортной сети. Обратим на это особое внимание: для активно развивающегося бизнеса создание отвечающего его задачам и гарантирующего его права юридического поля, обеспечивало саму возможность строить перспективные планы.

Выступивший от имени верхней палаты герцог Сазерленд был более чем лаконичен. А вот ответное выступление сэра Джона Горста от лица нижней палаты парламента представляет исключительный интерес. Ведущей в нем стала имперская тема. «Я присутствую здесь сегодня не просто как друг мистера Кука, а как рядовой представитель величайшего владения британской Короны – Индийской империи,»¹ – заявил он. Горст явно скромничал. С 1886 г. он был заместителем статс-секретаря по делам Индии. Но был известен также как разумный колониальный функционер в Новой Зеландии, как влиятельный политик, организаторскому таланту которого консервативная партия была во многом обязана своим прорывом к власти. Горст много и ярко говорил о том, какую службу империи сослужили организованные компанией «Томас Кук и сын» паломнические туры индийских мусульман в Мекку. Он придавал этим коммерческим начинаниям значение мессианского события имперского масштаба: то, как блестяще компания организовала эти поездки, «на деле демонстрировало справедливость британской нации» и «повышало ее престиж и власть на Востоке»².

На этом «государственная» часть банкета завершилась, Дальнейшее его развитие перешло в «коммерческую» плоскость. Интересы фирмы «Томас Кук и сын» простирались далеко за пределы Альбиона. Живым свидетельством этому было присутствие на банкете руководителей железнодорожных компаний из самой Британии и ее колоний, Египта, Испании, Германии, Норвегии, Бельгии, Дании, Франции, а также представителей судоходных компаний³. Сам факт такого собрания наглядно демонстрировал всемирный масштаб деловой активности компании-юбиляра и

---

¹ Ibid. P. 8.

² Ibid.

³ Ibid. P. 8–9.

уровень ее интегрированности в мировое экономическое пространство. Это и было специально подчеркнуто призывом председательствующего поднять бокалы «во славу интересов железнодорожных и морских транспортных компаний, осуществлявших перевозки поездами и пароходами по всему миру»¹.

Компания Кука была «своей» в этой когорте предпринимателей. Ее бизнес рос, встраиваясь в систему международных транспортных перевозок на протяжении десятилетий, о чем с удовольствием вспоминали пионеры железнодорожного бизнеса. «Теперь компания Кука продает билеты в любой стране Европы на любые железные дороги»², – констатировал уже упоминавшийся нами сэр Эдвард Блаунт, деловое сотрудничество которого с фирмой-юбиларом длилось как раз полвека. Ряд высказываний о «совместном пути» может быть продолжен. Но мы откажемся от приведения многословных и многочисленных цитат такого рода: юбилейные речи с долей ностальгии по временам молодости почтенных гостей солидной фирмы лишь констатировали бы очевидное, не являющееся предметом наших рассуждений.

Более продуктивным представляется обратиться к объяснениям, которые ими же давались слагаемым успеха фирмы «Томас Кук и сын». Это тем более интересно, что компания Кука была органичной частью сложного экономического организма, живущего по законам рынка. Даже если отрешиться от неизбежной для юбилейных речей комплиментарности, это не снимает сути вопроса: чем Кук завоевал и поддерживал свою деловую репутацию. Лицо компании, ее респектабельный «фирменный стиль», как можно заключить из речей гостей банкета, составляли несколько слагаемых. Особо отмечалось качество услуг. «Он посылал ... поезда, находиться в которых было истинным удовольствием», – говорил Э. Блаунт³. «Все, кто находится на попечении моего друга (Дж. Кука. – Н.Д.), путешествуют выгодно и приятно», – повторял сходную мысль Джеймс Стаатс Форбс⁴. Но истинной «королевой доказательств» высокой репутации компании Кука стала история, пересказанная в речи бельгийского ге-

¹ Ibid. P. 9.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 10.

нерального консула. Он поведал о том, что некий знакомый ему джентльмен пять лет назад отправился в Индию, исполненный «любви и надежд». Ему удалось разбогатеть, и он позвал свою любимую приехать к нему. «Обратись, – говорил он, – в офис Кука в Лондоне, и ты можешь быть уверена, что любая женщина, находящаяся под крылом Кука (буквально это выглядело еще интереснее – «следующая под флагом Кука») – будет пользоваться уважением в любой стране мира»¹. Собравшиеся джентльмены встретили эту историю одобрительными возгласами.

Внимания удостоились методы осуществления компаний Кука деловых проектов, с одной стороны, гигантских по размаху, с другой – исполненных высокого гуманитарного смысла. Идея о вкладе туристического бизнеса Кука в развитие цивилизации высказана на банкете не единожды. Туры фирмы Кука во Францию, например, оценивались Э. Блаунтом как «делающие большое дело для сближения наций»². Обратимся еще раз к пассажиру Горста касательно паломнических туров индийских мусульман: вне зависимости от того, были ли они сторонними людьми, или «нашими собственными индийскими подданными» – обращение с ними со стороны Кука было «замечательным образцом учтивости и справедливости»³.

Сэр Джеймс Оллпорт – один из самых авторитетных в ту пору предпринимателей в области железнодорожных коммуникаций, нашел для оценки роли Кука очень красочный образ, сравнил Кука, «покорившего мир своими путешествиями», с Александром Македонским. Но изюминка сравнения состояло в противопоставлении средств этих двух великих «завоевателей»: Александр нес с собой «войну, кровопролитие, жертвы и тиранию», Кук – «мир, благодеяние и волю, обращенную на благо для человечества»⁴. Сходные «имперские» ассоциации вызывало имя Кука не у одного Оллпорта. В газете «Лейстер Хроникл», издававшейся в городе-колыбели бизнеса Кука в статье в честь юбилея компании ее основатель был поименован «Наполеоном путешествий»⁵.

¹ Ibid. P. 15.

² Ibid. P. 9.

³ Ibid. P. 8.

⁴ Ibid. P. 11.

⁵ Leicester Chronicle. 1891. June, 27.

Собравшиеся на банкете гости ассоциировали себя с «интересами великого железнодорожного бизнеса мира», который является «величайшим благом для всего человечества»¹. Интегрированность компании Кука в мировую сеть пассажирских железнодорожных перевозок делала ее в глазах участников собрания весомой частью элиты делового сообщества мира. Но обратим внимание на еще одно существенное обстоятельство: Британия продолжала оставаться всемирным «морским перевозчиком». Показательна речь сэра Томаса Сазерленда², известного авторитета в области морских транспортных коммуникаций, деятельность которого простиралась от Гонконга и Суэца до британского парламента, где он с 1884 г. состоял членом палаты общин: на банкете в честь фирмы Кука им не было сказано вообще ни слова о фирме Кука. Он предложил тост за «интересы Великобритании на море», напомнив, что «три четверти морских перевозок осуществлялись под британским флагом»³. Тост был встречен с одобрением: он органично вписался в контекст праздничного мероприятия, дополнив картину глобального масштаба британских экономических интересов и позиций в мире. Выступление самого Джона Кука, насыщенное фактами и цифрами, свидетельствующими о коммерческом размахе и динамичности развития фирмы, больше напоминало отчет на заседании совета директоров компании. Оно несло важное уточнение: компания позиционировала себя как служащая «интересам всех классов общества»⁴. Редактор газеты «Дейли телеграф» сэр Эдвин Арнольд⁵, знаток Востока, участник экспедиции Стенли, отправившейся на поиски Д. Ливингстона (биография настоящего строителя империи), поддержал эту тему. Он, также известный как поэт, нашел для бизнеса Кука образное сравнение: «путешествия – род искусства, которое фирма несет простым людям»⁶.

Остается добавить, что на банкете были оглашены несколько из невероятного, по словам Джона Кука, количества писем и телеграмм

¹ Rae W.F. Op. cit. P. 10.

² DNB. Suppl. 4. P. 822–823.

³ Rae W.F. Op. cit. P. 11.

⁴ Ibid. P. 14.

⁵ DNB. Suppl. 2. Vol. 1. P. 58–60.

⁶ Rae W.F. Op. cit. P. 14.

со всех частей света¹, полученных юбилеями. Отметим среди них два. Первое послание было от генерала Гарнета Уолслея². Этот человек не нуждался в представлении. Послужной список героя викторианской эпохи выглядел как хроника важнейших событий военной истории Британской империи второй половины XIX в. Он, как и многие гости юбилейного банкета, участвовал во второй бирманской (1852–1853) и Крымской (1853–1856) войнах, участвовал в подавлении сипайского восстания в Индии (1857–1859), в экспедиции в Китай в 1860 г., служил в Канаде, воевал с ашанти и зулусами в Африке, участвовал в операции в Египте в 1882 г. и подавлении махдистского восстания в 1883–1885 г. Специально надо заметить, что Уолслей относился к числу тех военных администраторов, которые проводили реформы Кардуэлла. В письме, присланном по случаю юбилея фирмы, Уолслей вспоминал услуги Кука, оказанные британским войскам в Нильской экспедиции 1884–1885 гг., назвав их примером «действенного служения Англии»³.

Прислал телеграмму и Уильям Гладстон⁴ – лидер либеральной партии, ставший к 90-м гг. XIX в. фигурой уже символической для своей страны. «Я ... хочу сказать, – писал он, – что не считаю Ваше торжество просто праздником коммерческого успеха... Я считаю, что дело, которое Вы начали первым и которое неустанно развиваете, безусловно возводит Вас в ранг благодетелей общества»⁵. В газетах, поместивших отчеты о юбилейном банкете компании «Томас Кук и сын», эти слова «великого старца» выделялись особо⁶.

Согласимся с Уильямом Гладстоном. Состоявшийся 22 июля 1891 г. банкет в честь полувекового юбилея туристической фирмы «Томас Кук и сын» далеко вышел за рамки собрания в честь успешных коммерсантов. Он собрал вместе людей, деятельность которых олицетворяла викторианскую эпоху не только как время торжества индивидуальной инициативы, но и как время осмысле-

---

¹ Ibid. P. 13.

² DNB. Suppl. 3. P. 586–591.

³ Rae W.F. Op. cit. P. 13.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ London Daily News. 1891. July, 23; // Pall Mall Gazette. 1891. July, 23; // Leicester Chronicle, 1891. July 25.

ния государством и бизнесом своей социальной ответственности перед обществом. Осознание потребности в экскурсиях как социальной функции и практическая способность перевести это в сферу предпринимательства, обусловленная совершенным еще в середине XIX в. экономическим прорывом Англии¹ – локомотива мирового индустриального развития, – легли в основу коммерческого успеха инициативы Кука. Компания, явив тонкий учет конъюнктуры рынка, заполняла ниши, открывавшиеся в связи с расширением границ формальной и неформальной Британской империи, а наглядным примером тому может служить «нильское» направление туров фирмы Кука.

Но ей по случаю юбилея воздавали должное не только и не столько за это. Деятельность компании «Томас Кук и сын», распространившаяся практически на весь освоенный к тому времени европейцами мир, была тесно связана и с геополитическими, и с внутриимперскими задачами Британии. Фирма Кука оказалась ярким примером пополнения и своеобразным механизмом консолидации экономических, политических, интеллектуальных и культурных ресурсов нации, в совокупности формировавших основу статуса и поведения Британии как великой державы². Юбилей собрал элиту империи – законодателей, бизнесменов, колониальных администраторов, представителей армии и флота, ученых, прессы. Это была когорта людей, которые сосредоточивали в своих руках механизмы управления страной и влияли на видение национальных интересов. Поэтому в словах Джона Горста о том, что происходящее на банкете должно убедить его коллег-парламентариев в ощущении, что они представляют «не просто орган управления внутренними делами Соединенного Королевства, но являют собой средоточие ... силы, которая управляет великой, простирающейся за моря империей, находящейся под властью королевы Англии»³, видится глубокий смысл.

¹ Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов н/Д, 1999. С. 411–412.

² Дронова Н.В. Концепт «великой державы» в политической риторике Б. Дизраэли // Чичеринские чтения. Великие державы в контексте мирового политического процесса: история и современность : материалы международной интернет-конференции, ноябрь 2012 г. Тамбов, 2012. С. 19–20.

³ Rae W.F. Op. cit. P. 8.

Деятельность фирмы Кука оказалась тесно сопряженной с военно-политическими задачами и потребностями государства, с расширением и упрочением империи. Не случайно британские генералы и адмиралы в актив компании Кука зачислили решение ряда транспортных проблем армии, осуществленное ею в ходе операций по расширению и утверждению британского присутствия в Египте и Судане в 80-х гг. XIX в. Таким образом, туристическая фирма оказалась практическим инструментом «расширения Англии».

В заключение обратим внимание на философию фирмы, которая основывалась на высоком качестве услуг всем ее клиентам во всем мире, респектабельности и безопасности, на ее «цивилизационный» потенциал, засвидетельствованный высокими гостями юбилейного собрания. Отметим, наконец, что в удачно найденных направлениях бизнеса компании по организации туров присутствовали специфические «имперские» акценты (типа паломнических поездок индийских мусульман в Мекку). Поэтому согласимся с участниками банкета, знавшими толк в делах политики, особенно колониальными администраторами: инициативы компании «Томас Кук и сын» позитивно «работали» на имидж британцев, несших пресловутое «бремя белого человека». Деятельность компании Кука – не только коммерсантов, но и строителей империи – воспринималась живым воплощением тех исключительных качеств, которые демонстрировали особую природу «имперской расы».

Библиография

1. Dalrymple Hay J.C. Memorandum. Real-admiral Sir John C. Dalrymple Hay's Compulsory Retirement from the British Navy. L.: Edward Stanford, 1870. – 32 p. URL: <https://archive.org/details/memorandumrearad00hayj> (accessed: 7 June 2016).

2. Rae W.F. The business of travel: a fifty years' record of progress: 1841 – Leicester to Loughborough (12 miles), 1891 – all over the globe. L.: T. Cook & Son, 1891. – 318 p.

3. Leicester Chronicle. 1891. June, 27. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000173/18910627/084/0010> (accessed: 30 May 2016); July 25. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000173/18910725/042/0006> (accessed: 17 May 2016).

4. London Daily News. 1891. July, 23. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000051/18910723/038/0006> (accessed: 17 May 2016);

5. Pall Mall Gazette. 1891. July, 23. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000098/18910723/017/0005> (accessed: 17 May 2016); 1892. April, 13. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000098/18920413/015/0006> (accessed: 18 May 2016);

6. Times, 1891. July, 23.

7. Богомолов С.А. Теоретические проблемы модернизации Египта Британской империей в 80–90-е гг. XIX в. // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2012. № 4 (140). – С. 79–84.

8. Дронова Н.В. Концепт «великой державы» в политической риторике Б. Дизраэли // Чичеринские чтения. Великие державы в контексте мирового политического процесса: история и современность : материалы междунар. интернет-конференции, ноябрь 2012 г. Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2012. – С. 15–20.

9. Нерсесов Г.А. Дипломатическая история египетского кризиса 1881–1882 гг. (в свете русских архивных материалов). М.: Наука, 1979. – 320 с.

10. Нохрин И.М. Понятия раса и нация в общественно-политической жизни Британской империи XIX в. // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3 (24). – С. 103–108.

11. Соколов А.Б. Железнодорожный туризм в ранневикторианской Англии // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования : труды II междунар. науч.-практ. конференции МГУ им. М. В. Ломоносова, географический факультет. Москва, 20 апреля 2007 г. М.: Турист, 2007. – С. 97–102.

12. Фридман Л.А. Капиталистическое развитие Египта (1882–1939). М.: Изд-во МГУ, 1963. – 365 с.

13. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов н/Д, 1999. – 480 с.

14. Dictionary of National Biography. In 63 vols. / Lee, Sydney. L.: Smith, Elder & Co. 1893. Vol. 33. – 441 p., Vol. 47. L., 1896. – 464 p.; Suppl. 1. In 3 vols. L., 1901. Vol. 1. – 498 p., Vol. 2. – 472 p., Vol. 3. – 542 p.; Suppl. 2. In 3 vols. Vol. 1. L., 1912. – 678 p., Vol. 2. – 702 p., Vol. 3. – 752 p.; Suppl. 3. / Davis, H. W. C., Weaver, J. R. H.

L.: Oxford Univ. Press, 1927. – 658 p.; Suppl. 4. / Weaver, J. R. H. L.: Oxford Univ. Press, L., 1937. – 990 p.

15. Hunter F.R. Tourism and Empire: The Thomas Cook & Son Enterprise on the Nile, 1868–1914 // Middle Eastern Studies. 2004. Vol. 40 (№ 5). – P. 28–54.

16. Raugh H.E. The Victorians at War, 1815–1914: an Encyclopedia of British Military History. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 2004. – 423 p.

Высокова В.В.¹

**«Механизмы господства» и «практики принуждения»:
культура и империализм
(на примере Британской империи)**

Статья посвящена анализу имперского сознания британцев сквозь призму художественных произведений «солдат» Британской империи – английских писателей Д. Дефо, Р. Киплинга и Дж. Оруэлла – в свете концепции Эд. Саида об империализме как культурном явлении. Автор статьи приходит к выводу о живучести империализма как практики господства и принуждения после крушения мировой системы колониализма.

Ключевые слова: «бремя белого человека», Британская империя, империализм, Эдвард Саид.

Знакомый с проблематикой изучения мировых империй сразу узнаёт в названии данной статьи сочинение 1993 г. «Культура и империализм»² Эд. Саида, так горячо стремившегося расширять наше представление об империализме как культурном явлении. Как известно, его анализ базировался на художественных текстах. На примере «образчиков высокой культуры» Саид ярко и непри-

---

¹ Высокова Вероника Витальевна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры новой и новейшей истории ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина». vyssokova@mail.ru

² Said Ed. Culture and Imperialism. N. Y., 1993.

нужденно показал выраженную идею превосходства белого человека. Данная статья нацелена на исследование возможностей и пределов художественного текста имперского периода как исторического источника. По существу Саид стремился сделать тоже самое, однако с литературоведческой точки зрения, а также в более широком общеевропейском контексте ориентализма. Его главные авторы – Дефо, Киплинг и Конрад – певцы Британской империи! Вслед за Эдвардом Вади Саидом окунемся в мир художественных произведений в контексте развития Британской империи.

Прежде всего следует сделать несколько историографических оговорок. В постсоветской историографии тема Британской империи удивительным образом ушла в тень. Она была вытеснена актуализацией отечественного имперского опыта. Кроме того, за прошедшие тридцать лет имперская проблематика пережила в своем развитии эволюцию оценок от «империи зла» до абсолютной глорификации¹. Обширная литература и публицистика последнего времени скорее сбивает неофита с толку, чем проясняет существо вопроса. Однако актуальное исследование империи определяется пониманием ее как амбивалентного исторического феномена как в типологическом, так и конкретно-историческом измерении. Это нераздельность «белой» и «черной» легенды любой империи выводит тему на обсуждение таких вопросов, как «механизмы господства» и «практики принуждения». Тема, затемненная в истории Британской империи расовыми различиями, не так давно была актуализирована на примере Российской империи как «внутренняя колонизация» (речь идет о порабощении русского крестьянства)². Продолжая ход мысли в данном направлении, мы оказываемся в мире Джорджа Оруэлла, в мире «угнетенных», «стертых» системой управления людей или «subaltern studies»³. Это измерение империи не схватывается классическими источниками (законодательные акты, статистика и т. п.). Поразмыслить над открывающимися перспективами изучения

¹ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2006; Miller A. Nationalizing Empires. Ed. Stefan Berger, Alexei Miller. Budapest, 2015.

² Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. в. Макарова. 2-е изд. М., 2013.

³ Can the subaltern speak?: reflections on the history of an idea / ed. Rosalind C. Morris, N. Y., 2010.

Британской империи сквозь призму художественного нарратива призвана данная статья. Причем обязательным, вслед за Саидом, условием является принадлежность авторов художественных нарративов к когорте носителей «бремени белого человека» и опыта пребывания в заморских британских владениях.

По-видимому, идея превосходства априори была присуща процессу формирования национально-государственных образований в Европе раннего нового времени. В английском контексте она уже ясно выражена в первых описаниях «других» земель «путешественниками» XVI–XVII вв.¹ Эти сочинения «служилых» людей предназначались для «государственных мужей» и были написаны, как правило, на латыни. Эпоха же Просвещения открывает белому человеку «благородного дикаря». Широкий «рубеж» XVII–XVIII вв. стал временем осязаемого рождения гражданского общества в Англии: ожесточенная борьба тори и вигов за перспективы развития страны; противоборство Англии за признание статуса «великой державы» на европейском континенте. Это было началом формирования имперского национального сознания в Британии. Одним из выдающихся «отражателей» новой внутри и внешнеполитической ситуации стал выходец из диссентерской среды с фламандскими корнями Даниэль Дефо (1660–1731)². Обстоятельства его происхождения – отец был преуспевающим торговцем сальными свечами и членом Почтенной компании мясников – определили его приверженность вигизму³. С этих позиций Дефо и выступает в своем обширном эпистолярном наследии как участник и хроникер структурных изменений, происходивших в Англии на протяжении его жизни⁴.

Исключенность Дефо из публичной государственно-политической жизни, постоянное давление финансовых трудностей и

---

¹ Fletcher G. Of the Russe Commonwealth. Or, Maner of gouvernement of the Russe emperour, (commonly called the Emperour of Moskouia) with the manners, and fashions of the people of that country. L., 1591.

² Defoe D. The original power of the collective body of the people of England, Examined and Asserted. L., 1702.

³ Clark K.R.P. Defoe, Dissent, and Early Whig Ideology // The Historical Journal. Vol. 52. № 3. 2009. P. 595.

⁴ Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World. F. Cooper and A.L. Stoler (editors). Berkeley, 1997. P. 163.

неудовлетворенное тщеславие предопределили создание им самого популярного сочинения в мире – «Приключения Робинзона Крузо» (только Библия переведена на большее количество языков¹). Роман Дефо – это гимн торжеству человеческого разума, где автор предстает восторженным апологетом раннего торгового капитализма. Роман отражает подъем среднего класса и формирование его буржуазного мировоззрения для которого нет границ в приложении предпринимательской инициативы. Весь земной шар лежит у автора на ладони. Приключение-путешествие, начавшееся в Гулле (Hall), приводит главного героя в Сале (Марокко), затем через Атлантику на восточный берег Южной Америки. Повествование имеет точную датировку: оно начинается в августе 1651 г., а 19 декабря 1686 г. Крузо с Пятницей прибывает назад в Англию 11 июня 1687 г. Перед нами фактически «погодная запись». Сам Дефо называл метод своего письма как «Writing History by Inches», или история написанная дюйм за дюймом².

Роман предстает как практический дидактический курс по выживанию будущих детей империи на «островах». Мир Робинзона Крузо – это благостная идиллия. По тексту романа главный герой весьма удачен, он преодолевает все встретившиеся на его пути трудности и становится, в конце концов, обладателем значительного капитала. Оказавшись в Новом свете, Робинзон выручает около двухсот серебряных «восьмериков» (за шкуру убитых им леопарда и льва, а также за слугу, мальчика Ксури, и баркас, угнанный во время бегства из Сале) и вкладывает деньги в участок неводеланной земли. Первые два года он еле-еле сводит концы с концами, затем воспользовавшись советом португальца капитана судна, Крузо вкладывает 100 фунтов (половину состояния, оставленного им в Лондоне) в закупку товаров (земледельческие орудия, полотна) и сбывает их в Бразилии. На вырученную прибыль покупает невольника-негра и работника-европейца, что позволяет ему собрать большой урожай табака.

Еще бы три-четыре года, и его состояние достигло 3–4 тыс. фунтов стерлингов, но Робинзона Крузо «одолевало

---

¹ Clark K. Daniel Defoe: the whole frame of nature, time and providence. L., 2007. P. 1.

² Backscheider P. Daniel Defoe: his life. Baltimore, 1989. P. 222.

жгучее желание обогатиться скорее». Он организует экспедицию к берегам Гвинеи за черными невольниками в результате чего оказывается на необитаемом острове. Однако он заблаговременно составил завещание¹: плантация и другая собственность Крузо за 17 лет пребывания на необитаемом острове принесла ему прибыль 5 тыс. фунтов стерлингов (доход сопоставимый с доходом зажиточного землевладельца в Англии)². Он стал богатым человеком. Можно высказать суждение: Дефо формирует у своих читателей схематичное умозрительное представление о сколачивании капиталов «за морями», о несомненной успешности этого предприятия.

Популярность романа Дэфо Эд. Саид объясняет, в частности, так: «Робинзон Крузо был бы почти немислим без колонизирующей миссии, позволяющей ему создать удаленный новый мир в новых диких областях Африки, на Тихом и Атлантическом океанах»³. Последующие английские авторы XVIII в., замечает Саид, «Филдинг, Ричардсон, Смоллет и Стерн не связывают свои нарративы столь непосредственно с актом накопления богатств и территорий за рубежом. Однако все эти писатели выносят действие своих произведений за пределы тщательно обследованной территории Британии, что действительно связано с пророческой позицией Дэфо»⁴.

Сочинение Дефо, как можно предположить, воспринималось представителями среднего класса как прямой алгоритм к действию. Самая эффективная возможность сколотить «быстрый» капитал была связана с заморской торговлей. В этот период – рубеж XVII–XVIII в. – Англия уже вырвала у Голландии лидерство в мировой посреднической торговле. И сам Дефо мечтал бы «составить капитал» таким образом. Но судьба распорядилась иначе. Он оказался неудачливым «меркантистом», но блестящим журналистом и памфлетистом. 300-летний юбилей публикации «Робинзона Крузо» в 2019 г. является несомненным поводом к переосмыслению интеллектуального наследия Д. Дефо, а также

¹ Дефо. Робинзон Крузо. Пер. М. Шишмаревой. СПб., 2012. С. 45–51.

² Там же. С. 326.

³ Саид Э. Культура и империализм. Пер. с англ., послесл. А.В. Говорунова. СПб., 2012. С. 151.

⁴ Там же. С. 163.

его места и значения в развитии имперского дискурса, особенно имея в виду, что вторую часть «Приключений Робинзона Крузо» Дефо связал с пребыванием главного героя в России¹.

Совсем иная ситуация возникает при анализе текстов другого певца Британской империи – Джозефа Редьярда Киплинга (1865–1936). Уж он то, родившийся в Бомбее, знал не понаслышке «другой» мир. Многоголосие и многообразие Индии оживает в его текстах. Разные народы и религии удивительно гармонично сочетаются друг с другом в киплинговской презентации Индостана. Здесь и афганский торговец лошадьми Махбуб Али, и тибетский лама, и зеленщик из касты арайнов, и «добродетельная и высокорожденная вдова горного раджи», и «длинноволосые, остро пахнущие санси, несущие на спине корзины, полные ящериц и другой нечистой пищи», и «тонконогие седобородые урии с юга», индусы, мусульмане, буддисты, etc.

В центре романа «Дружок Всего Мира» – востроглазый мальчишка Кимбол О’Хара. На своем родном (английском) языке он изъясняется плохо и «предпочитает говорить на местном диалекте». Он – круглый сирота. Его мать-ирландка повторила судьбу многих британок-бесприданниц, став «няней в семье одного полковника». Она вышла замуж за «молодого знаменщика ирландского полка», который после женитьбы поступил на Синдо-Пенджабо-Делийскую железную дорогу, родила сына и вскоре умерла от холеры в Фирозпуре. Отец-О’Хара начал пить, затем связывается с курившей опиум женщиной. «Он перенял от нее эту привычку и умер, как умирают в Индии неимущие белые». Предоставленный себе Ким «жил безумной жизнью героев “Тысяча и одной ночи”», «он любил игру ради самой игры». В романе мир Востока оказывается Киму родней, чем мир белого человека.

Связь Востока с миром белого человека ярко показана, например, в эпизоде пребывания главных героев в Амбале, когда их принимает «белобородый и приветливый» старшина (англ. headmen)². «Это был старик, который в дни Восстания служил правительству, будучи туземным офицером, только что сформированного кавалерийского полка». В «Черный год» Восстания из

¹ Wellesley Secord A. Studies in the narrative method of Defoe. N. Y., 1963.

² Kipling R. Kim. N.-Y., 1901. P. 70.

шестисот восьмидесяти сабель его кавалерийского полка «остались верны своим кормильцам...» только три, и он в их числе. «В те дни я проехал верхом семьдесят миль с английской мем-сахиб и ее младенцем ... Я довез их благополучно и вернулся к своему начальнику – единственному из наших пяти офицеров, который не был убит. “Дайте мне дело, – сказал я, – ибо я отщепенец среди своего рода, и сабля моя мокра от крови моего двоюродного брата”». Впоследствии он получил орден Британской Индии и джагир (поместье): «Государство пожаловало его мне, – это подарок мне и моим потомкам». Он осознает себя джагирдаром нового хозяина – Британской империи. Английские чиновники ... наносят ему визиты, и тогда он надевает военную форму прежних дней и стоит “прямо, как шомпол”»¹.

Цивилизационный контраст в романе отчетливо просматривается, например, в вопросе о милостыне, которую постоянно просят мальчик и лама. Для белого коммерциализированного британца – они, несомненно, попрошайки и лентяи, по которым плачут работные дома. Индийский мир организован по-другому. Милостыня – это «возможность милосердным людям приобрести заслугу». В Лахоре лама, который «склонился перед Всесовершенным Законом» (англ. Exellent Law)², собирается просить милостыню: «Я вспомнил сейчас, что давно уже ничего не ел и не пил. Как принято просить милостыню в этом городе? Молча, как у нас в Тибете, или вслух?». «Кто просит молча, подышает молча», – парирует Ким и показывает ламе, что просить милостыню целое искусство, и он владеет им в совершенстве. Он бежит к «открытой лавке кунджри – женщины низкой касты», торгующей овощами. Женщина встречает его вопросом:

– Разве отец моего сына – источник милостыни, чтобы подавать всякому, кто попросит?

– Нет, – сказал Ким, – твой муж скорей яги (злонравный), чем йоги (святой), но это – новый жрец ... О мать моя, наполни мне эту чашку! Он ждет.

– Хороша чашка! Целая корзина величиной с коровье брюхо! Ты вежлив, как священный бык Шивы...».

---

¹ Киплинг Р. Ким. М., 1990. Гл. 3.

² Там же. С. 20.

А в это время «... огромный мышиною масти брахманский бык этого квартала пробирался через многоцветную толпу ... Прекрасно осведомленный о своих привилегиях священного животного, он направился прямо к лавке, наклонил голову и, громко пыхтя, стал осматривать ряды корзин, выбирая пищу. Маленькая твердая пятка Кима взлетела вверх и ударила его по влажному сизому носу. Бык негодуяще фыркнул и удалился...

– Вот видишь! Я сберег твоего товара на сумму втрое большую, чем будет стоить содержимое чашки. Ну, мать, немножко риса и поверх его сушеной рыбы, а также немножко овощной карии».

Женщина взяла чашку и вернула ее наполненной горячим рисом. «Мой йогин не корова, – важно сказал Ким, пальцами выкапывая ямку на вершине горки». ... Женщина положила в нее «хорошей, дымящейся овощной карии, прищлепнула ее сухой лепешкой, на лепешку положила кусок очищенного масла, а сбоку – кислого тамариндового варенья». Ким услужливо обещал торговке всегда отгонять быка от ее лавки, а женщина в свою очередь попросила святого человека благословить ее, а также спросила: «не знает ли он (святой человек. – В.В.) какого-нибудь лекарства от болезни глаз для моей дочери?»¹.

Киплинг, вероятно, самый востребованный в тексте «Культура и империализм» автор. Как раз на примере романа Киплинга «Ким» Саиду удобнее всего объяснить идею своей книги. Она заключается в том, чтобы «попытаться понять ... каким образом Киплинг, великий художник ... смог представить Индию с таким мастерством и как при этом ... он ... сочетает это со стойким убеждением, что Индия нуждается в британской опеке»². Читая «Кима», пишет Саид, следует помнить два фактора. Первый. Киплинг исходил из неоспоримости империи, и водораздел между белым человеком и туземцем писатель под вопрос не ставит. Второй. Сам роман и творчество Киплинга было результатом длительных англо-индийских отношений. «"Ким" чрезвычайно важен для квазиофициального века империй и в определенной мере представляет его»³.

---

¹ Киплинг Р. Ким... С. 151.

² Саид Эд. Культура и империализм... С. 24.

³ Там же. С. 285.

Да, Киплинг делает Кима «солдатом империи» и «нагружает» его «бременем белого человека». Однако великим этот роман делает другой главный его «герой» – Индия, ее колорит и жизненная сила. Самой важной идеей в романе, как представляется, является идея «пути» и «просветления», реализованная в образе ламы. Сам Ким говорит ламе в конце повествования: «... я не сахиб. Я твой чела, и голова моя обременяет плечи». В связи с этим роман «Ким» является одним из лучших пособий не только по изучению истории Индии конца XIX в., истории пребывания британцев здесь¹, и более того его автор возвышается до «решения» извечного вопроса – вопроса жизненного пути.

Третий выбранный нами автор – Джордж Оруэлл (1903–1950) – не рассматривается Саидом в дискурсивном контексте Британской империи. Он только упоминает Оруэлла в связи с волновавшими последнего вопросами «фашизма, гражданской войной в Испании, сопротивлением распространению фашизма, развиваемыми социалистическим дискурсом проблемами нищеты и социальной несправедливости, взаимоотношением писателей и политики, роли интеллектуалов»². Саид не видит (или умалчивает) о прямой связи и типологическом сходстве вышеперечисленных проблем с опытом колониального господства и подчинения коренных народов белому человеку. Оруэлл – первый автор, который ясно осознает общечеловеческую природу насилия и изображает в своих произведениях «темную» сторону британского колониализма.

В эссе 1936 г. «Как я стрелял в слона» главный герой рассказа – полицейский в Нижней Бирме – остро ощущает по отношению к себе и другим европейцам ненависть людей с «желтыми лицами». Он, как он сам признается, был молод, малообразован и ему «никак не удавалось расставить все по своим местам». Но он твердо знал, что как «никуда не уйти от ненависти к Британской империи» (чьим солдатом он себя ощущает), так и не уйти от ярости, которую вызывают в нем «эти маленькие злобные

---

¹ Parry A. Recovering the Connection between Kim and Contemporary History / Kipling R. Kim. 2002. P. 310.

² Саид Эд. Культура и империализм... С. 356.

зверьки, стремившиеся превратить его службу в ад»¹. И «малозначительный инцидент» открывает герою глаза на «сущность империализма, истинные мотивы, движущие деспотичными правительствами». Главный герой не может ударить в грязь лицом перед двумя тысячами туземцев – он должен убить мирно пасущегося слона (до этого наделавшего много шума и убившего индуса-дравида): «Мне открылось тогда, что, становясь тираном, белый человек наносит смертельный удар по своей собственной свободе, превращается в претенциозную, насквозь фальшивую куклу, в некоего безликого сахиба – европейского господина. Ибо условие его владычества состоит в том, чтобы непрерывно производить впечатление на туземцев и своими действиями в любой критической ситуации оправдывать их ожидания. Постоянно скрытое маской лицо со временем неотвратимо срывается с нею. Я неизбежно должен был застрелить слона». Главный герой в этот момент ощущает «всю обреченность и бессмысленность владычества белого человека на Востоке».

В этом и других сочинениях, опубликованных до «вояжа» в Испанию, Оруэлл вскрывает психологию маленьких «господинов». Только убийство слона делает главного героя достойным внимания местных жителей (до этого он часто был лишь мишенью их насмешек)². Автор показывает нам «грязную работу имперской машины». Он отчетливо противопоставляет себя великим реконструкторам идеи империи – писателям викторианской и эдвардианской эпохи³. Оруэлл противится «индустрии сознания», основанной на господстве одних над другими (империализм, тоталитаризм, колониализм, etc.). И в этом смысле романы «Скотный двор» и «1984» именно об этом. Можно сделать вывод о том, что стремление к господству и подчинению априори присуще «темной» стороне натуры человека. И вне за-

---

¹ Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. Роман и художественная публицистика. Пер. с англ., сост. В.С. Муравьев; предисл. А.М. Зверева; ком-мент. В.А. Чаликовой. М., 1989. С. 223.

² Runciman D. Political Hypocrisy: The Mask of Power, from Hobbes to Orwell and Beyond. Princeton, 2010. P. 182–183.

³ Stephen L. Keck. Historical context: Orwell and the British Empire // text and context: another look at Burmese days / SOAS. Bulletin of Burma Research, Vol. 3, № 1, Spring 2005. P. 32–33.

висимости от цвета кожи, на что ясно указывают гражданские войны в освободившихся от колониальной зависимости странах. Система колониализма рухнула в середине XX в., но «механизмы господства» и «практики принуждения» продолжают свое победное шествие по планете. Империализм как навязывание другим с позиции силы «своей воли» остается приметой нашего времени. Точка зрения Оруэлла – «в утробе кита» все равно не отсидеться («Inside the Whale», 1940).

Итак, творчество выбранных авторов – «солдат» Британской империи – отражает три этапа в развитии имперского сознания британцев. Д. Дефо символизирует «зарю» империи. Его представления о заморских территориях умозрительное. Он рассматривает их как источник сколачивания капиталов и будущего материального благополучия. Этот мотив остается ключевым на протяжении всего периода существования Британской империи. Р. Киплинг олицетворяет собой эпоху ее «зенита» и расцвета. Образ «другого» в его произведениях колоритен, он влюблен в Индию. Однако Киплинг верит во всемогущество «британского гения» при констатации «Запад есть Запад, Восток есть Восток». Сочинения Дж. Оруэлла 30-х гг. XX в. символизируют распад Британской империи и свидетельствуют о кризисе колонизаторской миссии основанной на господстве и принуждении. Именно художественное произведение позволяет нам понять чувственно-эмоциональное измерение империи и является, таким образом, незаменимым источником изучения истории колониального прошлого Британии и ее владений.

Библиография

1. Дефо Д. Робинзон Крузо. Пер. М. Шишмаревой. СПб., 2012. 346 с.
2. Киплинг Р. Ким / пер. с англ. М.И. Клягиной-Кондратьевой. М., 1990. 287 с.
3. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. 248 с.
4. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. Роман и художественная публицистика / Пер. с англ., сост. В.С. Муравьев; предисл. А.М. Зверева; ком-мент. В.А. Чаликовой. М., 1989. 386 с.

5. Саид Э. Культура и империализм. Пер. с англ., послесл. А.В. Говорунова. СПб., 2012. 733 с.
6. Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Авториз. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. М., 2013. 448 с.
7. Backscheider P. Daniel Defoe: his life. Baltimore, 1989. 245 p.
8. Can the subaltern speak?: reflections on the history of an idea / Rosalind C. Morris, ed. N.-Y., 2010. P. 237–291.
9. Clark K. Daniel Defoe: the whole frame of nature, time and providence. L., 2007. 269 p.
10. Clark K.R.P. Defoe, Dissent, and Early Whig Ideology // The Historical Journal, Vol. 52, № 3, 2009. P. 595–616.
11. Defoe D. The original power of the collective body of the people of England, Examined and Asserted. L., 1702. 24 p.
12. Fletcher G. Of the Russe Commonwealth. Or, Maner of gouvernement of the Russe emperour, (commonly called the Emperour of Moskouia) with the manners, and fashions of the people of that country. L., 1591. 242 p.
13. Kipling R. Kim. N.-Y., 1901. 413 p.
14. Miller A. Nationalizing Empires. Ed. Stefan Berger, Alexei Miller. Budapest, 2015. 700 p.
15. Parry A. Recovering the Connection between Kim and Contemporary History / Kipling R. Kim. 2002. P. 309–320.
16. Runciman D. Political Hypocrisy: The Mask of Power, from Hobbes to Orwell and Beyond. Princeton, 2010. 288 p.
17. Said Ed. Culture and Imperialism. N.-Y., 1993. 380 p.
18. Stephen L. Keck. Historical context: Orwell and the British Empire // Text and context: another look at Burmese days / SOAS. Bulletin of Burma Research, Vol. 3, № 1, Spring, 2005. P. 27–40.
19. Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World. F. Cooper and A.L. Stoler (edi-tors). Berkeley, 1997. 463 p.
20. Wellesley Secord A. Studies in the narrative method of Defoe. N.-Y., 1963. 248 p.

**Через Иркутск: английские журнальные заметки
о городе и сибирских маршрутах британцев
в первой трети XIX в.**

В статье рассматриваются случаи упоминания Иркутска в английских журналах первой трети XIX в., выясняется значение и место этого сибирского города в британской имперской географии.

Ключевые слова: Сибирь, Иркутск, Британия, миссионеры, Дж. Кохрейн, П. Гордон, Э. Стэллибрас.

В первой трети XIX в. английских журналах нередко можно было встретить упоминания об Иркутске, находившемся в местах столь отдаленных и от Британии, и от побережий каких бы то ни было морей, по которым проходили маршруты мореплавателей этой страны. По сложившейся в предыдущие столетия традиции журналистика живо откликалась на наблюдавшуюся в британском обществе потребность знаний о мире и сама же формировала этот интерес. «То было общество, где деловой дух, наконец, сумел овладеть самыми широкими слоями, знаменуя собой приоритет созидательного начала над разрушительной пассивностью несвободного, а потому непредсказуемого в своем нигилизме индивида. На улицах, в кофейнях, домах только и слышались разговоры о кораблях, о товарах, о новых странах с их новыми рынками. Воздухом предпринимательства дышали газеты, журналы, брошюры, об этом писались книги, и не обязательно узкоспециальные. Популярная, даже развлекательная, литература несла огромный поток такой информации»². В первой трети XIX в. через журналы по-прежнему передавались знания о далеких землях и о населявших их народах.

---

¹ Кальянова Татьяна Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета. takal@irk.ru

² Петров А.М. Последнее путешествие Крузо // Петров А.М. Восток-Запад. Из истории идей и вещей. М.: Восточная литература, 1996. С. 18–19.

Город Иркутск попадал в поле зрения британской журналистики благодаря интересу к труднодоступной и мало изученной Сибири. Через ее территорию проходили сухопутные торговые маршруты в Китай, куда Британия стремилась проникнуть и включить его в свою «неформальную империю»¹. Сообщения о сибирском регионе различались в зависимости от редакционных предпочтений того или иного периодического издания. Многие одинаковые сообщения и заметки об одном и том же событии повторялись в разных журналах. Можно выделить следующие темы публикаций, в которых упоминался Иркутск. Во-первых, в них освещалось естественно-научное изучение Сибири, описание географии, ландшафтов, полезных ископаемых. Следующая группа публикаций касалась дипломатии и торговли. В таких статьях и заметках упоминались русские дипломатические миссии в Пекин, дела российских купцов на побережьях Тихого океана, возможности торговли с Китаем через Кяхту. Третья группа материалов представляла описание населения региона, религиозных верований сибирских народов. Такие знания нужны были для миссионерской деятельности. Британские миссионеры, приезжавшие в Сибирь через Иркутск, оказывались еще одним информационным поводом для журнальных публикаций, в которых встречалось название этого города.

Большинство публикаций объединяло упоминание о пребывании в Сибири европейцев вообще и британцев в частности. Британский интерес к таким далеким краям был не умоглядным, а деятельным и практическим, полученным из непосредственного опыта реальных путешествий или перемещений по этим землям. Так в те времена проявлялась сложившаяся в предыдущие столетия традиция, которую отмечал, например, А.М. Петров: «...

¹ «Рассматривать экспансию Англии в XIX в., сосредоточивая внимание исключительно на колониях, значит – игнорировать многообразие ее международной активности, направленной на расширение экономического и политического влияния. Такое представление сложилось в англоязычной историографии благодаря авторитету издававшейся в 1930–1940-е годы «Кембриджской истории Британской империи» Тогда за регионами, в той или иной степени находившимися под контролем Великобритании, и утвердилось наименование “неформальной империи”» – Груздинский В.В. Великобритания и ее империя в середине XIX в.: либерализм и проблема модернизации. Челябинск: Энциклопедия, 2015. С. 147

сам факт подобного пристального внимания и, более того, публикация материалов об этих путешествиях в Лондоне свидетельствует о зарождении фундаментальной традиции скрупулезного сбора сведений о России как посреднике в связях с Востоком»¹. Записки путешественников и в первой трети XIX в. оставались важным литературным жанром, представленным в английских журналах².

Первую группу таких текстов составляли заметки о географических, климатических и естественно-научных исследованиях Сибири. Чаще всего они встречались в издававшемся в Лондоне «Азиатском журнале» («The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences»). В июльском номере за 1820 г. было опубликовано сообщение из Петербурга о запланированной из Иркутска экспедиции, которая должна проследовать до устья реки Лены к Ледовитому океану, чтобы «...определить побережье Сибири и острова, которые были обнаружены на севере годом ранее. Поскольку еще неизвестно, являются ли эти острова одной большой землей или нет, и поскольку они оказывались доступны только зимой, было бы интересно определить их протяженность и узнать, как далеко льды позволят продвинуться судну летом»³.

Британскому читателю, вероятно, были интересны и геологические изыскания сибирских полезных ископаемых, имевших утилитарное значение. В январском номере «Азиатского журнала» за 1828 г. встречалась заметка об этом: «Ляпис-лазурит, аzur-камень или ультрамарин привозятся в Россию обычно из Малой Бухарии, Тибета и Китая. В правление императрицы Екатерины разведка этого камня была предпринята в окрестностях озера Байкал. Рудокоп Яковлев был послан в 1809 г., чтобы осмотреть некоторые места добычи золота в окрестностях Иркутска и Нижнеудинска. Он сообщил, что река Слюдянка содержит гальки ультрамарина. Дальнейшие исследования были предприняты в 1811 г. ... Последовавшая проверка показала, что прожилки

¹ Петров А.М. Последнее путешествие Крузо ... С. 42.

² Один из исследователей такой литературы отметил: «С 1800 года идет бесперывный поток всевозможных «путешествий» – Роболы Т. Литература «путешествий» // Русская проза. Л.: Academia, 1926. С. 56.

³ The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1820 Vol. IX. № 54. С. 601.

минерала, напоминающего азур-камень, находятся в гранитных горах и известковых скалах. Однако пристальное изучение этой субстанции обнаружило, что она достаточно отличается от азура ... Ляпис-лазурит без сомнения существует в России, и хотя его местонахождение еще неизвестно с полной определенностью, все же есть основания полагать, что он может быть найден вблизи реки Слюдянки, которая впадает в озеро Байкал на западе»¹.

В конце 1820-х – начале 1830-х гг. журналы пристально следили за европейскими исследованиями Сибири. Упоминания о европейских естествоиспытателях, побывавших там, все чаще попадали на их страницы. В августовском номере за 1829 г. упоминалось о том, что через Иркутск проезжал профессор Кристофер Ханстин и его спутники, занимавшиеся изучением земного магнетизма. «18 февраля были получены письма от профессора Ханстина и его спутников. ... 7 февраля они прибыли в Иркутск, который находится в 4 тысячах верст от Тобольска. После этого они посетили Кяхту и пересекли границу Китая». Потом исследователи решили, «... что поездка должна продолжиться до Нерчинска, откуда профессор Ханстин намерен вернуться в Красноярск. Его спутник, лейтенант Дуэ (Due), отправится один в Якутск, расположенный в 2 700 верстах северо-восточнее Иркутска и возможно проследует вниз по реке Лене до Ледовитого океана, а затем они вновь должны встретиться в Енисейске в сентябре или октябре»².

Не только «Азиатский журнал» писал об этом научном путешествии. «Журнал для джентльмена и историческая хроника» («The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle») в 1829 г. опубликовал письмо одного из читателей, полковника Макдональда, в котором обсуждалась гипотеза профессора Ханстина о земном магнетизме и о локализации в районе Иркутска одного из магнитных полюсов³.

¹ The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1828. Vol. XXV. № 145. January. С. 63

² The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1829. Vol. XXVIII. № 164. P. 211. В 1819 г. норвежский ученый Кристофер Ханстин высказал гипотезу о существовании магнитного полюса в Сибири, и чтобы доказать это, он совершил путешествие, о котором писал журнал.

³ The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1829. Vol. XCIX. Part II. P. 23–28.

В следующие годы название Иркутска появлялось в сообщениях об исследованиях далеких земель в Северной и Центральной Азии. В 1831 г. «Азиатский журнал» опубликовал статью Александра фон Гумбольта «Цепь гор и вулканов в Центральной Азии». Там упоминалась и повышенная сейсмическая активность, характерная для таких мест. Автор сообщал о землетрясениях в районе озера Байкал: «В Восточной Сибири, к северу от 15 параллели, эпицентр толчков находился в Иркутске и в глубинах озера Байкал, по Кяхтинской дороге, в частности по рекам Джеда и Чикой... В феврале месяце 1829 г. в Иркутске ощущалось сильное землетрясение, и в апреле – следующее...»¹

Журналы представляли на своих страницах не только статьи, письма или аналитические материалы. В них был раздел, в котором печатались обзоры опубликованных книг. В этих реферативных сообщениях также можно было встретить название далекого сибирского города. В 1821 г. «Журнал для джентльмена» представил читателям вышедшую в Лондоне книгу Джорджа Томаса Стонтонна «Описание китайского посольства к хану торгутских татар в 1712, 1713, 174 и 1715 гг.». Путь посольства прошел «...через территории Халха-татар через реки Тола и Амур, затем в русских пределах через озеро Байкал, через Иркутск, вниз по течению реки Ангары, рек Кеть и Обь к Тобольску, через Уральские горы и далее по Волге к Каспийскому морю, где между этой рекой и рекой Яик располагаются торгутские племена (Tourgouth tribes)»²

В августовском номере «Азиатского журнала» за 1824 г. рассказывалось о книге капитана Джона Дэндеса Кохрейна «Описание пешего путешествия через Россию и Сибирскую Татарию от границ Китая до Ледовитого океана и Камчатки». В пересказе содержания книги Иркутск упоминался как «... важный город на озере Байкал, который кажется оазисом в пустыне. Здесь бывают балы, маскарады, вечера, и наш автор покинул его с большим

---

¹ Humboldt A. On the Chains of Mountains and Volcanos of Central Asia// The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1831. Том IV. P. 238.

² Narrative of the Chinese Embassy to Khan of the Tourgouth Tartars, in Years 1712, 1713, 1714 and 1715. By Sir George Thomas Staunton. Bart. LL.D and F.R.S. // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1821. Vol. XCI. Part I. P. 337.

сожалением. Далее он вступил в тунгусскую страну. ... Из Иркутска до Якутска, расстояние не менее 18 сотен миль, капитан Кохрейн преодолел по реке Лене на лодке; он проходил в день около ста двадцати миль»¹.

Журнал «Восточный вестник и колониальное обозрение» («The Oriental Herald and Colonial Review») за 1824 г. также поместил статью о капитане Кохрейне. В ней сообщалось, что в Иркутске он задержался на неделю и встретился с мистером Геденштромом, «... который исследовал все острова, называемые Новой Сибирью»². Совершив свое путешествие через Якутск, Охотск до Камчатки, Дж.Д. Кохрейн на обратном пути вновь оказался в Иркутске. Отсюда он совершил экскурсию в Селенгинск, где было «... поселение английских миссионеров, которые сердечно приняли капитана Кохрейна»³. Озеро Байкал путник преодолел по льду на саних, запряженных тройкой, за два с половиной часа, хотя расстояние составляло 40 миль. Далее следовало подробное описание Кяхты, пограничного городка, через который осуществлялась торговля между русскими и китайскими купцами. Кяхта оказывалась намного важнее Иркутска, представлявшегося просто транзитным пунктом. «Вскоре по возвращении в Иркутск капитан Кохрейн отправился обратно в Европу»⁴.

Об этом путешествии журналы вспоминали и в следующие годы. Сообщение о книге Дж.Д. Кохрейна в 1830 г. опубликовал «Журнал для джентльмена». Там представлен такой образ Иркутска: «По широте он находится чуть севернее Лондона, однако население вынуждено окружать себя дымом и зимой, и летом: в один сезон – для того, чтобы защититься от холода, в другой – от хищных насекомых»⁵. Город вновь оказывался просто точкой на

¹ Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary, from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamchatka; performed during the Years 1820, 1821, 1822 and 1823. By Capt. John Dandas Cochrane. London, 1824 // The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1824. Vol. XVIII. № 104. P. 133.

² The Oriental Herald and Colonial Review. London: J.M.Richardson, 1824. Vol.2. № 7. P. 361.

³ Ibid. P.361.

⁴ Ibid. P.362.

⁵ The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. – London: Nicols and Son, 1830. Vol. C. Part I. P. 619.

карте, географическим пунктом, через который проходят сибирские маршруты британцев.

Иркутск появлялся на страницах журналов и при упоминании еще одного европейского путешественника, Юлиуса Генриха Клапрота, побывавшего в этих отдаленных землях в 1805 г. В 1828 г. «Журнал для джентльмена» представил на своих страницах обзор вышедшей в Париже книги этого ученого: «Немного найдется людей, способных столь же квалифицированно написать о том, что они сами изучали и наблюдали, как мистер Клапрот. Он начал свои штудии в восточных языках в возрасте 15 лет, в 1798 г. В 1802 г. стал публиковаться в «Азиатском журнале» в Веймаре и спустя два года получил назначение академического ассистента в азиатском департаменте в Петербурге. Он сопровождал посольство графа Головкина в Пекин, но не поехал в Китай, а остался в Иркутске, в Сибири, а в 1807 г. предпринял поездку на Кавказ, о географии которого опубликовал несколько работ»¹.

В «Азиатском журнале» за 1836 г., кроме общих сведений о путешествии Ю. Клапрота, сообщалось также, что «... согласно инструкциям Петербургской Академии, мистер Клапрот продолжил исследования северных границ Китая недалеко от Усть-Каменогорска, где он изучал буддийские монастыри Семипалатной»².

В журнальных публикациях 1820–1830-х гг. Иркутск оказывался, прежде всего, своеобразным перекрестком европейских исследовательских экспедиций, изучавших географию, природу и полезные ископаемые Сибири. Кроме того, он был важным пунктом цивилизованных почтовых коммуникаций, через него поступала информация о местах еще более отдаленных и менее доступных для возможных тогда видов связи.

Частоту упоминаний Иркутска в британской периодике увеличивало то обстоятельство, что через него проходили дипломатические и торговые пути в Китай, а также на Камчатку и в Северную Америку. Такие публикации составляли следующую группу журнальных материалов, в которых звучало название си-

¹ The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. – London: Nicols and Son, 1828. Vol. XCVIII. Part the First. P. 421.

² The Asiatic Journal and Monthly Register for British and Foreign India, Chine and Australasia. 1836. Vol. XIX New Series. № 74. С. 67.

бирского города. В мартовском номере «Азиатского журнала» за 1820 г. было опубликовано сообщение от 24 сентября предыдущего года, пришедшее из Иркутска: «Согласно письмам, посланным с Камчатки и датированным 18 июня, мы узнаем, что 4 числа этого месяца американский торговец прибыл сюда после 26 дней плавания от Сэндвичевых островов. Груз состоял, кроме других товаров, по большей части из провианта, коз, домашней птицы, а также тыкв, картофеля, которые были замечательно хорошего вкуса и необычно больших размеров»¹

Именно торговое и административное предназначение Иркутска отражено в Дополнении к Британской энциклопедии за 1824 г. В статье, посвященной Азиатской России, об этом городе сказано так: «Иркутск (Irkuzk), место жительства губернатора этой провинции, расположен на широте 52°16'41" и долготе 104°39'17". В нем насчитывается 30 тысяч жителей, многие из которых татары или китайцы, или другие, кто по своей одежде и манерам очень близки этому народу. Он является главным местом торговли с Китаем и торговли мехами, которые доставляются с северо-восточных побережий Азии и с северо-западных берегов Америки»².

Утилитарное значение Иркутска неожиданным образом открылось в «Журнале для фермера» («The Farmer's Magazine»). В 1834 г. в заметке о развитии русской шерстяной мануфактуры сообщалось следующее: «Русские восприняли это на первых порах от одного англичанина, покойного мистера Кемптона Харвея (Kempton Harvey), брата мистера Харвея, лектора по английской литературе в Московском университете. Тот джентльмен осенью 1829 г. выписал из Саксонии стадо из шести сотен мериносовых овец, с намерением отправить часть их в Иркутск. Для этого была оформлена акционерная компания, благодаря, главным образом, усилиям мистера Цейдлера³, губернатора Сибири, и четыре сотни ценных животных отправились в Азиатскую Россию. Все расстояние от Саксонии было около пяти или шести тысяч миль, и

¹ Asiatic Journal and Monthly Register for British India and its Dependncies, 1820. Vol. IX. № 51. P. 316.

² Supplement to the Fourth, Fifth and Sixth Editions of the Encyclopaedia Britannica. Vol. 6. Edinburgh: Archibald Constable and Co. 1824. P. 473.

³ Цейдлер Иван Богданович (1777–1853) – Иркутский гражданский губернатор с 1821 по 1835 г.

стаду потребовалось четыре года на такой переход. Их шерсть не потеряла свои ценные качества даже среди снегов Сибири, и они менее страдали летом от засухи и эпидемических болезней, чем местные овцы. Император был партнером в этой компании, он имел 40 акций, каждая по 225 рублей»¹.

Третью группу журнальных публикаций, где можно было обнаружить название Иркутска, составляли тексты о деятельности Библейского общества и о британских миссионерах в Сибири. Чаще всего они были представлены в издании «Евангелический журнал и миссионерская хроника» («The Evangelical Magazine and Missionary Chronicle»). В 1818 г. в Иркутск должны были отправиться несколько семей миссионеров. Журнал освещал это событие: «Ожидается, что миссионеры покинут Санкт-Петербург 3 января. ... Путешествие из Петербурга в Иркутск, как говорят, может составить более трех тысяч миль, которые они надеются преодолеть еще по снегу»². Эдвард и Сара Стэллибрассы тогда добрались до Иркутска, но не остались в нем, а отправились дальше и обосновались в Селенгинске.

В 1820 г. журнал опубликовал письмо Э. Стэллибрасса о прибытии туда их соратников: «17 февраля наши сердца наполнились радостью, когда прибыли наши давно ожидаемые друзья, мистер и миссис Юилл, а также мистер Сван»³. Название Иркутска промелькнуло в журнальном сообщении о путешествии семейства Юиллов и Уильяма Свана: «Они покинули Томск 24 января и достигли Иркутска 22 февраля⁴ в добром состоянии здоровья и духа. Здесь они оставались 14 дней, в течение которых пользовались вниманием генерал-губернатора Сибири, учредившего Библейское общество в Иркутске. Покинули они этот город 15 февраля и через 48 часов достигли миссионерской станции в 2 верстах от Селенгинска, где нашли мистера и миссис Стэллибрасс и их двух маленьких детей в добром здравии»⁵.

¹ The Farmer's Magazine. January to June 1834. 1834. Vol. IV. P. 152.

² The Evangelical Magazine and Missionary Chronicle. 1818. Vol. XXVI. P. 142.

³ The Evangelical Magazine and Missionary Chronicle. 1820. Vol. XXVIII. P. 356.

⁴ По-видимому, опечатка. 2 февраля. – Т.К.

⁵ The Evangelical Magazine and Missionary Chronicle. 1820. Vol. XXVIII. P. 357.

Однако не только «Евангелический журнал», но и «Азиатский журнал» также освещал деятельность Библейского общества в Сибири и создание отделений этой организации в разных сибирских городах. Иркутск упоминался в таких публикациях. Например, в февральском номере за 1822 г. были напечатаны выдержки из писем, пришедших из Петербурга от доктора Эбенезера Гендерсона, представлявшего там Британское Библейское общество: «19 июня 1820 г. Комитет вчера был очень обрадован сообщениями, переданными из Иркутского Комитета и от генерал-губернатора Сибири, о быстром прогрессе в этом деле в столь отдаленных регионах восточного мира. Библейская ассоциация Кяхты, на китайской границе, собрала 5 463 рубля менее чем за месяц; 700 рублей из этой суммы собрали по подписке инвалиды, казаки и другой военный персонал. В Нерчинске, знаменитом своими рудниками, 2434 рубля были собраны за 3 дня. Его Превосходительство генерал-губернатор, кем были созданы эти Общества, как я информировал вас в прошлом письме, выказал полную уверенность в том, что эти необжитые части его губернаторства недолго будут оставаться недоступными словам об иной Высшей Жизни. Он вновь подтвердил намерение учредить Библейское общество в Якутске, на реке Лене ... Охотск и Камчатка будут следующими; и я не сомневаюсь, что менее чем через год мы будем обрадованы сообщениями об учреждении Библейского Общества на Алеутских островах»¹.

Сочетание духовных и денежных дел представлялось вполне естественным, что и отразилось в этом письме. Но именно меркантильные интересы, в первую очередь, приводили британцев в такие далекие необжитые регионы. Вояж, совершенный капитаном Питером Гордоном, в полной мере подтверждал это. На торговом судне «Бразерс» он в 1817 г. совершил плавание из Калькутты в Охотск² и впоследствии повторил его. В 1819 г.

---

¹ The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1822. Vol. XIII. № 74. P. 198–199.

² Voyage to and from Ochotsk in Siberia // Asiatic Journal. 1818. Vol. VI. № 34. P. 355–359; Алепко А.В. Начала таможенной политики России в Тихоокеанском регионе // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия : материалы и тез. докл. к Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. С.В. Шостаковича. Иркутск, 17–19 мая 2002 г. Иркутск, 2002. С. 186–189.

П. Гордон из Охотска отправился сухопутным маршрутом через Якутск. В Иркутске он появился 4 ноября 1819 г. Вскоре после этого британский путешественник пересек озеро Байкал и прибыл к семейству Стэллибрасов в Селенгинск, откуда совершил поездку в Кяхту. Только в последних числах декабря 1819 г. П. Гордон снова оказался в Иркутске, а уже 3 января 1820 г. отправился в Томск и далее, чтобы через Астрахань, через Персию вернуться обратно в Индию. Выдержки из его путевого дневника были напечатаны в 1821 г. в «Азиатском журнале»¹. Иркутск и в этом случае оказался точкой транзита, промежуточным пунктом в одном из имперских маршрутов британцев.

Журнальные заметки, посвященные Сибири и Иркутску, создавали определенный образ этого места и их можно представить как своеобразный локальный текст. В современной урбанистике изучение локальных текстов сосредоточено на выявлении идей, стереотипных суждений, значений, с которыми связывают тот или иной город².

Упоминания об Иркутске в английских журналах могут рассматриваться как разрозненный локальный прототекст. Он был создан извне и не представлял спонтанно складывавшуюся местную традицию. Но в нем можно обнаружить ключевые идеи, суждения и повествовательные сюжеты, которые передавали характерные черты этого места, его утилитарное, сакральное, мер-

¹ Journal of a Route from Ochotsk to the Persian Gulf. The First Part of Capitan Peter Gordon's Journal of his Progress overland from Ochotsk to the Persian Gulf, containing his Travel through Siberia //The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1821. Vol. XII. № 67. P. 8–21.

² «Совокупность репрезентаций локальной специфичности и является, по сути, предметом изучения, за которым закрепилось обозначение «локального текста» или «образа места». В методологическом основании этих исследований лежит представление о том, что «образ места (города)», или «локальный (городской) текст», существует – и соответственно может быть описан – в качестве меняющейся во времени системы ментальных, речевых, фольклорных, публицистических, иконографических и проч. стереотипов, воспроизводимых в контексте местной культурной традиции в устной, книжной и других формах». – Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А., Материалы к «Словарию локального текста Могилева-Подольского» [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 419–442. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_12_alekseevsky_et_al_k.pdf.

кантильное или какое-то иное значение, существовавшее в британской имперской географии.

Доминантами в том образе города Иркутска, который возникал в британских журнальных публикациях, были его периферийность и промежуточность. Он оказывался транзитным пунктом, своеобразной «зоной перехода», где встречались представители разных миров. Затерянный в пространствах «нецивилизованного» мира, он становился перекрестком глобальных имперских путей, благодаря своей включенности в административную структуру страны и в систему сложившихся коммуникаций. Культурные значения этого места привносились извне, создавались проезжавшими через него европейцами.

В начале XVIII в. возвращавшийся через Сибирь в Англию Робинзон Крузо, герой романа Д. Дефо, высказался так: «Путешествуя по московским владениям, мы чувствовали себя очень обязанными московскому царю, построившему везде, где только было возможно, города и селения и поставившему гарнизоны – вроде солдат-стационаров, которых римляне поселяли по окраинам империи. Впрочем, проходя через эти города и селения, мы убедились, что только эти гарнизоны и начальники их были русские, а остальное население – язычники, приносившие жертвы идолам и поклонявшиеся солнцу, луне и звездам, всем светилам небесным»¹.

В журнальных публикациях начала XIX в. во многом сохранился этот образ Сибири и города Иркутска, встроенного в глобальную имперскую географию как отдаленный перекресток британских сибирских маршрутов.

Библиография

1. Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А., Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 419–442. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_12_alekseevsky_et_al_k.pdf.

¹ Дефо Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трем частям света, написанные им самим. М.: Восточная литература, 1996. С.216.

2. Алепко А.В. Начала таможенной политики России в Тихоокеанском регионе // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия : материалы и тез. докл. к Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. С.В. Шостаковича. Иркутск, 17–19 мая 2002 г. – Иркутск, 2002. – С. 186-189.

3. Грудзинский В.В. Великобритания и ее империя в середине XIX в.: либерализм и проблема модернизации. – Челябинск: Энциклопедия, 2015. – 219 с.

4. Петров А.М. Последнее путешествие Крузо // Петров А.М. Восток-Запад. Из истории идей и вещей. – М.: Восточная литература, 1996. – 271 с.

5. Роболы Т. Литература «путешествий» // Русская проза. – Л.: Academia, 1926. – С. 42–73

6. Humboldt A. On the Chains of Moutains and Volcanos of Central Asia // The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1831. T. IV The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1820. Vol .IX. № 54.

7. Journal of a Route from Ochotsk to the Persian Gulf. The First Part of Capitan Peter Gordon's Journal of his Progress overland from Ochotsk to the Persian Gulf, containing his Travel through Siberia // The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1821. Vol. XII. № 67.

8. Narrative of the Chinese Embassy to Khan of the Tourgouth Tartars, in Years 1712, 1713, 1714 and 1715. By Sir George Thomas Staunton. Bart. LL.D and F.R.S. // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1821. Vol. XCI. Part I. P. 337.

9. Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary, from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamchatka; performed during the Years 1820, 1821, 1822 and 1823. By Capt. John Dandas Cochrane. London, 1824 // The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1824. Vol. XVIII. № 104. P. 133.

10. Supplement to the Fourth, Fifth and Sixth Editions of the Encyclopædia Britannica. Vol. 6. – Edinburgh: Archibald Constable and Co. 1824. – 836 p.

11. The Asiatic Journal and Monthly Register for British India and its Dependencies. 1820. Vol. IX. № 51.

12. The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1822. Vol. XIII.
13. The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1828. Vol. XXV. № 145.
14. The Asiatic Journal and Monthly Register for British and its Dependences. 1829. Vol. XXVIII. № 164.
15. The Asiatic Journal and Monthly Register for British and Foreign India, Chine and Australasia. 1836. Vol. XIX. New Series. № 74.
16. The Evangelical Magazine and Missionary Chronicle. 1818. Vol. XXVI.
17. The Evangelical Magazine and Missionary Chronicle. 1820. Vol. XXVIII.
18. The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1828. Vol. XCVIII. Part I.
19. The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1829. Vol. XCIX. Part II
20. The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1830. Vol. C. Part I.
21. The Farmer's Magazine. January to June 1834. 1834. Vol. IV.
22. The Oriental Herald and Colonial Review. – London: J.M. Richardson, 1824. Vol. 2. № 7.

Саукова Е.С.¹

**«Встретиться с Великобританией на равных»:
идея имперской федерации в Австралии
во второй половине XIX в.**

Статья посвящена реакции австралийской прессы и публицистики на идеи имперского федерализма во второй половине XIX в. Принятие и распространение этой концепции связывается с развитием австралийского самосознания и национализма.

¹ Саукова Елизавета Станиславовна, аспирант кафедры политических наук и международных отношений ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». esaukova@yandex.ru

Ключевые слова: Британская империя, имперская федерация, империализм, австралийский национализм, британские автономии в Австралии.

Во второй половине XIX в. Британская империя столкнулась с рядом трудностей. Усиление многих европейских государств и США, обострение глобальной конкуренции в военной и экономической сферах побуждало Лондон задуматься о перспективах сохранения своего лидерства на мировой арене. Как ответ на эти вызовы начинают появляться труды публицистов и ученых, осмысливавших возможные направления дальнейшего движения английской истории. И решение было найдено в так называемой концепции нового империализма.

Среди теоретиков нового империализма особо выделялись либеральный политик Чарльз Дилк, историки Джон Сили и Джеймс Фруд, канадский публицист Джордж Паркин. Основные положения этой концепции широко известны. Их основной мыслью было убеждение в том, что венец английской истории – это Британская империя. Ее внутренняя стабильность и внешняя безопасность зависели от как можно более тесной консолидации всех частей. Именно в максимальном использовании тех возможностей, которые предоставляло Англии владение колониями, виделся сторонникам нового империализма выход из сложившихся трудностей. Основой такого союза должно было стать расовое, культурное, «кровное» единство англо-саксов, а его политическим выражением – федеративный союз метрополии и ее владений – имперская федерация.

Одной из неотъемлемых частей этого союза должна была стать Австралия. Разные проекты союза предполагали как предварительное объединение пока разрозненных австралийских автономий, так и их обособленное вхождение в федерацию. Ее главным принципом провозглашалось равноправие всех частей империи и сохранение уже имеющихся у них прав и свобод.

Австралийские автономии не остались в стороне от заманчивых идей равноправного союза с империей. Дело в том, что жители пятого континента, как и метрополия, опасались военно-мор-

ского усиления других держав. Повышение активности России, США, Японии, Франции и Германии в Тихом океане вызывало сильное беспокойство и желание объединить усилия с Британией для создания системы имперской обороны в регионе. С другой стороны, Австралия и сама была не прочь завладеть близлежащими островами от имени Британской империи для удовлетворения собственных потребностей в рынках сырья, сбыта и рабочей силы. Для всех этих сугубо австралийских целей создание более тесного союза с метрополией подходило как нельзя лучше.

Первые упоминания об имперской федерации начали появляться в австралийской прессе достаточно рано, в первую очередь благодаря принятой в то время практике публикации материалов из популярных британских изданий. «Сидней Морнинг Геральд» в 1862 г. перепечатала статью из «Таймс», в которой обсуждалась политическая ситуация в США, вопросы миграции и проблема «пользы» колоний для империи в целом. Признавая за последними важную роль, автор статьи говорил о том, что все колонии без исключения желают союза с метрополией на более тесной основе, и на данный момент в отношениях между ними наблюдается высочайшая степень единодушия за всю историю. Потому в тексте имперская федерация упоминается как уже вполне существующее добровольное объединение народов. Единственный вопрос, мешавший, как утверждалось в статье, достигнуть полного согласия, – это проблема имперской обороны, так как существующая система не удовлетворяла ни колонии, ни метрополию.

В 1868 г. «Саус Оустрейлиан Адвертайзер» опубликовала статью из «Телеграф» и «Таймс» о фенианстве, где присутствовали следующие рассуждения: «Мы не считаем призывом к мятежу, если человек говорит, что он предпочитает национальную независимость имперской федерации; мы даже не считаем изменой, если он отдает предпочтение республике, а не монархии... к ним (мятежу и измене. – Е.С.) можно отнести бесчинства и преступления, а также подстрекательство к бесчинствам и преступлениям, которые требуют осуждения». Несмотря на то, что предпочтение «национальной независимости» имперской федерации подчеркнуто не осуждается, однако по тону приведенного фрагмента

видно, что «правильным» выбором было бы предпочтение именно имперского союза. В статье подчеркивается еще и тот факт, что в Южной Австралии, колонии со значительной концентрацией выходцев из Ирландии, нет никаких признаков фенианства и все ее жители демонстрируют полную лояльность королеве, хотя ирландское население «не может полностью игнорировать свои прежние склонности».

Вторая половина XIX в. для Австралии ознаменовалась значительным увеличением белого коренного населения, обладавшего набором определенных социокультурных характеристик. Главным образом это были выходцы с Британских островов, протестанты, в большой степени грамотные. Общность происхождения значительной части населения без ярко выраженного социального неравенства в силу отсутствия феодальных пережитков, родовой знати и людей со сверхкапиталами позволяли считать Австралию весьма однородным обществом, в котором «население легко проникается общими чувствами по поводу тех или иных событий. Вот почему в Австралии более значительно, чем в Америке, сознание национального родства, общий семейный дух». Все это, вкупе с унаследованными британскими традициями, способствовало тому, что в Мельбурне в 1871 г. была организована Ассоциация уроженцев Виктории. Создана она была по образцу аналогичных сообществ в Англии. Годом позже она была преобразована в Ассоциацию уроженцев Австралии.

На первом этапе своей деятельности эта организация была создана как объединение для оказания взаимной помощи (в случае, например, болезни или смерти). В своем изначальном виде Ассоциация осознанно ставила себя вне каких-либо политических и религиозных движений. Спустя несколько лет сфера ее интересов расширилась благодаря включению вопросов охраны природы, повышения уровня образованности белых австралийцев, введения в школах курсов по истории Австралии, развития специфики местной литературы и искусства, а также создания и проведения национальных праздников. Ассоциация стала центром зарождающегося австралийского национализма, помогая в формировании собственной идентичности и распространяя эти идеи по всему континенту. А уже в 1880-х гг. организация стала

оказывать активнейшее влияние на политику, в частности, сосредоточившись на наиболее актуальных вопросах ограничения азиатской миграции (Ассоциация поддерживала политику «белой Австралии» вплоть до 1970-х гг.).

В конце 1880-х гг. целью организации стало создание федеративного союза австралийских колоний как необходимого условия осуществления задач, поставленных перед собой ее членами. Ассоциация поддерживала проведение межколониальных конференций, проводила агитационные мероприятия в поддержку идей федерации, а ее участники, занимая порой самые высокие должности в австралийских автономиях, воплощали выработанные в организации идеи в жизнь.

Как ответ на распространение идей империализма и национализма в 1870-х гг. в австралийской прессе начали появляться статьи местных авторов, посвященные непосредственно проблеме создания имперской федерации. Поначалу они носили скорее скептический характер. Одной из первых стала статья «Предложение федерации Великобритании и ее колоний» в газете «Ивнинг ньюз» в 1870 г. В ней подчеркивалось, что дискуссия по этому вопросу ведется пока только в Англии. Статья построена на обзоре проекта не указанного англо-австралийца. В состав колоний, которые должны образовать союз с метрополией, не включалась Индия, а также военные и морские базы. Схема федерации подразумевала союз абсолютно равноправных частей империи, которые делились на 9 штатов. Представители легислатур каждого штата образовывали федеральный парламент, состоявший из 350 членов. Автор обзора в целом поддерживал идею союза с метрополией и считал, что найдутся ее сторонники и в Лондоне, и в колониях, но считал предложенную схему теоретическим построением, лишенным реальной возможности практического применения в силу его громоздкости и непроработанности. В том же 1870 г. представители Виктории попытались организовать колониальную конференцию по вопросу создания схемы федеративного союза с метрополией. Однако никто, в том числе австралийская и даже английская пресса, не поддержал их предложения. В целом первое время в газетах распространялось мнение о том, что само по себе усиление внутриимперских свя-

зей положительно и желательно, но для федерации нет ни необходимости, ни возможности, ни выгоды.

Вскоре голоса в поддержку имперской федерации начали звучать все громче и увереннее. На рубеже 1870–1880-х гг. проблема имперской федерации уже называлась «крупнейшей проблемой, которая поднималась за всю историю британской расы» и «темой последних лет, о которой так много написано, и так много еще нужно сказать». По мнению современников, именно тогда наступило «время, когда полезно обсудить это дело с разных точек зрения». Связано это было с нараставшими опасениями касательно нападения иностранных держав на Австралию или соседние острова. Новая Гвинея, Новые Гебриды, Южная Каледония – основные территории, интересовавшие австралийцев в экономическом отношении, находились в полном или частичном владении других государств. Отсутствие возможности легального присоединения этих территорий и надежной системы морской обороны заставляло австралийцев искать пути их создания в союзе с Лондоном.

Как идеологическое обоснование стремления к более тесному объединению в это время активно развиваются идеи приоритета духовных и кровных связей между метрополией и ее владениями, даже если они противоречили сиюминутным политическим или экономическим выгодам: «И если государственные мужи могут сделать что-нибудь, чтобы укрепить эти чувства (взаимной гордости братьями-англичанами. – Е.С.) вместо того, чтобы находить экономичные доказательства того, что они являются заблуждением, это будет лучше для нас, лучше для Англии и лучше для большой имперской федерации, которую Англия и ее колонии сформируют в один прекрасный день».

Спустя десять лет после публикации «Более Великой Британии» Дилка, газета «Дэвон Геральд» восхищалась столь прозорливым термином («Greater Btitain»), который с каждым днем становится все более реальным. Искренняя преданность и готовность помогать метрополии представлялась базовой характеристикой британских владений, которые чувствовали ту самую «духовную» и «кровную» связь, присущую англосаксам. «Может еще наступить время, когда колониальное сотрудничество, коло-

ниальные контингенты и колониальные флоты смогут дать ценную помощь, и великая идея имперской федерации из вещаго сна превратится в явь», — говорилось в статье. С развитием инфраструктуры и сети коммуникаций позиции федералистов усиливались: «... аргументы против имперской федерации по причине географической удаленности стран, которые бы входили в нее, ослаблены сокращением этого расстояния при помощи электрического телеграфа и пара. Монреаль настолько близок к Лондону, как сто лет тому назад был Эдинбург, и Брисбен не дальше от Саутгемптона или Ливерпуля, чем был Гибралтар в то же время».

Другой темой, начавшей стимулировать развитие планов имперского союза, был вопрос общей обороны. Так, например, если первоначально колонии опасались принять на себя обязанность участвовать в возможных будущих войнах Великобритании, то теперь они укреплялись во мнении, что только объединенными усилиями можно обеспечить имперскую безопасность.

Летом 1885 г. очередной импульс для развития этих идей пришел из Виктории. Там открылся филиал Лиги Имперской Федерации, созданной в Лондоне менее года назад. В нее входили представители самых разных частей империи: политики, публицисты, ученые и общественные деятели. Их целью был сбор и систематизация, а главным образом — распространение информации об империи и планах ее преобразования. Интересно, что филиалу в Виктории было суждено пережить и основное отделение Лиги в Лондоне, и все ее филиалы на территории Британской империи. Австралийские политики, бывшие и действующие премьеры колоний, члены правительств, австралийцы, обучающиеся и живущие в Англии, принимали участие в деятельности Лиги Имперской Федерации с самого ее основания, но, опасаясь вторжения в сферу самоуправления, колониальные правительства держали эти идеи «на расстоянии вытянутой руки».

Примечательно, что с самого начала своего функционирования в Австралии Лига ставила во главу угла вопрос об образовании австралийской федерации как первом шаге к федерации имперской. Премьер-министр Виктории и член генерального комитета Лиги Джеймс Сервис в ответ на сомнения скептиков объяснял этот путь так: «Определенная неясность по этому вопросу

возникла от ошибочного представления о том, что выражение «имперская федерация» подразумевает состояние подчинения в той или иной форме отдаленных членов империи лондонскому правительству. Это огромная ошибка. Федерация любого рода предполагает равенство ее участников. Когда австралийские колонии будут создавать федерацию, Тасмания и Западная Австралия встретятся с Новым Южным Уэльсом и Викторией на равных для того, чтобы обсудить условия, на которых их союз будет существовать. И когда придет время обсуждать создание Имперской Федерации, то Канада, Австралия и Южная Африка так же встретятся с Великобританией на равных, чтобы определить условия объединения... Англия будет контролировать их не больше, чем они будут контролировать ее». Как видно, предполагалось, что отношения между частями империи должны повторять равноправные отношения между австралийскими автономиями, и наоборот.

Сложности в принятии этих идей на первоначальном этапе состояли, помимо идейных разногласий конкретных людей, в слабой проработанности проектов, представленных на суд публике. «Сторонники имперской федерации имеют дело почти исключительно с надеждами и чаяниями, и прилежно избегают практических деталей», – писали газеты. Однако со временем проектов становилось все больше, все более детальных и конкретных.

Среди тех, чьи взгляды отличались наибольшей убедительностью и популярностью, стоит отметить видного новозеландского политика Юлиуса Фогеля. Его работы достаточно часто и благосклонно цитировались в австралийских газетах. Он сравнивал Великобританию и ее владения с живым организмом, в котором роль мозга выполняет метрополия, связанная с другими органами-колониями нервной системой-телеграфом. Чем развитей организм, тем сложнее его структура, считал Фогель, и империя должна следовать этой же схеме. Он предлагал союз по принципу германского таможенного союза, обосновывая его тем, что британскому народу, его промышленности «тесно» в рамках «малой Англии», и он должен расширяться по всему миру. Газеты заключали, что благодаря Фогелю и его энтузиазму идея имперской федерации становилась способной снискать

гораздо больше симпатий в общественном мнении Австралии и Новой Зеландии, чем за весь предыдущий период развития подобных идей.

Конец 1880-х гг. стал тем временем, когда появились исключительно удобные поводы для демонстрации стремлений к созданию новых отношений внутри империи. В 1887 г. в Лондоне проходило празднование юбилея правления королевы Виктории. В ходе пышных торжеств представители колоний вовлекались в символическое общеимперское празднование и присутствовали как неотъемлемая часть Британской империи в парадах, на выставках и других мероприятиях. В Австралийской прессе это событие вызвало большой интерес. Телеграфные сообщения описывали ход торжественной процессии в Лондоне и другие праздничные мероприятия. Публиковались хвалебные оды и поздравления королеве. В колониях также прошли мероприятия в честь юбилея — например, торжественные службы в Южной Австралии.

По случаю празднования наряду с многочисленными пышными мероприятиями Лигой Имперской Федерации была инициирована первая колониальная межправительственная конференция, куда были приглашены делегаты с разных концов империи, в том числе и от всех австралийских автономий. Любопытно, что из 36 участников конференции 15 были представителями австралийских колоний.

В рамках конференции проходили встречи между премьерами автономий и британским руководством. На этих собраниях обсуждались самые актуальные для колоний вопросы военно-морской обороны, политических и коммерческих отношений с метрополией, инвестиций в колонии, прокладки тихоокеанского телеграфного кабеля, «цветной» иммиграции. Стоит отметить, что при организации конференции, несмотря на усилия Лиги, вопрос об имперской федерации был сразу обозначен как принципиально не включенный в повестку. Все совещания носили конфиденциальный характер, за исключением случаев оглашения резолюций.

Для австралийских автономий это была возможность объединенными усилиями продемонстрировать свое отношение к системе управления империей и добиться принятия важных для всего

континента решений. Главным итогом конференции было принятие «Акта о морской обороне Австралазии», согласно которому в портах Австралии и Новой Зеландии должна была базироваться эскадра кораблей британского флота, совместно финансируемая имперским правительством и автономиями. Причем в мирное время выход кораблей за установленные границы австралазийской акватории должен был согласовываться с местными правительствами. Этот документ вызвал дискуссию о новых принципах политических взаимоотношений Великобритании и переселенческих колоний, в которых отразился бы возросший потенциал последних. Для Австралии Акт о морской обороне был очень важен как демонстрация действительно партнерских отношений метрополии и автономий. А кроме того, данное соглашение представляло собой прецедент соучастия колоний в финансировании имперских вооруженных сил.

Уже следующий 1888 г. дал еще один повод задуматься о судьбах империи и ее владений в Австралии в частности. В этом году отмечался столетний юбилей английской колонизации Австралии. Идея подобного праздника была не нова – так, в 1876 г. столетие отпраздновали США. Инициаторами и главными организаторами торжеств являлись правительства автономий, что отличает Австралию от США, где подобные события прошли благодаря множеству независимых частных организаций. Инициатива исходила от парламентов Нового Южного Уэльса и Виктории. Однако стоит отметить, что наряду с властными структурами большую роль как в организации, так и в проведении праздника сыграла Ассоциация уроженцев Австралии.

В метрополии это событие не нашло значительного отклика. В австралийской прессе содержатся лишь следующие сведения: офисы генеральных агентов австралийских автономий приостановили свою работу в честь праздника, несколько лондонских газет опубликовали статьи, посвященные юбилею, в том числе и с поздравлениями, а также осветили банкет, организованный генеральным агентом Ф. Дангаром.

В самой же Австралии мероприятия прошли гораздо более масштабно. Основными видами празднования, как сообщали газеты, были банкеты, встречи общественных организаций, теа-

тральные постановки, иллюминации и фейерверки. В Мельбурне была открыта международная выставка, а в центре событий – Сиднее – прошло торжественное открытие городского парка и монумента королевы Виктории, а также пышный государственный банкет. На нем Генри Паркс, премьер Нового Южного Уэльса, в своей речи призывал собравшихся к выражению всесторонней лояльности Британии, империи и англо-саксонской расе, а отнюдь не к единству австралийцев, которое представлялось ему лишь в неопределенном будущем. В то же время газета «Аргус» (Мельбурн, Виктория) в духе уже высказывавшихся ранее представлений говорила об объединении Австралии как первом шаге к созданию имперской федерации, чем примиряла националистов и империалистов.

У идеи имперской федерации среди австралийцев были не только приверженцы. Знаменитый сторонник австралийского национализма, писатель и поэт Генри Лоусон в 1888 г. в своем эссе «Единое разделение» писал, что имперская федерация совершенно невозможна для австралийских автономий в данный момент их развития. По его мнению, «не может быть имперской федерации в истинном значении слова «федерация». Имперская федерация означает союз между Англией и каждой из ее колоний в отдельности, в то время как сами колонии будут разделены горечью и завистью самым подлым и гадким образом. Скажите, может ли когда-нибудь существовать такое же братское чувство между австралийскими колониями Великобритании, какое было бы между Соединенными Штатами Австралии?». Лоусон «развенчивает» идеологические основы «нового империализма»: «У нас мало общего с народом Англии, кроме нашего языка. Мы быстро стали совершенно разными людьми. Мы более либеральны, и, учитывая наш возраст, более прогрессивны, чем Англия. Большинство англичан ничего не знают об Австралии, и даже высшие классы не понимают ни нас, ни нашу страну. Последние испытывают своего рода добродушное презрение к нам, которое является лишь результатом их контакта с нашей собственной дрянной аристократией, которая на несколько градусов более презренна, чем английская».

Лоусон считал невозможным говорить об интересах «стран-матери» и идеях имперского патриотизма, если они требовали от

австралийцев жертвовать своими жизнями в Судане, Египте и Бирме. Эти же примеры он привел как доказательство отсутствия у Австралии возможности соразмерно помогать Англии. Автор отметил и открытость Австралии к мигрантам из метрополии. Но по его мнению, Англия отвечала на это тем, что на пятый континент прибывали лишь худшие слои ее населения. Лоусон отмечал презрение мигрантов-англичан к Австралии, но при этом говорил об отсутствии у них желания вернуться на родину после накопления достаточного состояния, что свидетельствовало о безосновательном превознесении ими Англии и напрасном унижении места, где они нашли лучшую жизнь. В целом Лоусон, явившийся выразителем интересов более радикально настроенного крыла австралийского национализма, утверждал, что в отдаленном будущем имперская федерация может иметь место, но на данный момент жители всех австралийских автономий должны выработать общий австралийский дух, стать не мигрантами из Англии, но австралийцами, которые «не знают другой страны».

Полное отсутствие представления английских чиновников и прессы о состоянии общественного мнения в колониях обескураживало не только весьма радикально настроенного Лоусона, но даже самых ярых империалистов. Один из них, лидер движения за объединение Австралии, будущий ее премьер-министр Альфред Дикин, например, выражал недоумение касательно отношения метрополии к своим владениям. Он вспоминал, как делегаты колониальной конференции 1887 г. столкнулись с искренним удивлением английских властей тому факту, что народ Австралии действительно возражал против французской оккупации Новых Гебридов и депортации преступников в Тихоокеанский регион.

Хотя в распространении планов имперской федерации в Австралии существовали значительные сложности, в целом можно заключить, что многие идеи нового империализма находили отклик в австралийском обществе, где соответствовали конкретным австралийским потребностям, например, в вопросах повышения собственного статуса в империи, политического сближения австралийских колоний, поиска национальной идентичности, организации системы имперской обороны и увеличения влияния в южной части Тихого океана, и даже создания некой картины бли-

жайшего будущего империи в целом и Австралии в частности. Эти потребности и задачи обусловили различия в английском и австралийском империализме. В Британии эта концепция должна была служить усилению метрополии, а в колониях – упрочению их собственного положения. Эта разница таила в себе зерна будущих противоречий.

Библиография

1. Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996.
2. Мижухов П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902.
3. Нохрин И.М. Межэтнические отношения и национальная идеология в Канаде в новое время. Челябинск, 2016.
4. Adelaide Observer, January to December, 1887.
5. Argus, 1885 to 1888.
6. Australasian Sketcher, January to December, 1880.
7. Brisbane Courier, 1872 to 1888.
8. Daily Telegraph, January to December, 1887.
9. Darling Downs Gazette and General Advertiser, January to December, 1871.
10. Devon Herald, January to December, 1878.
11. Evening News, January to December, 1870.
12. Express and Telegraph, January to December, 1878.
13. Imperial Federation. The Journal of the Imperial Federation League. Vol. III. January to December, 1888.
14. Johnson J. The role of the Australian Natives' Association in the Federation of Australia. One Nation With One Destiny. Melbourne, 1984.
15. Lawson H. United Division. Published in The Republican 7 January 1888. URL: <http://www.telilib.com/authors/L/LawsonHenry/prose/republican/uniteddivision.html>
16. Leader, 1871 to 1880.
17. Mr Deakin on the Imperial Conference // Nelson Evening Mail, Vol. XXI, Iss. 159, July 7, 1887.
18. Queenslander, January to December, 1877.

19. South Australian Advertiser, 1868 to 1888.
20. South Australian Register, 1880 to 1888.
21. Spillman L.P. Nation and Commemoration. Creating National Identities in the United States and Australia. Cambridge, 1997.
22. Sydney Morning Herald, January to December, 1862.
23. The Australasian Naval Agreement // Speeches and documents on New Zealand history. Oxford, 1971. P. 252–254.
24. The Imperial Conference of 1887. London, 1887.
25. Trainor L. British Imperialism and Australian Nationalism: Manipulation, Conflict and Compromise in the Late Nineteenth Century. Cambridge, 1994.
26. Wallaroo Times and Mining Journal, January to December, 1870.

Нохрин И.М.¹

**Прощание с Империей: национальная политика
в Канаде в «либеральную эпоху»
Уильяма Лайона Маккензи Кинга**

Статья посвящена новым тенденциям в развитии канадского национализма в 1920–1930-е гг., их влиянию на взаимоотношения с Великобританией, а также внутреннюю политику канадского правительства.

Ключевые слова: история Канады, канадский национализм, национальная политика, Уильям Лайон Маккензи Кинг, франко-канадский национализм, Британская империя.

Победа либеральной партии на выборах 1921 г. совпала с началом в Канаде «ревуших двадцатых» – времени, когда экономика вступила в полосу бурного развития. Послевоенный промышленный рост стимулировал приток населения в города и

---

¹ Нохрин Иван Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». ivan-nokhrin@yandex.ru

формирование современного рынка потребительских товаров. В поисках нового места жительства канадцы массово скупали недвижимость в пригородах, тратили заработанные средства на автомобили и новинки бытовой техники: радиоприемники, граммофоны, пылесосы и т. п. В сфере жилищного и коммерческого строительства, в розничной торговле, а также на фондовом рынке начался невиданный рост. Многие канадцы стремились еще больше увеличить свои доходы, а потому увлекались игрой на бирже, так называемыми короткими продажами, то есть спекулятивными операциями на колеблющемся курсе ценных бумаг¹.

Национализм: новые тенденции. Подъем экономики и уровня жизни способствовали воцарению в общественно-политической мысли Канады атмосферы оптимизма и гордости за свою страну, народ, их прошлое и настоящее. В 1920-е гг. значительно возросло количество публикаций по канадской истории, публицистических материалов и художественных произведений, в центре внимания которых находилась тема национальной самобытности. Знаменитый канадский художник Артур Лисмер позднее написал: «После 1919 г. многие творческие люди, особенно художники, писатели и музыканты, начали испытывать чувство вины за то, что Канада до сих пор не описана, не нарисована, не воспета в достаточной степени... в 1920 г. это казалось той самой работой, которую нужно сделать»².

Задачу запечатления канадской уникальности, «канадского духа», выражения национального самосознания брали на себя издатели новых журналов, коих в 1920-е гг. появилось чрезвычайно много. Канадский книжник (Canadian Bookman), Канадский форум (Canadian Forum), Канадское историческое ревю (Canadian Historical Review), Далхаузи ревю (Dalhousie Review) – все эти издания преследовали цель поиска и популяризации «истинно канадской» литературы, истории, журналистики. На страницах изданий, сделавших национализм своим идейным кредо, всё чаще звучала мысль об «особом» канадском пути, британском в прошлом, американском в настоящем, но не похожем ни на Велико-

---

¹ Bothwell R., Drummond I., Drummond I.M., English J. Canada 1900–1945. Toronto, 1990. P. 211–222.

² Grigor A.N. Arthur Lismer, Visionary Art Educator. Toronto, 2002. P. 54.

британию, ни на США в силу совершенно неповторимого сочетания наследия Старого и Нового света в канадском национальном характере. Идеологи канадского национализма разработали целый ряд оригинальных концепций, доказывавших, что их страна являет собой уникальный цивилизационный тип, лишь отдалённо напоминающий жителей метрополии или соседней республики.

В качестве примера весьма показательной является книга Джона У. Дафо «Канада: американская нация»¹, увидевшая свет в 1935 г. Журналист и публицист по профессии, этот автор заработал огромную популярность и был даже принят в научном сообществе благодаря чрезвычайно актуальной для своего времени исторической концепции. Северная Америка – огромный регион, заселенный близкими по происхождению людьми, доказывал писатель. Долгие годы существования вместе, опыт преодоления общих трудностей, борьба за выживание с негостеприимной природой и огромными расстояниями – всё это создало самобытную американскую цивилизацию, частью которой является Канада. Возможно, связи канадцев с Великобританией оказались сильнее, чем у жителей США, разорвавших их ещё в XVIII в., но влияние соседней республики на прошлое и настоящее Канады всё равно было глубже и значительнее, чем далекой метрополии. Таким образом, подводил итог Дж. У. Дафо, канадцы являются по происхождению и по сути американской нацией, а потому должны пересмотреть свои приоритеты в пользу сближения с США взамен связей с Британской империей².

Несколькими годами спустя идеи Дж. У. Дафо развили профессиональные канадские историки Дональд Крейтон³, Фрэнк Андерхилл⁴ и Гарольд Иннис⁵, доказывавшие доминирование эндогенных, американских по происхождению факторов в канадской истории. Таким образом, канадский национализм, прежде

---

¹ Dafoe J.W. Canada: An American Nation. New York, 1935.

² Ibid. P. 4–6, 39.

³ Creighton D. The Commercial Empire of the St. Lawrence, 1760–1850, Toronto, 1937.

⁴ Dewar K.C. Frank Underhill: The Historian as Essayist // Underhill Review, Fall 2007. P. 6.

⁵ Innis H. The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. Toronto, 1930.

черпавший силу в идее имперского единства, теперь утверждался за счет противопоставления Канады всему Старому свету, в том числе, и Великобритании.

Переоценка идеалов имперского единства, разворот в сторону Нового света происходили под влиянием стремительного проникновения американских компаний на канадский рынок и, в целом, существенного укрепления экономических связей между Канадой и США. По завершении Первой мировой войны стало очевидно, что Великобритания уступает США не только в объемах торговли с Канадой, но в количестве инвестиций, совместных предприятий, интенсивности информационного и культурного обмена. В то время пока британские компании слабо интересовались рынком и покупателями по ту сторону Атлантики, американские товары, книги, журналы, газеты и даже радиопередачи становились столь же привычными, как и сами канадские¹.

Национализм и внутриимперские отношения. Другой причиной стремительной «американизации» Канады стало накопившееся разочарование и скептицизм по поводу отношений с Великобританией, которые, казалось, зашли в тупик после окончания Первой мировой войны. Немалый вклад Канады в дело общей победы, опыт функционирования имперского военного кабинета и участие канадской делегации в работе Парижской мирной конференции 1919 г. воспринимались доказательством её права оставить в прошлом статус колонии и получить признание в качестве равноправного партнера и союзника Великобритании. Политики и широкая общественность с нетерпением ждали от Лондона приглашения к диалогу для согласования некой принципиально новой модели взаимодействия доминионов и метрополии. Однако время шло, а британские власти не предпринимали никаких шагов в этом направлении.

Наоборот, как показали события, связанные с Чанакским кризисом 1922 г., в правящих кругах метрополии не собирались даже консультироваться с доминионами по вопросам имперской политики, не говоря уже о чём-то большем. Осенью 1922 г. попытка остановить революцию в Турции при помощи Греции, предпринятая при активном участии Великобритании, почти полностью провалилась. В начале сентября сторонники М. Кемаля подошли

---

¹ Канада 1918–1945 / под ред. Л.В. Поздеевой. М., 1976. С. 113, 117–120.

к городку Чанак на азиатском побережье Дарданелл, где английские войска охраняли подступы к проливам. 16 сентября министр колоний У. Черчилль с одобрения премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа сделал заявление о британской политике на Ближнем Востоке. В нём говорилось о том, что наступление кемалистской армии создало критическую ситуацию, вследствие чего правительство решило направить подкрепления в демилитаризованную зону и не допустить высадки турецких войск на европейском побережье Дарданелл. Драматизация событий и явно провокационный тон выступления не нашли понимания у европейских союзников Великобритании. Италия отказалась участвовать в каких бы то ни было военных акциях, а Франция, раздражённая отсутствием консультаций, заняла выжидательную позицию. В ещё более затруднительное положение попали доминионы. Действия британского руководства, толкавшие империю на грань новой войны, оказались для них совершенно неожиданными. Вопреки ранее достигнутым договорённостям, кабинет Ллойд Джорджа не только не консультировался со своими партнёрами по империи, но даже не предоставлял им никакой информации. Особенно возмутительно было то, что секретная шифрованная телеграмма с призывом о помощи дошла до премьер-министров доминионов позднее, чем опубликованное прессой заявление Черчилля¹.

О произошедшем обострении конфликта, поставившем Великобританию и Турцию на грань войны, премьер-министр Канады У.Л. Маккензи Кинг узнал из прессы уже постфактум, как и о том, что Лондон собирался запросить у его страны военную помощь, если бы столкновение перешло в «горячую» фазу. Такое пренебрежение со стороны метрополии мнением и участием доминионов неприятно удивило и возмутило его, как и многих других общественно-политических деятелей Канады. Оно выглядело особенно обескураживающим на фоне опыта функционирования имперского военного кабинета в годы Первой мировой войны, когда Канада, казалось бы, уже добилась права участия в принятии важнейших решений общеимперского масштаба.

---

¹ Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX веков). Челябинск, 1996. С. 282.

У.Л. Маккензи Кинг, как и предыдущий лидер либеральной партии У. Лорье, и прежде достаточно сдержанно относился к идеалам имперского единства. Что же касается действий британских властей в ходе Чанакского кризиса, то они вызвали у него изрядное непонимание и раздражение. Негодуя по поводу односторонних методов ведения имперской политики «образца XIX в.», премьер-министр провозгласил право парламента доминиона самостоятельно решать в каждом конкретном случае, станет ли его страна следовать в фарватере внешнеполитического курса Великобритании либо займет иную позицию, более соответствующую её национальным интересам. Глава правительства дал понять, что впредь Канаду следует воспринимать как самостоятельный субъект внутриимперских и даже международных отношений¹.

Отказ правительства доминиона от популярных прежде планов реформирования империи в пользу движения к полной независимости стал одним из важнейших последствий Чанакского кризиса для истории Канады. В 1923 г. на очередной имперской конференции в Лондоне У.Л. Маккензи Кинг отверг принцип единой имперской внешней политики и потребовал для Канады права единолично решать те международные вопросы, которые затрагивали только её интересы и не касались метрополии либо любой другой части империи. На конференции канадская делегация также отклонила предложенный британской стороной план «единой обороны империи» и выступила против принятия каких-либо обязательств в военной области вообще². Становилось очевидно, что пропасть взаимного непонимания между Лондоном и Оттавой продолжает увеличиваться.

Несоответствие точек зрения на состояние дел в империи приводило к конфликтам и трениям. Наиболее показательным стало так называемое дело Кинга-Бинга. В 1926 г. на пике политического кризиса, вызванного коррупционным скандалом в таможенном министерстве и общей слабостью либерального кабинета У.Л. Маккензи Кинга, премьер-министр обратился к генерал-гу-

¹ Там же. С. 283.

² Захарова О.В. Проблема самостоятельности Канады по вопросам внешней политики в 20-е гг. XX в. // Актуальные проблемы истории Канады: современные подходы отечественной новистики / под ред. А.Г. Иванова. Магнитогорск, 2009. С. 62.

бернатору лорду Бингу с просьбой распустить парламент и назначить досрочные выборы. С конституционной точки зрения и согласно имевшимся прецедентам, ситуация была однозначной: являясь представителем британской короны, генерал-губернатор не должен был вмешиваться в политический процесс. Тем более, в автономном доминионе, который уже добился практически полной самостоятельности от метрополии. Однако лорд Бинг предпринял попытку повлиять на ситуацию: не распустил парламент и передал право сформировать правительство лидеру консерваторов А. Мейгену. Новый кабинет просуществовал всего 2 дня. Без достаточной поддержки в нижней палате он не смог избежать вынесения вотума недоверия, после чего генерал-губернатору всё же пришлось объявить досрочные выборы¹.

Чанакский кризис, дело Кинга-Бинга и целый ряд других инцидентов вроде полемики У.Л. Маккензи Кинга и лорда Керзона на имперской конференции 1923 г. не только вносили напряжение в отношения между правительствами Канады и Великобритании, но и приводили к трансформации образа метрополии в канадском общественном мнении. Он стремительно лишался того сакрального ореола, непререкаемого авторитета, который окружал «страну-мать» всё предыдущее время. Выражаясь словами Дж.У. Дафо, канадцы действительно всё определённое ощущали себя американской нацией. Но не только в силу возраставшего влияния США, но и потому, что связи с метрополией, да и Британской империей вообще, слабели так стремительно, как никто не мог даже вообразить десять или двадцать лет назад. Результатом этого процесса стало получение Канадой и другими доминионами статуса «автономных сообществ внутри Британской империи» на имперской конференции 1926 г. А в 1931 г. Вестминстерский статут даровал им полностью суверенный статус². Британская империя трансформировалась в Содружество.

Обратная сторона независимости. Постепенный отход от идеалов имперского единства приводил не только к обретению

---

¹ Подробнее см. Соков И.А. «Дело Кинга Бинга»: новые аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. Вып. 4–1, 2005. С. 19–28.

² Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий, под ред. Г.С. Гурвича. М, 1957. С. 202–205.

Канадой полного суверенитета. Следует иметь в виду, что британский империализм долгое время являлся формой воплощения канадского национализма. Сила и единство англо-саксонской «расы» подпитывали, собственно, канадскую национальную идеологию; принадлежность к крупнейшему и мощнейшему государству эпохи придавала канадцам ощущение безопасности и уверенности в себе. Поэтому многие идеологи канадского национализма с тревогой воспринимали охлаждение отношений между доминионом и метрополией. Их беспокоил вопрос: достаточно ли сил у молодой Канады, чтобы противостоять всем опасностям внешнего мира? Могут ли успехи и достижения последних лет компенсировать потерю покровительства Великобритании?¹

Особенно это касалось сторонников консервативной партии, традиционно демонстрировавших наибольшую лояльность Британской империи. С их точки зрения, постепенное ослабление связей Канады с метрополией таило множество опасностей. Наиболее значительной называлась «балканизация» – распад канадской нации на множество этнических диаспор вследствие потери того духовного стержня, который давала принадлежность к империи. Консерваторы требовали сократить численность мигрантов «небританского» происхождения и следить за тем, чтобы облик нации даже после обретения независимости оставался англо-саксонским².

Обеспокоенность «балканизацией» в результате интенсивной иммиграции из Центральной и Восточной Европы, а также Восточной Азии разделяли многие политики, журналисты и даже ученые. «Я не из числа тех, кто думает, что украинцы совсем нежелательны в нашей стране, – заявлял с парламентской трибуны консерватор Дж.С. Вудсворт в 1923 г., – около 300 тыс. из них поселились на Западе и, в целом, приносят немало пользы, особенно, когда осваивают целинные земли. Но за время войны мы в Канаде, как и в США, поняли, что все разговоры о «плавильном котле» в отношении этих людей ничего не стоят. Как говорят в США, вы можете поместить их в «плавильный котел», но они не

---

¹ Wallace W.S. The growth of Canadian national feeling. Toronto, 1927. P. 161–162.

² Knowles V.J. Strangers At Our Gates: Canadian Immigration and Immigration Policy, 1540–1997. Toronto, 1997. P. 137.

будут плавиться. И потому мы должны быть очень осторожны и не допустить балканизации Канады»¹.

Сам термин оказался подобран очень удачно. Сравнение североамериканского доминиона с Балканским полуостровом вызвало ассоциации с постоянной политической нестабильностью, войнами, межэтническими конфликтами и, в целом, неблагоприятным. Его быстро подхватила пресса и публицистика, вынудив либеральное правительство принять меры. В 1923 г. парламент Канады одобрил закон, фактически запретивший иммиграцию из Китая², и разработал ряд мер для стимулирования иммиграции из метрополии. Выходцам с Британских островов предлагались льготные условия приобретения земель, компенсация расходов на переезд и даже бесплатные курсы по ведению сельского хозяйства. Однако всё это возымело совсем небольшой эффект: лишь 130 тыс. мигрантов из Великобритании приехало в Канаду к 1931 г., что составило менее 10 % от общего количества переселенцев за данный период³.

Постоянные разговоры и дискуссии на тему возможной утраты или недостаточного развития канадской национальной самобытности воспринимались обществом как сигнал опасности и порождали настроения этнической, религиозной и расовой нетерпимости. Их распространению и радикализации в немалой степени способствовали политики, журналисты и публицисты из консервативного лагеря, которые использовали тему угрозы канадской нации для критики якобы недостаточно активной национальной политики либерального правительства.

---

¹ Ibid. P. 136.

² Согласно Акту об иммиграции китайцев 1923 г. (The Chinese Immigration Act, 1923), каждый выходец из Китая, желавший переехать в Канаду, должен был вложить в какой-либо бизнес в стране не менее 2500 долл., что как бы являлось подтверждением его состоятельности и серьезности намерений. На деле же это условие служило инструментом полного пресечения потока мигрантов, поскольку практически никто из них не имел на руках такой большой суммы. В результате в период действия Акта с 1923 по 1946 гг. в Канаду въехало только 25 китайских иммигрантов, из которых почти все являлись членами семей уже натурализовавшихся в Канаде переселенцев.

³ Knowles V.J. Strangers At Our Gates... P. 138.

Расизм и радикальный национализм. Борьба за канадскую национальную идентичность воплощалась не только в оригинальных исторических теориях и дискуссиях на тему миграции, но приобретала более радикальные формы. В 1920-е гг. в Канаде развернул деятельность Ку Клукс Клан – экстремистская ультраправая организация из США, отстаивавшая идею превосходства белого населения Америки над другими расами. Более 100 тыс. канадцев стали её членами. Особую популярность тайное общество получило в провинции Саскачеван, где открылось 125 его отделений с 70 тыс. членов, среди которых были ведущие региональные политики¹. Канадский Ку Клукс Клан организовал несколько террористических атак на католические храмы и образовательные организации по всей стране (католическое население считалось членами организации расово чуждым для «истинных канадцев» – англосаксов), после чего правительство начало активную борьбу с тайными обществами расистов и уже к началу 1930-х гг. добилось почти полного прекращения их активности.

Одной из черных страниц в истории Канады по сей день считается волна антисемитизма 1930-х гг. В погоне за «чистотой» канадской нации правительства Британской Колумбии и Саскачевана лишили лиц иудейского вероисповедания избирательных прав и запретили занимать государственные должности. Руководствуясь теми же соображениями, федеральные власти отказали в праве на въезд в страну 800 тыс. беженцев из Германии, которые просили у Оттавы убежища от преследований нацистов. Кроме того, евреям было запрещено заниматься целым рядом профессий и покупать недвижимость в благополучных районах городов. Вплоть до начала Второй мировой войны в Канаде большой популярностью пользовались нацистские и фашистские партии, лозунги и идеология. На открытии Олимпиады 1936 г. в Берлине канадская делегация, единственная среди представителей Британской империи, приветствовала Гитлера характерным поднятием вытянутой руки, в то время как спортсмены из Великобритании и других стран Содружества шли молча, протестуя таким образом

---

¹ Bumsted J.M. The Peoples of Canada. A Post-Confederation History. Toronto, 2004. P. 242.

против дискриминации «неарийцев» в Германии¹. Уровень антисемитизма в Канаде был настолько высок, что, согласно опросам общественного мнения, даже после окончания Второй мировой войны канадцы с большей симпатией относились к немцам, нежели к евреям.

Франкоканадский национализм. Кризис воинской повинности 1917 г. стал одним из главных факторов, под влиянием которых общественно-политическая мысль Квебека развивалась в межвоенный период. Это событие приобрело столь важное значение не столько потому, что оказалось связано с очередным обострением межэтнических отношений (перманентная борьба англо- и франкоканадской общины по политическим вопросам не прекращалась с самого момента завоевания Канады в 1763 г.), но в силу необычно жесткой позиции федерального правительства, бескомпромиссно пожертвовавшего интересами франкоканадцев ради имперской солидарности².

Стоит помнить, что канадская федерация воспринималась в Квебеке как результат договора англо- и франкоязычного населения. Соответственно, и задачей управлявших ею министров в Оттаве считалось соблюдение баланса интересов двух крупнейших этнических групп. И хотя такая миссия выглядела весьма трудновыполнимой, ранее правительству У. Лорье удавалось справляться с ней. Это доказало и эффективное решение «школьного вопроса» в Манитобе и Саскачеване, и успешное урегулирование межэтнических противоречий в годы англо-бурской войны, и постоянно росший кредит доверия либеральной партии у избирателей Квебека даже после её поражения на выборах 1911 г.³

Когда же правительство Р. Бордена пошло наперекор общественному мнению Квебека по вопросу о всеобщей воинской повинности и силой принудило франкоканадцев участвовать в непопулярной войне, оно подстегнуло всплеск настроений изоляционизма, этнического национализма и сепаратизма. Сам смысл существования канадской федерации, с точки зрения политиков

---

¹ Bumsted J.M. The Peoples of Canada... P. 244.

² Wade M. The French Canadians, 1760–1945. N.-Y., 1955. P. 708–776.

³ Romney P. Provincial Equality, Special Status and the Compact Theory of Canadian Confederation // Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique. Vol. 32, N 1 (Mar., 1999). P. 25–27.

и общественности Квебека, был поставлен под вопрос. А идея обретения «французской» Канадой независимости стала широко обсуждаться и начала восприниматься гораздо более серьезно, чем в довоенные годы.

Символично, что именно с 1917 г. в Квебеке стал выходить журнал «Французское дело» (*L'action française*), издатели которого ставили перед собой цель защиты французского языка, католической церкви, сельского образа жизни (индустриализация и урбанизация считались угрозами для франкоканадской самобытности) и традиционных ценностей своего народа¹. В начале 1920-х гг. на страницах «Французского дела» впервые прозвучали призывы к скорейшему выходу Квебека из состава канадской федерации и обретению государственного суверенитета. Радикальный настрой авторов публикаций свидетельствовал о важных изменениях, произошедших в доктрине франкоканадского национализма. Если до Первой мировой войны националисты Квебека рассматривали независимость своей провинции как желанную, но весьма отдаленную цель, то теперь они стремились к её достижению как можно быстрее и видели в ней главное условие выживания франкоканадской нации.

В 1921 г. на базе журнала «Французское дело» была создана общественная организация с аналогичным названием и целями. Её возглавил известный историк, преподаватель Университета Монреаля Лионель Гру. «Лига французского дела» (*Ligue d'Action française*) стала первым общественным объединением, поставившим в качестве цели независимость Квебека². Можно сказать, что она была предшественником всех последовавших националистических и сепаратистских организаций французской Канады. И хотя под давлением руководства Монреальского университета Л. Гру распустил «Лигу французского дела» в 1927 г., у него очень быстро нашлись последователи. В 1933 г. организация была фактически восстановлена Э. Минвиллем под названием «Национальное дело». А в 1936 г. на провинциальных выборах в Квебеке победила партия Национальный союз под руководством Мориса Дюплесси.

---

¹ Mann S. The Dream of Nation: A Social and Intellectual History of Quebec. Toronto. 2002. P. 224–230.

² Ibid. P. 231.

Новая политическая сила возникла всего за год до федеральных выборов в парламент 1935 г. Пытаясь хоть как-то укрепить собственные позиции, франкоканадские консерваторы образовали альянс с либеральными националистами и даже сменили название партии (после Первой мировой войны консервативная партия стойко ассоциировалась в Квебеке с англо-саксонским шовинизмом). Но их положение казалось безнадежным на фоне непрерываемого авторитета либералов. Последователи У. Лорье бессменно находились у власти вот уже 39 лет и казалось, что просто не может быть альтернатив либеральной партии. К несчастью для последней, в 1936 г. премьер-министр провинции Л.-А. Ташеро оказался замешан в громком коррупционном скандале. И только благодаря этому обстоятельству Национальный союз сумел получить большинство на внеочередных выборах 1936 г.¹

Долгое правление М. Дюплесси, длившееся с 1936 по 1939 и с 1944 по 1959 гг., позже было названо временем «Великой тьмы». Сочетая клерикализм, франкоканадский национализм и аграрный романтизм в идеологии, на практике М. Дюплесси проводил авторитарную популистскую политику, основным содержанием которой была борьба с политическими противниками. В годы нахождения у власти в Квебеке Национального союза была запрещена деятельность коммунистической партии, крайне осложнена работа профсоюзов и ограничены права рабочих. Огромное распространение в государственных учреждениях получили коррупция и патронаж². Полностью подконтрольные политикам полиция и чиновники на местах оказывали прямое давление на избирателей в ходе предвыборной борьбы. Если этого оказывалось недостаточно, то избирательный округ лишался финансирования общественных работ (ремонта дорог, мостов, строительства больниц и школ и т. п.) в случае победы кандидата от любой другой партии кроме Национального союза.

Что же касается национальной политики, то именно в этой сфере позиция М. Дюплесси оказывалась наиболее принципиальной. С самого начала Второй мировой войны он последовательно выступал против вовлечения Канады в конфликт, участия

---

¹ Jones R. Duplessis and the Union National Administration. Ottawa, 1983. P. 5–6.

² Коленко В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем. М., 2006. С. 89.

её армий в боевых действиях и введения воинской повинности. В 1939 г. лидер Национального союза попытался сыграть на антивоенных настроениях подавляющего большинства жителей Квебека и объявил досрочные выборы по вопросу о доверии избирателей его планам любой ценой избежать конскрипции. Популистский маневр Дюплесси поначалу обернулся обескураживающим поражением: с аналогичной платформой на выборах выступили и квебекские либералы. Причем у них имелся дополнительный козырь в виде принадлежности к той же партии, что и действовавший премьер-министр У.Л. Макензи Кинг и большинство министров федерального правительства. Либералы убедили избирателей в том, что им удастся по партийной линии урегулировать все возможные разногласия с Оттавой и не допустить повторения кризиса 1917 г.¹

Однако это обещание оказалось невозможно сдержать. Как и в годы Первой мировой войны, англоканадская общественность настойчиво требовала проявить солидарность с Великобританией и внести достойный вклад в дело общей победы. Консервативная оппозиция обвиняла либералов в недостатке патриотизма и пренебрежении народной волей, требовала введения всеобщей воинской повинности и более активного участия Канады в боевых действиях². Стремясь сложить с себя ответственность за принятие окончательного решения, У.Л. Макензи Кинг в 1942 г. инициировал проведение референдума по вопросу о принудительном наборе в армию (таблица 1).

Таблица 1.

Результаты референдума 1942 г. по вопросу о введении всеобщей воинской повинности¹

Провинция	За		Против	
	Голоса	%	Голоса	%
Онтарио	1202953	84.0	229847	16.0
Квебек	375650	27.9	971925	72.1
Британская Колумбия	253844	80.4	62033	19.6
Манитоба	218093	80.3	53651	19.7
Альберта	186624	71.1	75880	28.9
Саскачеван	183617	73.1	67654	26.9

¹ Wade M. The French Canadians, 1760–1945. P. 930.

² Канада 1918–1945. С. 445–447.

Новая Шотландия	120763	77.1	35840	22.9
Нью-Брансуик	105629	69.8	45743	30.2
Остров Принца Эдуарда	23568	82.9	4869	17.1
Юкон	847	74.4	291	25.6
Военнослужащие	251118	80.5	60885	19.5
Всего	2,921,206	64.5	1,608,609	35.5

Результаты референдума продемонстрировали то, что и так было очевидно: население англоязычных провинций в подавляющем большинстве высказалось в поддержку воинской повинности, тогда как Квебек не менее однозначно выступил против. Подведение результатов голосования сопровождалось митингами и беспорядками в Монреале, а министр общественных работ П.Ж. Карден в знак протеста вышел из состава правительства. Однако общая атмосфера в стране все же осталась заметно спокойнее, нежели в 1917 г. Большое значение имели два обстоятельства. Во-первых, на момент голосования крупномасштабные боевые действия в Европе велись лишь на восточном фронте. А потому франкоканадцам не грозила немедленная отправка за океан, как это было 25 лет назад. Во-вторых, правительство не спешило разворачивать крупномасштабную вербовочную кампанию, особенно, в Квебеке, что нивелировало негативный эффект билля о воинском призыве¹.

Ситуация изменилась в 1944 г. в связи с подготовкой Союзников к открытию второго фронта в Нормандии. Канадская армия столкнулась с заметной нехваткой добровольцев, и власти прибегли к принудительному набору в армию. Порядка 12 тыс. новобранцев отправились за океан к концу 1944 г. Но только 2463 канадских призывника добрались до линии фронта к окончанию войны. Еще меньшее их число успело поучаствовать в боевых действиях. Что же касается боевых потерь, то на службе в Европе погибли 69 канадских призывников².

Если принять во внимание, что всего в годы Второй мировой войны порядка 1.1 млн. канадцев оказались на военной службе, около 23 тыс. из них погибли и 51 тыс. были ранены, то нельзя не

¹ Канада 1918–1945. С. 449.

² Iarocci A., Keshen J.A. A Nation in Conflict: Canada and the Two World Wars. Toronto, 2015. P. 40.

отметить, что подавляющее большинство военнослужащих являлось добровольцами¹. Правительство У.Л. Макензи Кинга хотя и уступило давлению оппозиции в 1942 г., но так и не развернуло широкомасштабной призывной кампании. Тем самым, ему удалось избежать обострения межэтнических противоречий, как это произошло в 1917 г. Но в целом ситуацию в области межэтнических отношений трудно было назвать благоприятной.

Бурное развитие национализма на фоне неуклонного ослабления связей Канады с Великобританией и сближения с США оказалось сопряжено с переосмыслением тех идей, принципов и ценностей, на основе которых строилась национальная политика и развивалась общественно-политическая жизнь страны в предыдущие десятилетия. Идеино и концептуально канадский национализм развивался по пути развития чувства отчуждения: его идеологи представляли канадцев более не британцами, но и не американцами, не иудеями и не католиками, не потомками мигрантов из центральной и восточной Европы, но и, тем более, не имеющими ничего общего с выходцами из стран Азии. В отличие от США, Канада не представляла собой «плавильный котел», её национальной идеологии больше бы подошел образ гнезда с кукушонком, старательно отталкивающим прочь других птенцов. Она становилась всё более этноцентричной, словно страна находилась не в Новом свете, а в Старом, и в ней проживали не потомки переселенцев из разных стран Европы и мира, а сравнительно однородное в этническом отношении население.

Правительство У.Л. Макензи Кинга старалось избегать обострения межэтнических отношений, и, как показала ситуация с воинским призывом в годы Второй мировой войны, преуспело в этом больше предшественников. Однако это лишь потому, что премьер-министр был склонен, скорее, следовать за общественным мнением и, в крайних случаях, поддаваться давлению националистов из лагеря оппозиции, нежели осуществлять целенаправленную национальную политику. В целом же либералы не сделали ничего, чтобы преломить негативные тенденции в развитии канадского национализма. Свидетельством тому стала

---

¹ Stacey C.P. The Canadian Army, 1939–1945 : An Official Historical Summary. Ottawa, 1948. P. 325.

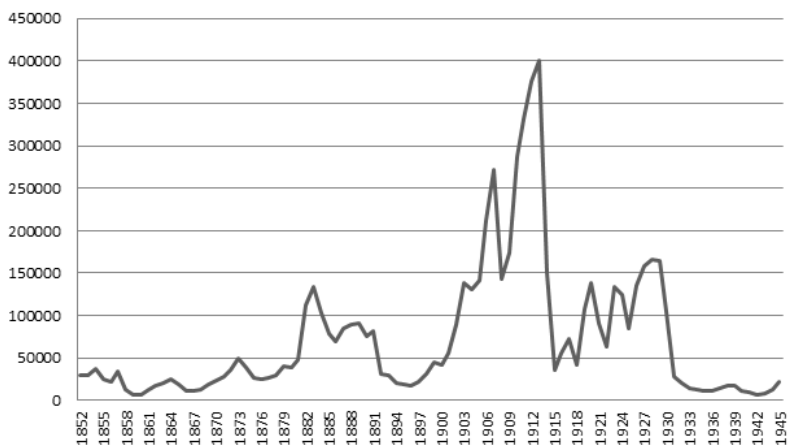
тревожная демографическая статистика. Приток эмигрантов в 1920–1930-е гг. оказался существенно слабее, чем в начале XX в. А в 1930–1940-е гг. Канада приняла переселенцев меньше, чем когда либо вообще после образования федерации в 1867 г.

Количество мигрантов, прибывших в Канаду с 1852 по 1945 гг. ²			
Год	Кол-во чел.	Год	Кол-во чел.
1852	29307	1899	44543
1853	29464	1900	41681
1854	37263	1901	55747
1855	25296	1902	89102
1856	22544	1903	138660
1857	33854	1904	131252
1858	12339	1905	141465
1859	6300	1906	211653
1860	6276	1907	272409
1861	13589	1908	143326
1862	18294	1909	173694
1863	21000	1910	286839
1864	24779	1911	331288
1865	18958	1912	375756
1866	11427	1913	400870
1867	10666	1914	150484
1868	12765	1915	36665
1869	18630	1916	55914
1870	23706	1917	72910
1871	27773	1918	41845
1872	36578	1919	107698
1873	50050	1920	138834
1874	39373	1921	91728
1875	27382	1922	64224
1876	25633	1923	133729
1877	27082	1924	124164
1878	29807	1925	84907
1879	40492	1926	135982

1880	38505	1927	158886
1881	47991	1928	166783
1882	112458	1929	164993
1883	133624	1930	104806
1884	103824	1931	27530
1885	79169	1932	20591
1886	69152	1933	14382
1887	84526	1934	12476
1888	88766	1935	11277
1889	91600	1936	11643
1890	75067	1937	15101
1891	82165	1938	17244
1892	30996	1939	16994
1893	29633	1940	11324
1894	20829	1941	9329
1895	18790	1942	7576
1896	16835	1943	8504
1897	21716	1944	12801
1898	31900	1945	22722

Динамика прибытия мигрантов по годам

Частично неблагоприятные миграционные тенденции можно объяснить внешними факторами: Великая депрессия и Вторая мировая война не способствовали перемещению людей по миру. Однако это не отменяет того факта, что в целом после окончания Первой мировой войны Канада стала гораздо менее привлекательным местом для переселенцев, в том числе и британского происхождения, чем была прежде. Прощание с империей прошло настолько быстро и внезапно, что пока осталось незамеченным большинством канадцев. Осознание этого факта пришло позже.

Библиография

1. Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX веков). Челябинск, 1996.
2. Захарова О.В. Проблема самостоятельности Канады по вопросам внешней политики в 20-е гг. XX в. // Актуальные проблемы истории Канады: современные подходы отечественной новистики / под ред. А.Г. Иванова. Магнитогорск, 2009.
3. Канада 1918–1945 / под ред. Л.В. Поздеевой. М., 1976
4. Коленко В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем. М., 2006.
5. Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий, под ред. Г.С. Гурвича. М, 1957.
6. Соков И.А. «Дело Кинга Бинга»: новые аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. Вып. 4–1, 2005.
7. Bothwell R., Drummond I., Drummond I.M., English J. Canada 1900–1945. Toronto, 1990.
8. Bumsted J.M. The Peoples of Canada. A Post-Confederation History. Toronto, 2004
9. Creighton D. The Commercial Empire of the St. Lawrence, 1760-1850, Toronto, 1937.
10. Dafoe J.W. Canada: An American Nation. New York, 1935.
11. Dewar K.C. Frank Underhill: The Historian as Essayist // Underhill Review, Fall 2007.

12. Grigor A.N. Arthur Lismer, Visionary Art Educator. Toronto, 2002.

13. Historical statistics of Canada: Section A: Population and Migration [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/11-516-x/sectiona/4147436-eng.htm>.

14. Iarocci A., Keshen J.A. A Nation in Conflict: Canada and the Two World Wars. Toronto, 2015.

15. Innis H. The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. Toronto, 1930

16. Jones R. Duplessis and the Union National Administration. Ottawa, 1983.

17. Knowles V.J. Strangers At Our Gates: Canadian Immigration and Immigration Policy, 1540–1997. Toronto, 1997

18. Le Devoir, May 6, 1942

19. Mann S. The Dream of Nation: A Social and Intellectual History of Quebec. Toronto. 2002.

20. Romney P. Provincial Equality, Special Status and the Compact Theory of Canadian Confederation // Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique. Vol. 32, No. 1 (Mar., 1999).

21. Stacey C.P. The Canadian Army, 1939–1945 : An Official Historical Summary. Ottawa, 1948.

22. Wade M. The French Canadians, 1760–1945. N.-Y., 1955.

23. Wallace W.S. The growth of Canadian national feeling. Toronto, 1927.

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Кукушкин В.Е.¹

Украинская иммиграция конца XIX – начала XX вв. и основание русской православной миссии в Канаде

В статье рассматривается начальный этап деятельности Русской православной церкви в западной Канаде (современная провинция Альберта) в конце XIX – начале XX вв. в контексте развития украинской иммиграции, а также сопровождавшее его соперничество с Греко-католической церковью. К середине 1900-х гг. Русской православной миссии в Канаде удалось добиться заметных успехов среди украинских иммигрантов, чему способствовали как подвижнические усилия первых миссионеров, так и слабость Греко-католической церкви, не имевшей столь давних корней и собственной церковной администрации в Северной Америке. Количество прихожан на обслуживаемой миссией территории достигло более 4800 человек, действовало свыше десятка церквей и часовен. Однако в первое десятилетие существования миссии обозначились и ее главные проблемы: нехватка опытного духовенства, знающего язык и обычаи канадских прихожан, шаткость финансового положения приходов и усиливавшаяся конкуренция со стороны других церквей.

Ключевые слова: Русская православная церковь, украинская иммиграция, Канада, Альберта, миссионерство, греко-католичество.

В конце XIX в. западная Канада стала одним из главных направлений заокеанской иммиграции украинского крестьянства с территорий Австро-Венгерской империи, прежде всего Галиции и Буковины. Первые украинские поселения в Канаде воз-

---

¹ Кукушкин Вадим Евгеньевич, кандидат исторических наук, доктор философии (история) Карлтонского университета (Канада). Автор монографий и статей по истории канадской иммиграции. В настоящее время живет и работает в г. Эдмонтон, провинция Альберта, Канада. koukouch@yahoo.com

никли на относительно компактной территории размером около 2,5 тыс. кв. км, расположенной примерно в 100–150 км к северо-востоку от современного г. Эдмонтон (в то время эти земли в административном отношении были частью Северо-Западных территорий, а в 1905 г. вошли в состав вновь созданной провинции Альберта). По приблизительным оценкам, к 1900 г. здесь проживало около 6 тыс. галичан и буковинцев, занимавшихся фермерством. Небольшая колония украинских поселенцев возникла также южнее Эдмонта.

В религиозном отношении украинские иммигранты в Канаде делились на православных и греко-католиков (униатов). Практически все выходцы из Буковины исповедовали православие, тогда как большинство галичан принадлежало к Греко-католической церкви, учрежденной Брестской унией 1596 г., которая провозгласила верховенство Папы Римского над восточно-христианским населением Речи Посполитой. К концу XIX в. Греко-католическая церковь в Галиции наряду с местной украинской интеллигенцией стала важнейшим проводником украинского национального самосознания в Австрийской монархии. Тем не менее, в ряде восточных районов Галиции, откуда также шла иммиграция в Канаду, существовали православные приходы и были достаточно распространены русофильские настроения. С развитием массовой украинской иммиграции в Канаду украинско-канадские общины стали полем ожесточенной борьбы между Греко-католической и Русской православной церквями за души и умы поселенцев. Каждая из церквей рассматривала другую в качестве непримиримого соперника и стремилась утвердить свое влияние на территориях компактного проживания украинских иммигрантов.

До сегодняшнего дня ранний этап деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в Канаде не получил научной разработки ни в российской, ни в зарубежной историографии. Затрагивающие эту тему работы в основном исчерпываются общими трудами по истории украинцев в Канаде и США¹, ме-

¹ См.: Martynowych Orest. Ukrainians in Canada: The Formative Years, 1891–1924. Edmonton: CIUS Press, 1991; Yuzyk, Paul. “The Expansion of the Russian Orthodox Church among the Ukrainians in North America to 1918” // *Studia Ucrainica* 2 (1984). P. 213–223. История возникновения православных приходов

муаристикой¹ и нарративными историописаниями отдельных епархий и приходов, написанными в характерно апологетическом стиле². В данной статье предпринята попытка частично восполнить этот пробел, осветив проникновение РПЦ в западную Канаду в контексте развития украинской иммиграции, а также сопровождавшее этот процесс соперничество с Греко-католической церковью. Значительная часть исследования основана на архивных материалах Североамериканской епархии РПЦ, оригиналы которых хранятся в Библиотеке Конгресса США³.

На начальном этапе соперничества с Греко-католической церковью за украинских поселенцев в Канаде РПЦ имела определенные преимущества. Еще в 1794 г. на о. Кодиак (Аляска) была создана Русская православная миссия, которой позднее был предоставлен статус самостоятельной епархии с центром в Сан-Франциско. РПЦ в Америке получала ежегодную финансовую субсидию от русского императорского правительства и, в отличие от Греко-католической церкви, имела возможность выплачивать содержание приходским священникам, а иногда и оказывать материальную помощь приходам. Начавшаяся в 1880-х гг. иммиграция закарпатских русинов⁴ в северо-восточные районы США создала основу для значительного расширения миссионерской

в городах центральной и восточной Канады освещена в: Kukushkin, Vadim. *From Peasants to Labourers: Ukrainian and Belarusian Immigration from the Russian Empire to Canada*. Montreal-Kingston: McGill-Queen's University Press, 2007. P. 138–162.

¹ См.: Божик П. Церковь українців в Канаді. Вінніпег, 1927.

² *Orthodox America, 1794–1976: Development of the Orthodox Church in America*. Ed. by Constance Tarasar. Syosset, NY: Orthodox Church in America, Dept. of History and Archives, 1975; *Patriarchal Parishes of the Russian Orthodox Church in Canada*. Edmonton: Russian Orthodox Church History Book Committee, 1988; *A Century of Faith: St Barbara's Russian Orthodox Cathedral, Edmonton, Alberta, 1902–2002*. Edmonton: St. Barbara's Russian Orthodox Cathedral Book Committee, 2002.

³ Опись этих материалов см. в: *The Alaskan Russian Church Archives: Records of the Russian Orthodox Greek Catholic Church of North America--Diocese of Alaska*. Washington: Library of Congress, Manuscript Division, 1984. http://library.alaska.gov/hist/hist_docs/docs/asl_%20BX497_A4A47_1984.pdf.

⁴ Термин «русины» традиционно употреблялся в отношении восточнославянского населения Закарпатья, хотя он часто использовался и для обозначения всех восточных славян, проживавших на территории Австро-Венгрии.

деятельности РПЦ на американском континенте в течение следующей четверти века. В результате массового перехода русинов из униатства в православие на северо-востоке США возникли десятки православных приходов и братств¹. Отражая изменения в географическом распределении православного населения Америки, в 1905 г. епископская кафедра была переведена из Сан-Франциско в Нью-Йорк.

По сравнению с США славянская иммиграция в Канаду началась позднее и имела иную географию и динамику. Во-первых, как уже отмечалось, основными территориями исхода в Канаду стали Галиция и Буковина, а не Закарпатье, где украинское национальное движение было слабым и где в духовно-культурном отношении значительная часть населения продолжала считать себя частью единой «Руси». Во-вторых, если подавляющее большинство русинов в США селилось в городах и пополняло ряды американского рабочего класса, то иммиграция галичан и буковинцев в Канаду до второго десятилетия XX в. носила почти исключительно фермерский характер благодаря наличию в западной Канаде огромного массива свободных земель. Рассредоточение относительно небольшого числа украинских поселенцев на огромных территориях канадских прерий (к тому же при рудиментарном транспортном сообщении) создавало значительные трудности для деятельности РПЦ в этой части континента.

Сведения о появлении первых православных миссионеров в западной Канаде достаточно отрывочны. Известно, что в 1896 – начале 1897-х гг. (спустя примерно пять лет после приезда первых украинских иммигрантов) группа фермеров-галичан, прожи-

¹ В отсутствие собственной церковной организации в Северной Америке греко-католические приходы в США и Канаде находились под попечением местных римско-католических епископов. Непонимание Римско-католической церковью обрядовых особенностей греко-католичества и национальных обычаев украинских иммигрантов часто приводило к конфликтам и являлось одной из движущих сил обращения греко-католиков в православие в США и Канаде. См. подробнее Dyrud Keith. *The Struggle for the Rusyn Soul: The Politics of Religion and Culture in Eastern Europe and in America, 1890 – World War I*. Philadelphia: Balch Institute for Ethnic Studies, 1992; Хайруллина П.А. *Русская Православная Церковь в США: поиск путей модернизации и деятельность святителя Тихона (Беллавина) (Последняя треть XIX – начало XX вв.)* : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004.

вавших в районе поселений Эдна и Стар к северо-востоку от Эдмонта обратилась с прошениями о присылке священника сразу к двум церковным иерархам – львовскому греко-католическому митрополиту Сильвестру (Сембратовичу) и главе РПЦ в Северной Америке епископу Николаю (Зиорову). По одной из версий, обращение к епископу Николаю было отправлено уже после того, как письма митрополиту Сильвестру во Львов не принесли результата¹. Однако в любом случае факт обращения греко-католиков к православному иерарху с подобной просьбой весьма примечателен и свидетельствует о том, что идеологические и доктринальные различия между двумя ветвями восточного христианства стояли для украинских поселенцев в Канаде на втором плане перед необходимостью в духовном попечении и отправлении обрядов. Более того, можно с высокой долей вероятности предположить, что малообразованное в своем большинстве крестьянское население Галиции вообще было слабо осведомлено об этих различиях, тем более что в обрядовом отношении униатство мало отличалось от православия. Служба в обеих церквях в то время велась на церковно-славянском языке (переход на использование украинского языка в греко-католических приходах Северной Америки произошел уже во втором десятилетии XX в.).

Оригиналы первых писем украинских поселенцев к епископу Николаю не сохранились, но общее представление об их содержании можно получить из воспоминаний Федора Немирского, одного из инициаторов прошений, пользовавшегося большим авторитетом среди соотечественников-галичан. Согласно этому источнику, в своих обращениях поселенцы выражали готовность вступить в православие и перейти на попечение Русской православной миссии в Америке. Обращения галичан дошли до владыки Николая, который пообещал в ближайшем будущем прислать в Канаду православных миссионеров².

Свое обещание епископ сдержал, и уже в июле 1897 г. о. Дмитрий Камнев и о. диакон Владимир Александров из православного прихода в Сиэтле прибыли в украинские поселения в районе

---

¹ Американский православный вестник. Т. 1, № 11 (1–13 февраля 1897 г.). С. 212–213.

² Цит. по: A Century of Faith: St Barbara's Russian Orthodox Cathedral. P. 6.

Эдна-Стар с миссионерским визитом. В воскресенье 18 июля они отслужили первую в истории Канады православную службу. Поскольку большинство поселенцев еще жило во временных хижинах из глины и дёрна (типичном обиталище первых украинских иммигрантов в Канаде), подходящего помещения для богослужения найти не удалось, и его пришлось проводить на открытом воздухе рядом с наспех сооруженным деревянным крестом. В подробном отчете о поездке, напечатанном в «Американском православном вестнике», органе североамериканской епархии РПЦ, о. Дмитрий сообщил, что на службе присутствовало около 600 поселенцев, которые единогласно решили перейти под попечение русской православной миссии в Америке. Собравшиеся избрали приходской совет из 10 членов, главной задачей которого стала постройка церкви и дома для священника¹.

Неделю спустя миссионеры посетили украинские фермы в Рэббит-Хилл к югу от Эдмонта (ныне – один из жилых районов города), где, по словам о. Дмитрия, им удалось обратить в православие еще 93 поселенца. Местные жители вскоре также образовали приходской совет и обратились к местным властям с просьбой о выделении участка земли под церковь, строительство которой должно было начаться весной 1898 г.²

Есть основания полагать, что в своем стремлении продемонстрировать епархиальному начальству успех канадской миссии, о. Дмитрий несколько преувеличил число присутствовавших на службах украинских поселенцев, равно как и количество принявших православие униатов. Федор Немирский, на ферме которого проводилась служба 18 июля, в своих мемуарах пишет о 380 присутствовавших. По другим источникам, на момент совершения службы во всем районе Эдна-Стар проживало не более 120 украинских семей³. Кроме того, лояльность некоторых из новообращенных по отношению к РПЦ оказалась шаткой. В 1897–1898 гг., почти одновременно с приездом православных священников, в

¹ Американский православный вестник. Т. 2, № 1 (1–13 сентября 1897 г.). С. 26–29.

² Alaskan Russian Church Archives (далее – ARCA), Edmonton Correspondence file, reel 321, письмо от 25 янв. 1898 г.

³ A Century of Faith: St Barbara's Russian Orthodox Cathedral. P.7; Svoboda, 21 October 1897.

местных украинских поселениях стали появляться и первые греко-католические миссионеры из США. Под влиянием этих визитов часть принявших православную веру поселенцев вернулась в греко-католичество. В некоторых украинских поселениях в Альберте возникла ситуация, когда каждый приезд православного или греко-католического священника сопровождался внутриобщинной междоусобицей, в результате которой часть поселенцев меняла свою церковную принадлежность (иные переходили из православия в униатство и обратно по несколько раз).

В 1898–1900 гг. о. Дмитрий и о. Владимир совершили еще три миссионерские поездки в Канаду (в последний раз о. Владимир, уже будучи рукоположен в священники, приехал один). Во время второго приезда, состоявшегося в июне 1898 г., произошло знаменательное для истории канадского православия событие: о. Дмитрий совершил церемонию освящения фундамента первого в Канаде православного храма – Свято-Троицкой церкви в Лаймстоун-Лейке¹. В том же году местные жители официально обратились к властям о переименовании поселения в Восток (Wostok) в честь восточно-христианской веры².

За время поездок о. Дмитрия и о. Владимира в западную Канаду география их миссионерской деятельности постепенно расширялась: так, в 1899 г. они впервые посетили поселения буковинских иммигрантов в районе селения Виктория (примерно 10 км от Востока). В своих отчетах о. Дмитрий отмечал стойкую приверженность буковинцев православной вере, отличавшую их от галичан³.

---

¹ Камнев Д., Александров В. Поездка в Канаду // Американский православный вестник. Т. 2, № 21 (1–13 июня 1898 г.). С. 607, 612.

² Административный пункт с таким названием до сих пор существует на карте провинции Альберта, однако в настоящее время представляет собой всего лишь несколько старых зданий и является скорее «поселком-призраком», как и ряд других мест поселения первых украинских иммигрантов.

³ Камнев Д., Александров В. Поездка в Сев.-Западную Канаду // Американский православный вестник. Т. 3, № 16 (15–27 августа 1899 г.). С. 441. Еще в 1898 г. местные буковинцы просили черновицкого православного митрополита Аркадия Чуперкевича прислать священника из Буковины, однако им было рекомендовано обратиться к услугам Русской православной миссии в Америке. Подробнее см.: 3 нового краю: листи українських емігрантів з Канади. Під ред. О.І. Сича. Едмонтон, 1991. С. 17–18, 49–50.

По собственным подсчетам миссионеров, за время, проведенное в Канаде в 1897–1900 гг., им удалось обратить в православную веру около 1,5 тыс. галичан, живших в окрестностях Эдмонта¹. Как уже отмечалось выше, к этим цифрам стоит относиться с долей скептицизма. И все же, особенно учитывая скромные возможности о. Дмитрия и о. Владимира, их деятельность в западной Канаде нужно признать успешной. Во многом благодаря их усилиям были заложены основы для распространения влияния РПЦ среди украинских иммигрантов и превращения ее в силу, с которой приходилось считаться конкурентам.

Вместе с тем среди руководства североамериканской епархией РПЦ, включая только что назначенного на свой пост епископа Тихона (Белавина), росло понимание того, что в условиях стремительного роста украинской иммиграции в западную Канаду сохранить здесь влияние православия без создания постоянной миссии будет трудно, если вообще возможно. О назначении постоянного священника неоднократно просили и сами украинские поселенцы. Одно из таких прошений «от руссинов, проживающих в Северо-Западной территории в Канаде, в местностях Lime-Stone Lake, Beaver Creek и Rabbithills [sic]», датированное 17 июня 1898 г., было адресовано в Святейший синод в Петербурге и содержало 25 подписей членов церковных комитетов нескольких православных общин. В послании излагалась история приезда галичан в Канаду и принятия ими православной веры, а также упоминалось об усилиях униатов и «иезуитов» (так поселенцы обычно называли все римско-католическое духовенство) распространить свое влияние среди выходцев из Галиции и Буковины. Заканчивалось письмо просьбой «прислать нам православный причт церковный (из малороссов) дабы мы могли найти тихое пристанище душам нашим в недрах Святой Православной церкви, а не блуждали бы по распутиям иезуитским, не имея своего Православного пастыря»².

¹ Подсчитано по отчетам в: Американский православный вестник. Т. 3, № 16 (15–27 августа 1899 г.). С. 442; т. 4, № 18 (14–28 сентября 1900 г.). С. 366.

² ARCA, Edmonton, Cases, Uniate Congregation, Catholic Influence, 1898, reel 321, И. Гальков, Ф. Рудык, И. Лакуста, Ф. Немирский и др. – Святейшему Синоду, 5 июня 1898.

Прощения достигли своей цели, и 5 августа 1900 г. епископ Тихон назначил тридцатидевятилетнего о. Якова Корчинского, служившего в одном из аляскинских приходов, главой канадской православной миссии в западной Канаде с центром в Востоке¹. Предполагалось, что о. Яков приступит к своим обязанностям уже 1 сентября 1900 г., но ему удалось прибыть в Эдмонтон только к концу ноября. Сопровождали о. Якова матушка Варвара и 20-летний псаломщик Иван Сорока².

К приезду о. Якова дом, где должен был проживать священник, еще не был закончен, поэтому приехавшим пришлось временно разместиться в доме уже упоминавшегося Федора Немирского. Когда в феврале следующего года постройка дома для священника была завершена, он некоторое время служил также и местом проведения служб, пока прихожане достраивали здание заложенной в июне 1898 г. Свято-Троицкой церкви.

Сделав Восток своей «опорной базой», миссионеры старались навещать каждое православное поселение в Альберте хотя бы раз в месяц, чтобы провести там службу и совершить обряды. В условиях географической разбросанности украинских поселений, плохого состояния дорог и суровой зимы это было весьма нелегкой задачей. Первые две недели каждого месяца о. Яков и Иван Сорока обычно проводили в Востоке, затем в течение недели объезжали галицкие и буковинские поселения к северо-востоку от Эдмонта и, наконец, последнюю неделю месяца старались проводить в Рэббит-Хилл, требовавшем постоянного внимания из-за повышенной активности там сторонников унии. На следующий месяц цикл повторялся. Регулярность поездок уменьшалась лишь весной, когда фермеры были заняты посевной, а дороги становились труднопроходимыми из-за распутицы.

Обращение галичан греко-католического вероисповедания в православие оставалось одной из важнейших задач миссии. В своем отчете епископу Тихону о. Яков сообщал, что за февраль-октябрь 1901 г. ему удалось обратить в православие около 280 униатов. Большинство последних принадлежали к Кресто-

¹ Американский православный вестник. Т. 4, № 16 (15–28 августа 1900 г.). С. 335.

² ARCA, Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, Корчинский – Тихону, 1 дек. 1900. См. также The Edmonton Bulletin, 26 November 1900.

воздвиженской греко-католической церкви в Эдна-Стар, где к тому времени разгорелся серьезный конфликт между священником о. Иваном Заклинским и частью прихожан. Недовольные обвиняли о. Ивана в слишком тесных отношениях с местным римско-католическим епископом Э. Легалем и опасались «латинизации» прихода (то есть насаждения римско-католических обрядов). Попытка священника сместить часть членов приходского совета со своих постов привела к открытому расколу, в результате которого большая часть прихожан обратилась к о. Якову Корчинскому с просьбой принять их под покровительство православной церкви¹. Сторонники о. Ивана, однако, также не собирались складывать оружие. Конфликт достиг своего пика на Пасху, 18 апреля 1901 г., когда оба священника, поддерживаемые своими фракциями, попытались провести в Крестовоздвиженской церкви пасхальную службу. В результате возникшей потасовки в дело пришлось вмешаться полиции, которая опечатала церковное здание до выяснения обстоятельств дела².

Следуя инструкциям епископа Тихона проявлять осмотрительность, когда дело касалось перехода имущества униатских приходов под попечительство РПЦ, о. Яков считал за лучшее не настаивать на немедленном вступлении во владение Крестовоздвиженской церковью, доверив решение спора канадским судам. Дело о праве собственности на приходскую недвижимость тянулось долгие шесть лет, достигнув высшей судебной инстанции Британской империи – Тайного совета в Лондоне, – решением которого от 3 декабря 1907 г. собственность была присуждена Русской православной миссии³.

Из-за часто случавшихся в украинских приходах размежеваний по признаку религиозной принадлежности судебные тяжбы между греко-католическими и православными приходами за право собственности на церковную недвижимость вскоре стали обычным явлением в западной Канаде начала XX в. В 1915 г. по-

¹ ARCA, Edmonton Correspondence, reel 321, Корчинский – Тихону, 25 января 1901 г.

² Stobie, Margaret. "Pope and Czar on the North Saskatchewan" // *The Beaver* (April–May 1989). P. 7.

³ The Law Reports. House of Lords and Judicial Committee of the Privy Council, 1908, *Zacklinski and others vs. Polushie and others*. P. 65–81.

добный спор случился, к примеру, в г. Чипмэн, также закончившись в пользу православной фракции¹. В других случаях победа оказывалась на стороне греко-католиков.

К 1902 г. количество поселенцев, находившихся на попечении Русской православной миссии в Канаде, достигло примерно 3 тыс., включая около 2 тыс. буковинцев, 700 галичан, а также небольшое количество румынских семей, проживавших к северо-востоку от Эдмонтона. В апреле 1901 г. при Свято-Троицкой церкви была открыта небольшая приходская школа, в которой преподавали сам о. Яков и псаломщик И. Сорока. Год спустя здесь училось уже более 20 детей местных украинских фермеров. Прихожанами было также создано церковное братство имени Св. Тихона Задонского, занимавшееся оказанием помощи попавшим в беду членам общины².

Одной из главных проблем, с которой пришлось столкнуться как о. Якову, так и его преемникам, было финансирование строительства новых православных храмов. В отличие от стран исхода, иммигрантам в Северной Америке приходилось строить и обставлять церковные здания почти целиком на собственные средства. Галичане и буковинцы делали что могли: так, в Востоке прихожане собрали 80 долларов на покупку четырех колоколов для церковной звонницы – по тем временам немалая сумма, равнявшаяся двухмесячному заработку промышленного рабочего. Однако даже по достижении поселенцами определенного уровня благосостояния финансирование постройки церковного здания полностью за счет общины было весьма трудным делом³. В 1900–1901 гг. украинскими приходами было отправлено несколько прошений епископу Тихону об оказании материальной помощи в постройке храмов. Просьбы были услышаны: к августу 1902 г., согласно приводимым о. Яковом данным, общая сумма выделен-

---

¹ Русский голос, 27 декабря 1915 г.; 3 июля 1916 г.

² ARCA, Wostok Correspondence, 1899–1904, reel 321, Корчинский – Тихону, 5 июня 1901 г.; Скибинский – Тихону, «Отчет о состоянии Северо-Западной Канадской миссии за 1902 год» от 31 января 1903 г.; Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, телеграмма Корчинского Тихону, 26 августа 1901 г.; Wostok Parish Records, Cumulative, reel 322, Parish Register, 1902–1905.

³ ARCA, Wostok Correspondence, 1899–1904, reel 321, Корчинский – Тихону, 5 июня 1901 г.

ной канадской православной миссии финансовой помощи составила 700 долл. Из них 600 долл. было потрачено на востокский приход и 100 долл. – на постройку Свято-Николаевского храма в селении Буковина. В следующем году 150 долл. было отправлено приходам в Рэббит-Хилле и Бивер-Крике. Но даже несмотря на материальную поддержку епархии, канадские приходы почти постоянно находились на грани банкротства. О. Якову порой приходилось одалживать приходскому совету собственные средства, а то и покупать за свой счет свечи и церковную утварь¹.

Свидетельством растущего внимания епархиального руководства к канадским приходам стал визит епископа Тихона в Канаду в августе–сентябре 1901 г. Владыка провел службы в Рэббит-Хилле и Востоке, где при большом стечении народа (включая многих окрестных униатов, привлеченных приездом православного епископа) торжественно освятил здание Свято-Троицкой церкви. Во время пребывания епископа в украинских приходах им были освящены также недавно достроенные Святониколаевская церковь в Буковине и Церковь Пресвятой Богородицы в Бивер-Крике. Примечательно, что визит русского православного иерарха вызвал интерес не только со стороны местного православного населения, но и канадской общественности. Так, во время своего нахождения в Эдмонтоне владыка Тихон встретился с членом палаты общин от Северо-Западных территорий Фрэнком Оливером (впоследствии министром внутренних дел в правительстве У. Лорье), проявлявшим живой интерес к деятельности русской православной миссии. Визит русского епископа не остался незамеченным и местной прессой².

С самого начала своей деятельности на посту главы канадской миссии о. Яков обратил пристальное внимание на Эдмонтон, где православные жители оставались без духовного попечения. Хотя в начале XX в. в городе проживало менее 3 тыс. человек, с ростом иммиграции на Северо-Западные территории и в условиях

¹ Там же, Корчинский – Тихону, 6 марта, 20 апреля, 22 июня и 6 июля 1901 г.; Скибинский – Тихону, «Отчет о состоянии Северо-Западной Канадской миссии за 1902 год» от 31 января 1903 г.

² Подробный отчет о поездке еп. Тихона см. в: Американский православный вестник. Т. 5, № 18 (15–28 сентября 1901 г.). С. 383–388; № 19 (1–14 октября 1901 г.). С. 403–407; см. также The Edmonton Bulletin, 13 September 1901.

начавшегося экономического бума его роль как одного из торгово-финансовых центров западной Канады быстро возрастала. Постоянное украинское население Эдмонта было небольшим и не превышало 200–300 человек (включая работавших домашней прислужкой буковинских девушек), однако летом оно значительно увеличивалось за счет сезонных рабочих с близлежащих ферм. О. Яков считал абсолютно необходимой постройку в Эдмонтоне хотя бы «небольшой часовенки», о чем писал уже в первом своем отчете епископу Тихону в декабре 1900 г.¹

Тогда же о. Яков начал проводить «вечерние собрания» для православных жителей Эдмонта, на которых присутствующие сочетали молитвы с духовными беседами и изучением Закона Божьего. Вскоре для проведения этих встреч был снят небольшой кирпичный дом, служивший также молитвенным залом, вечерней школой и местом временного проживания о. Якова и псаломщика Ивана во время их приездов в Эдмонтон². Попытки священника получить материальную поддержку от епархиального начальства на устройство прихода в городе не увенчались успехом: епископ Тихон, судя по всему, считал более важным расширение деятельности миссии в сельских районах, где количество православного населения было гораздо большим³. Тогда о. Яков решил действовать самостоятельно. Взяв ипотечный займ, он купил участок земли в центре Эдмонта с двухэтажным деревянным домом с верандой, в котором была устроена часовня. 18 мая 1902 г. о. Яков освятил приобретенное здание именем Св. Варвары, заложив тем самым основу первого православного прихода Эдмонта. Сослужил на церемонии освящения только что приехавший в Эдмонтон о. Михаил Скибинский, которому предстояло заменить о. Якова на посту главы канадской миссии.⁴

¹ ARCA, Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, Корчинский – Тихону, 1 декабря 1900 г.

² The Edmonton Bulletin, 10 January 1901; ARCA, Edmonton Correspondence, reel 321, Корчинский – Тихону, 4 февраля 1901 г.

³ ARCA, Edmonton Correspondence, reel 321, Корчинский – Тихону, 4 февраля 1901 г.

⁴ The Edmonton Bulletin, 19 May 1902; A Century of Faith: St Barbara's Russian Orthodox Cathedral. P. 13–14. Современный Русский православный собор Св. Варвары, относящийся к зарубежным приходам Московской патриархии, находится на том же месте, где располагалась основанная о. Яковом часовня.

О. Михаил Скибинский был выходцем из г. Холм (Хелм) Люблинской губернии. По окончании Холмской духовной семинарии он какое-то время служил псаломщиком и учителем церковно-приходских школ в польских губерниях, а с 1898 г. – на Аляске. В апреле 1902 г. двадцатилетний о. Михаил был рукоположен в священники и назначен главой православной миссии в Канаде. В июне 1902 г. он прибыл в Восток вместе с матушкой Анастасией и двумя детьми¹. О. Михаил оставался главой канадской миссии до июня 1906 г., когда был назначен на вновь учрежденный пост благочинного канадских православных приходов с резиденцией в Виннипеге.

За время пребывания о. Михаила во главе миссии количество православных церквей в северо-восточной Альберте увеличилось с четырех до девяти: новые храмы открылись в селениях Рэббит-Хилл, Шандро, Эндрю, Бивер-Крик (Мандер) и Киселив, началось строительство румынской православной церкви в Боянах². Пять вновь построенных церквей были лично освящены епископом Тихоном во время его второй и последней поездки в Канаду в августе 1904 г.³ После упадка, последовавшего за отъездом о. Якова Корчинского, возродился эдмонтонский приход. В декабре 1908 г. новый благочинный канадских приходов игумен Арсений Чаговцов торжественно освятил здание нового храма Св. Варвары и перевел туда из Востока центр русской православной миссии в Альберте⁴.

Стоит отметить, что создание приходов в западной Канаде проходило при отсутствии единого подхода к юридическому оформлению прав собственности на церковные земли и строения. В некоторых приходах (например, в селении Буковина) все недвижимое имущество, включая кладбищенскую землю, было записано на имя членов приходского совета, тогда как в других

¹ ARCA, Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, Скибинский – Тихону, 24 мая 1902 г.

² Американский православный вестник. Т. 10, № 2 (15–28 января 1906 г.). С. 38.

³ Там же, т. 8, № 16 (15–28 августа 1904 г.). С. 311–314; № 18 (14–28 сентября 1904 г.). С. 353–355; № 20 (1–14 октября 1904 г.). С. 370–372.

⁴ ARCA, Wostok Parish Records, Cumulative, reel 322, Parish Register, 1907; The Edmonton Bulletin, 8 July 1908; A Century of Faith. P. 21.

(например, в Востоке и Скарто) – на имя главы Русской православной епархии в Северной Америке. Земельные участки под эдмонтонской часовней Св. Варвары и церковью в Мандере поначалу принадлежали лично о Якову Корчинскому и лишь позже были переданы им в епархиальную собственность. Ситуация кардинально не изменилась и после того, как в мае 1903 г. Русская православная церковь на Северо-Западных территориях получила статус частной корпорации, который позволял ей владеть и совершать сделки с недвижимостью на правах юридического лица¹. Возможно, епархиальное начальство не хотело вступать в трения с приходскими советами, которые неизбежно возникли бы в случае попыток переписать имущество на имя русского епископа. Скорее же всего у него просто не было времени и средств заниматься решением имущественных вопросов в далекой Канаде.

К середине 1900-х гг. становилось очевидным, что одному священнику было уже не под силу обслуживать растущее количество приходов, тем более в условиях продолжавшегося соперничества с Греко-католической церковью, которая с 1902 г. увеличила присутствие в западной Канаде в результате приезда из Галиции миссионеров-монахов из Ордена василиан. В своем донесении епископу Тихону о состоянии дел в миссии на август 1903 г. о. Михаил сообщал, что местных православных галичан очень угнетает невозможность иметь регулярные службы: «Видя, что униаты имеют достаточно священников и имеют возможность присутствовать на церковных богослужениях каждое воскресенье, каждый праздник, а они лишены этого, так как православные миссионеры служат в известном месте только раз в месяц, а иногда и в два месяца <...> они падают духом, теряют веру в божественную силу Православия, и тревожные вопросы их о том, будет ли здесь когда-либо больше священников <...> все чаще приходится слышать причту...».²

Однако найти священнослужителей для канадских приходов было непросто. Дело было не только в общей нехватке приходского духовенства в Североамериканской епархии, но и в том,

---

¹ ARCA, Wostok Parish Records, Cumulative, reel 322, Parish Register, 1907.

² ARCA, Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, Скибинский – Тихону, 16 августа 1903 г.

что многие пастыри не слишком-то стремились отправиться в затерянные в канадских прериях украинские селения. Большинство предпочитало суровому канадскому быту службу в благополучных приходах США, где был мягче климат и имелись все блага цивилизации. Почти все священники, назначавшиеся во вновь образованные канадские приходы, были недавно рукоположены в сан и не обладали опытом руководства приходами и умением находить общий язык с приходскими советами, что в Северной Америке являлось залогом успешного служения. Кроме того, выделявшегося епархией скромного жалования порой не хватало даже на проживание. На пожертвования же прихожан рассчитывать было трудно – те сами часто едва сводили концы с концами.

Показательной в этом отношении была история о. Григория Вархоля – выходца из Закарпатья, закончившего православную семинарию в Миннеаполисе и сразу же по рукоположении в марте 1906 г. направленного в самый проблемный на то время в Канаде Рэббит-Хилльский приход. Первоначально приезд постоянного священника был встречен прихожанами с энтузиазмом. Новоизбранный приходской совет во главе с самым состоятельным в округе фермером Федором Фуром занялся обсуждением вопроса об окончательном завершении постройки церкви, тянувшейся почти восемь лет. Но проблемы не заставили себя ждать. Двадцатидолларового месячного жалования молодого миссионера не хватало даже на оплату жилья, а от двенадцати семей, составлявших его крошечный приход, помощи ожидать не приходилось. К тому же о. Григорию так и не удалось заручиться доверием местных галичан – вероятно, отчасти по причине закарпатского диалекта, звучавшего столь непривычно, что его стали подозревать в том, что он является «поляком или немцем». После неоднократных прошений о. Григория о переводе он был в ноябре 1906 г. назначен в один из приходов американского Юга¹.

О. Александру Антониеву, назначенному в буковинские и румынские поселения в районе Шандро и Боян, повезло больше. До своего назначения в Канаду он служил дьяком в одном из прихо-

---

¹ ARCA, Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, Вархоль – Тихону, 21 июля/3 августа 1906 г.; Скибинский – Тихону, 24 мая и 15 июня 1906 г.; Американский православный вестник. Т. 10, № 21 (1-14 ноября 1906 г.). С. 430.

дов Кишиневской епархии, владел буковинским наречием и мог понимать разговорный румынский. Вероятно, именно это в значительной степени помогло ему завоевать уважение канадских прихожан. В отличие от большей части канадского православного духовенства, о. Александр не получал от епархии жалования и находился на полном содержании своих приходов¹.

Приведенные примеры иллюстрируют важный аспект истории североамериканского православия – значимость этно-лингвистического фактора во взаимоотношениях духовенства и паствы. Большинство иммигрантов хотело видеть в своих приходах священников из «старого края» и часто встречало «чужаков» с настороженностью. Зная об этом, руководство РПЦ старалось назначать в североамериканские приходы духовенство из западных губерний Российской империи, в большей или меньшей степени знакомое с обычаями и диалектами русинов, галичан, буковинцев и белорусов, составлявших большинство прихожан в США и Канаде. По мере того, как среди канадских галичан и буковинцев силами местной украинской интеллигенции крепло чувство принадлежности к единой украинской нации, часть из них стала с растущим недоверием относиться к «московским» священнослужителям, не говорившим на «малороссийском наречии» и не знавшим национальных обычаев своих прихожан. В августе 1904 г. о. Михаил Скибинский писал епископу Тихону, что местные буковинцы «мечтают о “незалежных от Синода” священниках, а Святейший Синод представляют себе в виде страшилища, готового всех их отдать <...> под власть “московского” царя...»² С началом Первой мировой войны темпы «украинизации» выходцев из Галиции и Буковины еще более усилились, что в итоге привело к расколу канадского православия по этническому признаку и формированию в 1918 г. независимой Украинской православной церкви Канады³.

¹ Американский православный вестник. Т. 10, № 8 (1-14 апреля 1906 г.). С. 142.

² ARCA, Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, Скибинский – Тихону, 16 августа 1903 г.

³ Plokyh, Serhii. "The Crisis of 'Holy Rus': The Russian Orthodox Mission and the Establishment of the Ukrainian Orthodox Church of Canada" // Religion and Nation in Modern Ukraine. Ed. by Serhii Plokyh and Frank E. Sysyn. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. P. 40–57.

Подводя итоги, отметим, что к середине первого десятилетия XX в. РПЦ удалось добиться заметных успехов среди украинских иммигрантов западной Канады, чему способствовали как подвижнические усилия первых миссионеров, так и слабость главного конкурента РПЦ – Греко-католической церкви, не имевшей столь давних корней и собственной церковной администрации в Северной Америке. Количество прихожан на обслуживаемой восточной миссией территории продолжало расти как за счет новых иммигрантов православного вероисповедания, так и за счет перехода в православие части униатов и к 1905 г. достигло более 4800 человек. Действовало свыше десятка церквей и часовен (хотя некоторые из них находились в стадии перманентной достройки). Увеличение числа приходов в Альберте, а также в соседних Саскачеване и Манитобе сделало возможным выделение их в 1906 г. в самостоятельное благочиние с центром сначала в Виннипеге, а затем в Эдмонтоне.

Однако в первые годы существования Русской православной миссии в Канаде обозначились и ее главные проблемы: нехватка опытного духовенства, знающего язык и обычаи канадских прихожан, шаткость финансового положения приходов и усиливавшаяся конкуренция со стороны других церквей (включая протестантов). В последующие годы эти проблемы не только не разрешились, но стали еще острее. Более того, к ним добавилась еще одна – рост национального самосознания среди иммигрантов православного вероисповедания, и прежде всего – подъем украинского национального движения, отвергавшего концепцию «единой и неделимой Руси», на которой основывалась официальная доктрина РПЦ.

Библиография

1. Божик П. Церковь українців в Канаді. Вінніпег, 1927. 335 с.
2. З нового краю: листи українських емігрантів з Канади. Під ред. О.І. Сича. Едмонтон: Канадський інститут українських студій, 1991. 66 с.
3. Хайруллина П.А. Русская Православная Церковь в США: поиск путей модернизации и деятельность святителя Тихона

(Беллавина) (Последняя треть XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004. 216 с.

4. A Century of Faith: St Barbara's Russian Orthodox Cathedral, Edmonton, Alberta, 1902–2002. Edmonton: St. Barbara's Russian Orthodox Cathedral Book Committee, 2002. 169 p.

5. The Alaskan Russian Church Archives: Records of the Russian Orthodox Greek Catholic Church of North America-Diocese of Alaska. Washington: Library of Congress, Manuscript Division, 1984, 248 p., available at http://library.alaska.gov/hist/hist_docs/docs/asl_%20BX497_A4A47_1984.pdf, accessed 20.09.2015.

6. Dyrud, Keith. The Struggle for the Rusyn Soul: The Politics of Religion and Culture in Eastern Europe and in America, 1890 – World War I. Philadelphia: Balch Institute for Ethnic Studies, 1992. 157 p.

7. Kukushkin, Vadim. From Peasants to Labourers: Ukrainian and Belarusan Immigration from the Russian Empire to Canada. Montreal-Kingston: McGill-Queen's University Press, 2007. 283 p.

8. Martynowych, Orest. Ukrainians in Canada: The Formative Years, 1891–1924. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 1991. 562 p.

9. Orthodox America, 1794–1976: Development of the Orthodox Church in America. Ed. by Constance Tarasar. Syosset, NY: Orthodox Church in America, Dept. of History and Archives, 1975. 352 p.

10. Patriarchal Parishes of the Russian Orthodox Church in Canada. Edmonton: Russian Orthodox Church History Book Committee, 1988. 94 p.

11. Plokyh, Serhii. "The Crisis of 'Holy Rus': The Russian Orthodox Mission and the Establishment of the Ukrainian Orthodox Church of Canada" // Religion and Nation in Modern Ukraine. Ed. by Serhii Plokyh and Frank E. Sysyn. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. P. 40–57.

12. Stobie, Margaret. Pope and Czar on the North Saskatchewan // The Beaver (April–May 1989).

13. Yuzyk, Paul. The Expansion of the Russian Orthodox Church among the Ukrainians in North America to 1918 // Studia Ucrainica 2 (1984). P. 213–223.

Оксфордское движение в контексте религиозного возрождения Англии в раннюю викторианскую эпоху

Статья посвящена одному из мало изученных феноменов в истории религиозной жизни Англии первой половины девятнадцатого столетия — Оксфордскому движению. Автор предпринимает попытку анализа идеологии и практики данного течения церковной жизни в контексте современных изучаемому движению социокультурных процессов.

Ключевые слова: оксфордское движение, викторианская Англия, протестантизм, сотериология, кальвинизм, англиканство, методизм, евангелическое движение, пратристика.

Оксфордское движение — одно из наименее изученных и, в то же время, ярких явлений в религиозной жизни Великобритании раннего викторианского периода. Зародившись в рамках Высокой церкви Англии в 1830-40-х гг., оно обрело популярность в академических кругах и стало мощным фактором интеллектуальной жизни. Его адепты поставили перед собой задачу примирить англиканскую церковь с католицизмом и православием. Они утверждали, что все три конфессии представляют собой «ветви одного дерева». Лидеры движения полагали, что Церковь Англии имеет мало общего с отвергаемым ими протестантизмом. Однако молниеносный и яркий подъем этого течения церковной мысли сменился столь же стремительным падением.

Нельзя рассматривать Оксфордское движение вне контекста общей религиозной ситуации в Великобритании первой половины XIX в. Этот период принято считать началом торжества секуляризма, рационального отношения к религии. Однако данный стереотип не вполне верен. Он однобоко отражает развитие ду-

---

¹ Царегородцев Алексей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Институт международной торговли и права», г. Москва. e-mail: alex26.82@inbox.ru

ховной культуры английского общества. Ранняя викторианская эпоха была охвачена так называемым религиозным возрождением. Феномен religious revival зарождается в восемнадцатом столетии в рамках Низкой Церкви как реакция мирян на «сухость» и формализм церковной жизни. Англиканский клир того времени, в массе своей бедный и находившийся в зависимом от титулованных патронов положении, не выказывал особого рвения в выполнении своих пастырских обязанностей. Просветительский рационализм пропитал все поры культурной, в том числе и церковной, жизни. Но он не давал эмоционального утешения, в котором так нуждалось английское общество, вступавшее в период трансформационного кризиса, вызванного промышленным переворотом. По мере нарастания социальной дезадаптации широких народных масс все чаще раздавались призывы к тому, чтобы отказать от чисто формального следования евангельским заповедям и стать «серьезными христианами». Под последним понималось бескомпромиссное воплощение библейских нравственных идеалов в личной и общественной жизни. Быть «серьезным христианином» означало также не подвергать догматику рационалистической критике.

Начало «религиозного возрождения» принято связывать с деятельностью Джона Уэсли. Его обращение к вере произошло в 1738 г. под влиянием старшего брата Чарльза и контактов с «богемскими братьями»¹. Первую группу единомышленников Уэсли организовал в 1739 г. Поначалу методисты не отделяли себя от англиканской церкви. Однако гонения на них со стороны епископата заставили представителей нового движения выйти с проповедью за пределы приходов: они шли в тюрьмы, больницы, собирали множество слушателей под открытым небом².

Еще одно новое движение – евангелическое – зародилось в той же «колыбели», что и методизм³. Джордж Уайтфилд, соратник Уэсли, порвавший с ним из-за богословских расхождений, считается одним из его основоположников. Оба эти течения были фундаменталистскими. Их сторонники отвергали крайние про-

---

¹ Миллер А. История христианской церкви. Dillenburg, 1994. С. 644.

² Tosh J. A man's place: Masculinity and the Middle-Class home in Victorian England / by J.Tosh. New Haven – L., 1999. P. 35.

³ Simon M. L'anglicanism. Paris, 1969. P. 49–50.

явления рационализма в вопросах веры, тяготели к буквальному пониманию текста Библии и придавали большое значение религиозному чувству и переживаниям. Вместе с тем, эти деноминации имели ряд существенных отличий, как в доктринальном, так и в организационном плане. Евангелисты разделяли многие положения кальвинизма. В частности, в отличие от последователей Дж. Уэсли, они исповедовали догмат о предопределении, согласно которому Бог до сотворения мира предназначил каждого человека в рай или ад.

Духовным и интеллектуальным центром евангелистов долгие годы был Кембридж. Признанный лидер этого течения Чарльз Симеон¹ (1759-1836) служил пастором в одном из его приходов. Симеон пользовался авторитетом не только среди своих прихожан, но и в университетских кругах. Этот талантливый проповедник много сделал для привлечения к движению интеллигенции, показывая, что можно быть одновременно евангелистом и прогрессивным человеком. По его инициативе была создана коммерческая компания «Симеон Траст», которая путем операций с землей помогала евангелическим пасторам приобретать церковные бенефиции. В конце XVIII в. возникает еще один центр евангелического движения – Клэпхемская секта. Она была организована другом Симеона Джоном Венном, который в 1792-1813 гг. служил приходским пастором в этом столичном пригороде. Группа была малочисленна, но компенсировала этот недостаток богатством и влиянием своих членов. Самые громкие имена среди них: политический и общественный деятель, депутат палаты общин Уильям Уилберфорс (1759-1833), банкир Генри Торнтон, предприниматель Захария Маколей, управляющий департамента по делам Индии лорд Тейнмут и другие. Такие крупные фигуры политического истеблишмента, как Уильям Питт, лорд Шефтсбери, Роберт Пиль, лорд Пальмерстон, сочувствовали организации и принимали участие в иницилируемых ею проектах. Наиболее яркий пример – аболиционистское движение, во многом обязанное своей победой Уилберфорсу².

---

¹ Ibid. P. 51–54.

² Vaucheur P. L'évolution sociale et religieuse de l'Angleterre au XIX siècle: Etudes pratiques d'Anglais. Paris, 1953. Fascicule I. P. 37.

Тем не менее, процесс секуляризации английского общества не только не останавливается, но и переживает во второй половине 20-х – 40-е гг. XIX в. новый виток. Религиозные меньшинства получают всю полноту гражданских и политических прав: протестантские диссентеры – в 1828 г. и католики – в 1829 г. Параллельно была отменена церковная десятина, уменьшена численность духовенства, упразднено обязательное англиканское бракосочетание¹. Одним из последствий парламентской реформы 1832 г. явилось начало постепенного ослабления роли палаты лордов, того органа власти, на который опирался англиканский епископат. В этих условиях в недрах национальной церкви и зарождается Оксфордское движение.

Оно явилось детищем богословов, чуждых компромиссам с диссидентами. Они полагали, что англиканство есть некая «золота середина» между двумя ложными крайностями – средневековым католичеством и протестантством². В то же время среди интеллигенции и духовенства раздаются требования освободить национальную церковь от опеки государства, преодолеть сервилизм клира по отношению к аристократии, призывы к священникам стать «слугами народа». Центром подобных настроений стал Оксфордский университет. Возникшее в его стенах движение разделилось, в свою очередь, на два направления. Сторонники первого из них (Эдвард Пьюзи, Джон Кибл, Чарльз Мерриот, Генри Лиддон, Исаак Уильямс, Ричард Черч) выдвинули «теорию трех ветвей». По их мнению, существует Единая Кафолическая (отсюда другое название движения – «англокатолицизм») Церковь, которая имеет три родственные ответвления: Православие, Католичество и Англиканство³. Континентальный протестантизм и все связанные с ним течения в самой Британии англокатолики считали еретическими. Смысл Реформации трактовался ими как попытка преодолеть некоторые заблуждения, распространен-

---

¹ Новиченко И.Ю. Дискуссия Чарльза Кингсли и Джона Ньюмена (1864) // Проблемы екуменизма и миссионерской практики: сб. научн. тр. / под ред. О.В. Чернышевой. М., 1996. С. 136.

² Соловьева Т.С. Оксфордское движение: борьба за возрождение в Англии // Альфа и Омега: Учен. записки о-ва для распространения Священного Писания в России. М., 2000. № 3. С. 345–352.

³ Там же. С. 347.

ные в римской церкви. В отличие от большинства протестантов, «пьюзииты» полагали, что эти искажения вовсе не свидетельствовали о полном отпадении Рима от апостольского преемства. Вместе с тем они были уверены, что, порвав с папой, национальная английская церковь также сохранила за собой это преемство. В частности, Джон Кибл (1792-1866) настаивал на том, что Церковь есть «единое Тело христиан (whole body of Christians), связанное волей Иисуса Христа, под руководством Наследников (Successors) Апостолов...»¹. Под этими «наследниками» он понимал англиканское духовенство.

Другое течение в англикатолицизме возглавлял скандально известный священник Джон Ньюман. С его точки зрения, англиканство, как и континентальный протестантизм – ересь². Только Римская и Православная церкви являются истинными, но предпочтение Ньюман отдавал первой. В 1845 г. он делает исключительный по тем временам шаг – принимает католичество. Собственно это событие и раскололо Оксфордское движение на две группы. У Ньюмана появляются единомышленники, среди которых Уильям Уорд, Роберт Уилберфорс, Генри Меннинг и Фредерик Фрейбер.

Сторонники обоих направлений придерживались мысли о том, что церковные таинства являются главным источником спасительной благодати³. Вразрез с официальной доктриной англиканства Эдвард Пьюзи открыто исповедовал реальность пресуществления хлеба и вина евхаристии в Кровь и Плоть Христа. За это ему было запрещено проповедовать в течение двух лет⁴. Англикатолики требовали от верующих частой исповеди и причастия, соблюдения постов, были приверженцами пышного ритуала. Они занимались переводом и публикацией произведений патристики, благодаря чему англичане познакомились с работами таких древних богословов, как Киприан Карфагенский, Афа-

---

¹ Keble J. National Apostasy. Sermon // The Victorian Mind. / An Anthology ed. and selected by Gerald B. Kauvar and Gerald C. Sorensen: with a pref. by Jane Faurett. London, 1969. P. 189.

² Соловьева Т.С. Оксфордское движение... С. 346.

³ Михайловский В.М. Англиканская церковь и ее отношение к православию. СПб., 1864. С. 87.

⁴ Соловьева Т.С. Оксфордское движение... С. 346.

насий Великий, Иоанн Златоуст, Иустин Философ, Тертуллиан и другие.

Постепенно развивается инфраструктура их интеллектуального влияния¹. В 1839 г. открывается первое подконтрольное движению учебное заведение – богословский колледж в Чичестере. Кибл, Ньюман и их единомышленники создавали благотворительные общества, открывали школы для детей бедняков. Тем не менее, в рассматриваемое время англокатолицизм остается элитарным явлением, которое ориентировано, главным образом, на пропаганду среди образованного духовенства.

Для того, чтобы понять специфику Оксфордского движения, необходимо рассмотреть его сотериологию в сравнении с другими религиозными направлениями. Огромную роль, как известно, в эволюции английской религиозности сыграл кальвинизм – одна из старейших протестантских конфессий. Зародившись в первой половине XVI века на континенте Европы, он быстро проникает и на Британские острова и перевоплощается там в пуританство. Его популярности здесь в немалой степени способствовала географическая близость к Голландии, где идеи Ж. Кальвина получают широкое распространение, а также к Франции, откуда в Англию в XVI–XVII вв. прибывают многочисленные эмигранты.

Специфическим в учении Кальвина является, прежде всего, понимание взаимоотношений Бога и Его разумного творения. Одна из главнейших проблем христианского богословия – противоречие между двумя идеями: абсолютное могущество Творца и свобода человека. В православии эта антиномия снимается за счет веры в то, что Бог ограничивает («кенозис») Свою власть над мирозданием настолько, чтобы автономная воля человека проявилась во всей полноте². Соответственно, в основе православной этики лежит тезис о союзе («синергии») двух независимых друг от друга волей. Эта мысль с определенными оговорками разделяется и католиками. В кальвинизме же идея кенозиса отсутствует. Все, что делает человек доброго или злого, совершает-

---

¹ Там же. С. 351–352.

² Игумен Илларион (Алфеев). Жизнь и учение св. Григория Богослова. СПб., 2001. С. 321.

ся им по воле Всевышнего¹. Кальвин недвусмысленно заявляет: «Бог не только предвидел падение первого человека, а в нем – гибель всего его потомства, но и хотел этого»². После грехопадения потомки Адама стали абсолютно порабощены дьяволу и не могут отныне творить добро³. Человек предстает здесь существом в корне злым и испорченным.

По Кальвину, спасение начинается с так называемого действенного призыва: Бог в один момент делает Своего избранника способным верить и творить добро. На первый взгляд, в этом пункте нет противоречия с другими направлениями христианства, где также существует догма о решающей роли благодати в спасении. Особенность кальвинизма заключается в том, что он настаивает на непреодолимости действия Святого Духа. Человек, с этой точки зрения, не в состоянии сопротивляться спасительной силе. Вот как об этом говорится в «Вестминстерском исповедании»: «Всех, кого Бог предопределил к вечной жизни, и только их, Ему угодно в определенное и соответствующее время призвать Своим Словом и Духом из состояния греха и смерти...к благодати и спасению через Иисуса Христа...Этот действенный призыв, не зависящий от чего-либо предвиденного в человеке, *который в этом отношении совершенно пассивен ...*»⁴ (курсив мой – А.Ц.).

Каким бы ни было мощным влияние кальвинизма на умы англичан, но господствующей церковью всегда, кроме короткого революционного периода, оставалась англиканская церковь. Англиканство представляет собой доктрину, впитавшую национальную культуру своей родины. В ней проявилась такая черта английского характера, как нацеленность на компромисс. Многим богословам, стоявшим у истоков этой конфессии, в том чис-

¹ Пикирилли Р.Е. Кальвинизм, арминизм и богословие спасения. СПб., 2002. С. 33–34.

² Кальвин Ж. Наставления в христианской вере / пер. с фр. / под ред. Ю.А. Кимелева. М., 1997. Т.2. С. 409–410.

³ Кальвин Ж. Наставления в христианской вере... С. 209; Вестминстерское исповедание веры [Электронный ресурс]. URL: [http://www.reformed-church.ru/page 8. 9:3](http://www.reformed-church.ru/page%8%9%3); Митер Г.Х. Богословские идеи кальвинизма [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.calvinism.ru>. С. 27.

⁴ Вестминстерское исповедание веры... 10:1-2.

ле архиепископу Томасу Кранмеру, были очевидны искажения в религиозной жизни католицизма: индульгенции, чрезмерное поклонение святым и Деве Марии, иконам и «дарам евхаристии». Все это не без основания считалось языческими пережитками. Вместе с тем их отталкивал радикализм лидеров континентальной Реформации. Иконоборчество, коренные изменения культа и иные действия, повлекшие психологическое потрясение в народных массах и беспорядки, без сомнения, вызывали большие опасения у английских религиозных реформаторов. Возникало естественное желание обойти крайности, нащупать «золотую середину» между «заблуждениями папизма» и протестантскими движениями Германии, Швейцарии и др.¹.

Англиканская церковь разделяет учение о «сатисфакции», согласно которой Сын Божий заслужил спасение для человечества². Христос, как утверждает в англиканском символе веры, пострадал «для того, чтобы примирить Отца с нами и принести жертву не только за первородный грех, но и за все действительные грехи людей»³. Из этих слов ясно, что миссия Спасителя не увязывается с догматом о предопределении. Фраза «примирить Отца с нами», скорее всего, относится ко всему человечеству или, по крайней мере, ко всем христианам. В пользу того, что первоначальное англиканство было чуждо кальвинистской сотериологии, говорит дискуссия Генриха VIII и архиепископа Т. Кранмера. Этот спор нашел отражение в книге последнего «Наставления доброму христианину». «Я верую, — заявляет автор, — что Он мой

---

¹ Михайловский В. Указ. соч. С. 57–58.

² Об этом говорится уже в первом богословском трактате молодой церкви, «Десять статей»: «...единственная причина оправдания — личность Бога-Отца ради заслуг, Крови и страданий Его Сына Иисуса Христа...». (См.: Десять статей. § 5. // Английская реформация. (Документы и материалы). / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. — М., 1990. С. 23–24.) Эти «заслуги» перечисляются в тексте англиканской литании: «Чрез таинство святого Твоего воплощения; чрез святое Твое рождество и обрезание; чрез Твое крещение, пощение и искушение Благий Господи, избави нас. Твоим со смертию борением, и кровавым потом (bloody Sweat), Твоим крестом и страданием, многоценною Твоею смертью и погребением, славным Твоим воскресением и вознесением...». (См.: Ектения по чиноположению соединенной церкви Англии и Ирландии. London, 1865. P. 3.).

³ Тридцать девять статей. § 2. // Михайловский В.М. Указ. соч. С. 23–35.

истинный Бог, мой Господин, мой Отец, и я Его раб и сын Его... и правый наследник Его царства»¹. Король со свойственным ему «юридическим» мышлением пытается прояснить условия принятия в Царство Небесное. Он предлагает вместо слов «правый наследник» вставить «поскольку следуя Его установлениям и законам, поскольку упорствую в этом, постольку я наследник царства Его *по праву*» (курсив мой – А.Ц.)². Таким образом, коронованный оппонент Кранмера исходит из представления (хотя и превратно понятого) о «синергии». Он полагает, что спасение можно заслужить нравственной жизнью. В данном случае вызывает интерес не столько мнение Генриха VIII, который не был профессиональным богословом, сколько реакция Кранмера. Архиепископ, в общем и целом, не опровергает мнение короля. Он лишь заявляет, что со стороны истинного христианина нескромно говорить о своих заслугах перед Всевышним³.

Разница в понимании спасения обусловлена различием в интерпретации последствий «первородного греха». С точки зрения англикан, падение Адама привело к порче человеческой природы, которая отныне «наклонена ко злу»⁴. Как следствие, все его потомки не могут без благодати творить добро и неизбежно грешат⁵. Однако это не отнимает у них свободу веры. «Предопределение к жизни, – заявляют авторы «Тридцати девяти статей», – есть вечная воля Божия, по которой Бог (прежде основания вселенной) в совете Своем...навсегда положил избавить от проклятия и осуждения людей, избранных им *посредством веры* во Христа...»⁶ (курсив мой – А.Ц.). Внешне эта формулировка соответствует духу кальвинизма, не без влияния которого в дискурс господствующей церкви проникло понятие «предопределения». Но, как отмечает В.М. Михайловский, в богословии Высокой Церкви закрепились точка зрения, согласно которой избран-

¹ Исправления, сделанные Генрихом VIII по тексту «Наставления доброму христианину» с примечаниями архиепископа Кранмера. 1537–1538. // Английская реформация... С. 26.

² Там же.

³ Исправления... С. 26–27.

⁴ Тридцать девять статей... § 9–10.

⁵ Там же. § 13.

⁶ Там же. § 17.

ники Божьи – это те люди, о которых Он заранее знал, что они будут верующими¹. Эта, лютеранская по своей сути, доктрина прямо противоположна пуританскому пониманию спасения как абсолютно безусловного. Отцы Вестминстерского собора 1648 г. недвусмысленно заявляют, что действенный призыв не зависит от веры или какой-либо другой добродетели, которую Творец предвидит в праведниках².

Важным аспектом христианской сотериологии являются представления о роли церкви в спасении души. И англикане, и пуритане, считали, что ее главная задача – изучение Св. Писания. В «Статьях» говорится: «Видимая церковь есть собрание верующих, в котором проповедуется истинное слово Божие и, согласно с заповедью Божею, совершаются таинства...»³. Похожий фрагмент содержится и в «Вестминстерском исповедании»: «Обычное богослужение состоит в благочестивом... чтении Писания, ... проповедовании, слушании Слова..., в послушании Богу ... пении псалмов..., а также в правильном совершении и принятии Таинств»⁴. В обоих случаях таинства упоминаются в последнюю очередь. В этом аспекте английские протестанты коренным образом отличаются от сторонников традиционного христианства, где смыслом существования церковного института считаются, прежде всего, священнодействия⁵. Данная особенность является очевидным признаком рационалистической тенденции в религиозном сознании протестантов вообще, и британцев, в частности. Следствием этого стало смещение обрядовой стороны церковной практики на второстепенные позиции и утверждение сугубо формального ее понимания.

В этой особенности кроется существенное доктринальное отличие официального англиканства времен королевы Виктории от Оксфордского движения. Целиком и полностью отрицая кальвинистский догмат о предопределении, Э. Пьюзи, Дж. Кибл и др. вернулись к ортодоксальной сотериологической теории о синер-

¹ Михайловский В.М. Указ. соч. С. 82.

² Вестминстерское исповедание веры... 10:2, 11:1.

³ Тридцать девять статей... § 19.

⁴ Вестминстерское исповедание веры... 21:5.

⁵ Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 244.

гии, то есть сотрудничестве Бога и человека в спасении души¹. Отсюда проистекает и ортодоксально понимаемая экклезиология. Церковь и ее таинства превращаются в мировоззрении пьюзиитов в центр человеческой жизни. Важнейшим таинством является, безусловно, евхаристия, которая трактовалась адептами этого движения как реальное присутствие Тела и Крови Христа в гостии.

Таким образом, Оксфордское движение создавало почву для реального богословского диалога англиканства с православием и католицизмом. Однако этот диалог оказался маловероятным по двум важнейшим причинам. Во-первых, Оксфордское движение при всем его интеллектуальном блеске оставалось уделом немногих романтически настроенных профессоров и их учеников. Широкие массы британцев, в течение многих поколений воспитанных в лоне кальвинистски ориентированной Низкой церкви, были совершенно чужды ортодоксально патристическим взглядам на сотериологию. Во-вторых, определенную роль сыграл политический фактор. Несмотря на то, что викторианская Англия была наиболее демократической из многих современных ей государств, она не была страной светской. Корона цепко держала в своих руках контроль над религиозной сферой общественной жизни. И хотя католикам и протестантским диссидентам позволялось свободно исповедовать свою веру, в лоне англиканской церкви не допускались никакие отклонения в сторону «папизма», о чем свидетельствует печальная судьба уволенного с кафедры Э.Пьюзи и подвергнутого суровому остракизму Дж. Ньюмена.

Библиография

1. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. 416 с.
2. Вестминстерское исповедание веры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reformed-church.ru/page 8>.
3. Десять статей. // Английская реформация (документы и материалы) / под ред. Ю.М.Сапрыкина. М., 1990. 104,[1] с.

---

¹ Richard W.P. The library of fathers: the tractarians as a patristic translators / Studies in Philology 70. L., 1973. P. 333.

4. Ектения по чиноположению соединенной церкви Англии и Ирландии. Л., 1865.

5. Илларион (Алфеев). Жизнь и учение св. Григория Богослова. СПб., 2001. 507 с.

6. Исправления, сделанные Генрихом VIII по тексту «Наставления доброму христианину» с примечаниями архиепископа Кранмера. 1537–1538 // Английская реформация (документы и материалы)... С. 26–27.

7. Кальвин Ж. Наставления в христианской вере / пер. с фр. / под ред. Ю.А. Кимелева. М., 1997. Т.2. 582 с.

8. Миллер А. История христианской церкви / пер. с англ. Dillenburg, 1994. Т.2. 720 с.

9. Митер Х.Г. Богословские идеи кальвинизма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.calvinism.ru>.

10. Михайловский В.М. Англиканская церковь и ее отношение к православию. СПб., 1864. 283 с.

11. Новиченко И.Ю. Дискуссия Чарльза Кингсли и Джона Ньюмена (1864) // Проблемы экуменизма и миссионерской практики: сб. научн. тр. / под ред. О.В. Чернышевой. – М., 1996.

12. Пикирилли Р.Е. Кальвинизм, арминизм и богословие спасения / пер. с англ. СПб., 2002. 291 с.

13. Соловьева Т.С. Оксфордское движение: борьба за возрождение в Англии // Альфа и Омега: Учен. зап. о-ва для распространения Священного Писания в России. М., 2000. № 3. С. 334–353.

14. Тридцать девять статей // Михайловский В.М. Англиканская церковь и ее отношение к православию. СПб., 1864. 283 с.

15. Keble J. National Apostasy. Sermon // The Victorian Mind / An Anthology ed. and selected by Gerald B. Kauvar and Gerald C. Sorensen: with a pref. by Jane Faurett. London, 1969.

16. Richard W.P. The library of fathers: the tractarians as a patristic translators / Studies in Philology 70. L., 1973.

17. Simon M. L'anglicanism / M. Simon. Paris, 1969. 309 p.

18. Tosh J. A man's place: Masculinity and the Middle-Class home in Victorian England / by J. Tosh. New Haven – L., 1999. [XII] 252 p.

19. Vaucheur P. L'évolution sociale et religieuse de l'Angleterre au XIX siècle: Etudes pratiques d'Anglais. Paris, 1953. Fascicule I. 67 p.

Становление системы домашних семинаров в России: «вечерние беседы» М.С. Куторги²

Появление семинарской формы занятий в Петербургском университете относится к началу 1840-х гг., её родоначальником стал М.С. Куторга. Главной целью домашних семинаров он считал привитие обучаемым критического метода, навыков самостоятельного исследования истории. В рамках «вечерних бесед» происходило становление профессионалов-историков, осваивалась методика научного исследования, передавались от учителя знания, умения и определялись будущие темы диссертаций.

М.С. Куторга заранее ставил перед студентом конкретную узкую проблему из области античной истории. Ученик самостоятельно ее разрабатывал, и свой вариант решения оглашал в виде доклада молодым коллегам, собравшимся на квартире у М.С. Куторги. От докладчика требовалось знание источников на языке оригинала, историографии вопроса. После прочтения доклада следовало его обсуждение. Порой оно велось даже очень бурно, нередко завязывались горячие споры. Мэтр требовал от каждого аргументированного изложения своей точки зрения по обозначенной проблеме. Используя метод наводящих вопросов, М.С. Куторга старался направить спор в нужное русло. Вероятно, ученики в итоге приходили к выводам своего учителя. В будущем на основе таких докладов создавались магистерские диссертации.

Ключевые слова: домашние семинары, М.С. Куторга, антиковедение, историография истории Древней Греции, научные школы.

---

¹ Скворцов Артём Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, заместитель декана историко-филологического факультета по воспитательной работе. Artyom-skvorcov@yandex.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 16-33-01035.

На первый взгляд, заявленная в заголовке тема не вписывается в тематику сборника. Но следует заметить, что Михаил Семёнович Куторга (1809–1886) стоял у истоков не только антиковедения в Петербургском университете, но и в целом – всеобщей истории. Его ученики, защищая диссертации по древнегреческой истории, становились потом преподавателями и крупными специалистами по истории западноевропейского средневековья, византийской истории и даже по истории Нового времени. Так, например, предметом исследования В.В. Бауера стала эпоха Реформация.

Новаторство М.С. Куторги как учителя состояло в том, что он настаивал не на воспроизводстве учениками уже готового знания, а на самостоятельном вдумчивом исследовании источника, что позволяет сформировать собственное видение проблемы. С целью введения молодых людей в науку Куторга стал проводить у себя на дому неформальные встречи, или «вечерние беседы»¹, где знакомил студентов с «методом научных занятий, с требованиями научного исследования»².

На наш взгляд, дискуссионным является вопрос о времени организации «вечерних бесед». Большинство исследователей творчества М.С. Куторги говорят о конце 1840-х гг., опираясь на записку профессора В.В. Бауера, помещенную в труде В.В. Григорьева³ В литературе имеется и другая точка зрения относительно начала проведения домашних семинаров – 1839 г.⁴ Она при-

---

¹ Этим словосочетанием В.В. Бауер в записке о своем учителе называет мероприятие по подготовке молодых людей к занятиям наукой. Оно имело неформальный характер и проводилось на дому у М.С. Куторги: Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 216.

² Там же. С. 216.

³ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению / Отв. ред. В.Н. Гинев. СПб., 2000. С. 13; Шофман А.С. Основные проблемы истории античной Македонии в историографии // Уч. зап. КГУ. Серия «История». Т. 114. Кн. 5. С. 187; Константинова А.Д. Жизнь и научная деятельность М.С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1964. С. 94; Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999. С. 170.

⁴ В.Б. Празднование пятидесятилетнего юбилея ученой деятельности М.С. Куторги // ЖМНП. 1883. Ч. CCXXVI. Апрель. С. 62

надлежит некоему В.Б. А.Д. Константинова пришла к выводу, что этот псевдоним принадлежит В.А. Бильбасову¹, с которым у мэтра были довольно близкие отношения, что устанавливается благодаря переписке 1863–1870 гг. Однако если судить по содержанию очерка, особенностям стиля, а также дословному воспроизведению ряда предложений из статьи о М.С. Куторге в труде В.В. Григорьева, можно предположить, что под этими инициалами скрывается В.В. Бауер. Из этого следует, что почти через полтора десятка лет после выхода монографии о Петербургском университете автор изменил свою точку зрения. Попытаемся разобраться в причине этого.

В.В. Бауер был студентом в 1850-е гг. К этому времени, на наш взгляд, о школе М.С. Куторги можно говорить как о сложившемся явлении: авторитет учителя в научной среде достаточно высок, под его руководством было защищено 3 магистерских (В.М. Ведровым, М.М. Стасюлевичем, Н.А. Астафьевым) и 1 докторская диссертация (М.М. Стасюлевичем). Ученики себя позиционировали именно как научное сообщество, во главе которого находился их любимый профессор всеобщей истории Михаил Семенович. Следовательно, Василий Васильевич не мог наблюдать процесса складывания данной антиковедческой школы лично, и всю информацию об этапе ее становления он мог почерпнуть из бесед с очевидцами, на глазах которых этот процесс протекал. Юбилей – хороший повод окунуться в прошлое, вспомнить, как все начиналось. В 1882 г. в усадьбе Борок Могилевской губернии с размахом отмечалось 50-летие научной деятельности М.С. Куторги: были приглашены ученики мэтра, местная интеллигенция, чиновники. Вероятно, именно здесь и прозвучала дата 1839 г. как начало «вечерних бесед». Позже она была помещена в статью В.В. Бауера 1883 г.

В нашем распоряжении имеются также и другие сведения, указывающие на раннюю дату начала проведения домашних семинаров мэтра. А.А. Чумиков, студент второй половины 1830-х гг., в воспоминаниях отмечает, что М.С. Куторга был едва ли не единственным профессором в Петербургском университете,

---

¹ Константинова А.Д. М.С. Куторга как историк античности : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1966. С. 11.

который «частным образом» руководил ограниченным количеством слушателей в их занятиях историей¹. Как правило же, общение студентов и преподавателей ограничивалось стенами университета. По всей видимости, эти неформальные встречи не принесли желаемого М.С. Куторгой эффекта, он остался неудовлетворен работой своих подопечных, и никто из них после окончания учебы не пошел по его стопам. Поэтому домашние семинары продолжались недолго и вскоре были прекращены². Возможно, первая попытка собрать вокруг себя молодых людей для занятий античностью оказалась провальной потому, что с 1838 г. Михаил Семенович преподавал всеобщую историю только лишь юристам³, у которых, вероятно, не было желания посвящать себя исторической науке.

Но в начале 1840-х гг. М.С. Куторга начал читать лекции на первом историко-филологическом отделении философского факультета. Кроме этого, в 1842 г. ему было поручено проводить педагогические занятия по истории, географии, статистике с казеннокоштными студентами, готовящимися к учительскому званию⁴. М.С. Куторга в 1842 г. в прошении в Совет Петербургского университета отмечал: «Весьма натурально, что только профессор может с пользой делать практические упражнения, который сам читает лекции студентам, потому что сии упражнения ничто иное, как практическое приложение всего того, что они услышат на лекции»⁵. Из отрывка следует, что Михаил Семенович вовсе не планировал объяснять студентам в данном курсе приемы и методы обучения гимназистов, хотя по замыслу в этом и состояла его суть. Но мэтр был убежден, что искусству педагогики нель-

---

¹ Чумиков А.А. Студенческая корпорация в Петербургском университете в 1830–1840 гг. (из воспоминаний бывшего студента) // Русская старина. 1881. Т. 30. № 2. С. 377.

² А.А. Чумиков сообщает, что они существовали «короткое время». – См.: Там же.

³ Григорьев В.В. Указ. соч. С. 218.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4336а. Л. 401; Формулярный список М.С. Куторги // РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 255. Л. 16–17 об.

⁵ Представление в Совет Императорского Санкт-Петербургского университета от 1-го отделения философского факультета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4531. Л. 1 об.

зя научить¹. Поэтому эти занятия он превратил в практические упражнения, которые представляли собой тщательную проработку первоисточников и специальной литературы по указанной теме. И здесь М.С. Куторга не был новатором – он перенес немецкий опыт (так называемые, «historico-practico»²), с которым познакомился в Профессорском институте в Дерпте, на русскую почву.

Еще одна форма занятия, с которой М.С. Куторга познакомился в Дерпте, – «disputatorio» – обсуждение в виде дискуссии рефератов воспитанников³. Как показывают архивные материалы, и этот метод Михаил Семенович использовал для обучения специализирующихся у него студентов. Так, он отмечает, что именно благодаря посещению в течение трех лет (1843–1846 гг.) педагогических занятий В.М. Ведров написал «отличную» кандидатскую диссертацию об афинском тиране Критии⁴. То есть и первые научные работы молодых историков создавались, правились и обсуждались в ходе «педагогических занятий». Кроме этого, нельзя, отрицать, что уже в начале 1840-х гг. М.С. Куторга приглашал к себе на квартиру ограниченный круг лиц для обсуждения ученых сочинений своих воспитанников. Эта практика, как мы уже отмечали, существовала короткое время во второй половине 1830-х гг. Таким образом, по смыслу «педагогические занятия» являлись теми же «вечерними беседами», о которых писал В.В. Бауер. А значит, и формирование рассматриваемой научной школы следует относить к 1842 г. Именно с этого времени исторические семинары начали проводиться мэтром систематически. Вероятно, попросту М.С. Куторге не хватало времени для обсуждения всего запланированного на «педагогических занятиях» в стенах университета, и он сделал в дополнение неформальные встречи избранных студентов у себя на квартире. Вышесказанное позволяет нам опровергнуть точку зрения В.С. Брачева о том, что система регулярных семинаров в Петербургском универси-

---

¹ А.Ч. Указ. соч. С. 142.

² См.: Мадиссон Ю.К. Молодой Куторга (к вопросу о возникновении русской исторической науки об античности) // Уч. зап. Тартусского университета. Труды историко-филологического факультета. Таллин, 1956. Вып. 43. С. 17.

³ Мадиссон Ю.К. Указ. соч. С. 18.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 160. Л. 1.

тете сложилась на рубеже XIX–XX вв.¹ Ее зарождение связано с деятельностью М.С. Куторги.

В ходе «вечерних бесед» постигался критический метод исследования, который, по мнению М.С. Куторги, необходимо усваивать именно на основе античной традиции. Причем требовалось чтение источников на языке оригинала, что способствует более вдумчивому, внимательному изучению классических авторов, а также постижению их менталитета. Отчасти по этой причине не каждый студент мог попасть на квартиру к строгому профессору. Мэтр обращал внимание лишь на тех, кто достаточно хорошо владел древнегреческим языком и латынью. Но и это было не главным критерием. М.С. Куторга персонально приглашал на эти дополнительные занятия лишь тех, кто уже имел достаточно прочные знания и ярко выраженный интерес к науке, поэтому для начинающих историков было честью, что суровый преподаватель обратил на них внимание и выделил из числа сокурсников. Показателен пример с одним из вольнослушателей Петербургского университета конца 1840-х гг. Н.А. Арбузовым, который, восхитившись эрудицией М.С. Куторги на лекциях, попытался попасть к нему на домашние семинары. Михаил Семенович, видя недостаточную подготовку по предмету молодого человека, посоветовал ему не приступать к занятиям наукой и даже не посещать университетских лекций в течение полугода, потратив это время на изучение древних языков². Вместе с тем мэтр рекомендовал читать сочинения Ф. Гизо, О. Тьерри и Б.Г. Нибура. Как уже отмечалось, именно их сочинения повлияли на становление М.С. Куторги как ученого.

Таким образом, М.С. Куторга предпочитал не массовую подготовку учеников, а штучную, приглашая на «вечерние беседы» только избранных. Это свидетельствует о том, что вокруг него сосредоточивались довольно сильные личности, которые «из кожи вон лезли», доказывая свою способность к занятиям наукой, чтобы пробиться к именитому профессору.

¹ Брачев В.С. Наша «петербургская школа историков» и ее судьба. СПб., 2001. С. 130; см. также: Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 66.

² Арбузов Н.А. Мой журнал, или сборник ежедневных впечатлений // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 85–85 об.

Главной целью домашних семинаров М.С. Куторга считал привитие неофитам навыков самостоятельного исследования проблем истории, чтобы в будущем из-под их пера выходили качественные работы. О своих частных занятиях он говорил: «Здесь мы... учимся писать»¹. И следует отметить, что его старания не пропадали даром, а наоборот – увенчивались успехами учеников. Работы некоторых из них благодаря «вечерним беседам» удостоивались университетской награды. Так, В.В. Бауер в 1855 г. получил серебряную медаль за работу о влиянии древневосточной культуры на античную. Задание было сформулировано следующим образом: «Описав в общих чертах новейшие открытия в Малой Азии и Ниневии, представить состояние ассирийско-фригийской образованности и указать ее влияние на древнюю Грецию»². М.М. Стасюлевич в 1847 г. также заслужил серебряную медаль за сочинение, посвященное гомеровскому вопросу, актуальному и по сей день: «Доказать, что в “Илиаде” и “Одиссее” ... нельзя найти никаких верных указаний на существование искусства письма, ... что все песни по одиночке сначала не были написаны, а как время и случай подавали к тому повод, составлены силою вдохновения непосредственного; что потом были заучиваемы; часто повторялись наизусть, увеличивались или сокращались; впоследствии же предавались письму, что таким образом составились те два пространных стихотворения, которые дошли до нас»³. Интересно, что в студенческие годы будущий революционер-демократ Н.Г. Чернышевский хотел разрабатывать предложенную кафедрой всеобщей истории (а значит, М.С. Куторгой) в 1849/1850 учебном году тему о Клеоне на соискание медали. Она была сформулирована так: «Представить жизнеописание афинянина Клеона: для чего рассмотреть известия древних писателей о его происхождении, рассказать его военные и гражданские действия, описать топографически город Пилос и остров Сфакторию и нарисовать подробный их план; объяснить отношение Клеона к комедии и рассмотреть лицо его у

¹ Арбузов Н.А. Мой журнал... Л. 90.

² Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1890. Вып. 6. С. 22.

³ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. / Под ред. М.К. Лемке. СПб., 1911. Т. 1. С. 38–39.

Аристофана»¹. Но, однако, Н.Г. Чернышевский опоздал с просьбой о принятии его в число участников конкурса. И золотую медаль получил студент IV курса Александр Воронин, который регулярно участвовал в «вечерних беседах», следовательно, под руководством мэтра написал работу².

Особенность предлагаемых кафедрами тем на соискание медалей, и это следует из самой формулировки, состоит в том, что преподаватели не только ставили проблему, но и сами ее и решали или указывали путь решения, давая подробный план работы. На наш взгляд, такой подход к конкурсу «загонял» студентов в определенные рамки, лишал их возможности творческого подхода к проблеме. Зачастую начинающим исследователям оставалось лишь подобрать доказательства к той или иной гипотезе. Хотя, вероятно, предполагалось, что студентам довольно сложно самостоятельно справиться с поставленной проблемой, поэтому в качестве подсказки намечался путь ее решения. Большинство учеников М.С. Куторги пробовали себя в решении таких задач, однако не всем удавалось получить награду. Но эти медальные сочинения являлись проверкой исследовательских способностей студентов, их первыми шагами в науку.

Для работы со своими подопечными М.С. Куторга применял проверенную методику, знакомую ему еще со времени обучения в Дерпте. В целом же считается, что появление исторических семинаров в России связано с влиянием немецких университетов³. Через посредство Профессорского института в Дерпте и

---

¹ Григорьев В.В. Указ. соч. С. XLV.

² Н.Г. Чернышевский в своем дневнике от 24.09.1848 г. пишет, что хочет поступить кандидатом на «педагогические лекции» к М.С. Куторге, о чем сообщает ученикам профессора – А. Воронину и некоему Лыткину, желая заручиться их поддержкой. – См.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений / Под ред. Б.П. Козьмина. М., 1939. Т. 1. С. 130.

³ Корева Н.С. К вопросу о начале исторического семинара как формы занятий в Российских университетах // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). Проблемы изучения: Сб. ст. Казань, 2008. С. 81; Антощенко А.В. Das Seminar: немецкие корни и русская крона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVII – начала XX в. М., 2009. С. 270.

благодаря заграничным командировкам отечественных ученых эта традиция стала усваиваться и на русской почве. Известный немецкий историк И.Г. Дройзен в статье о научно-практических занятиях студентов в немецких университетах отмечал, что семинарская форма занятий появилась в Германии уже в XVIII в.¹. Их учреждение было вызвано необходимостью подготовки молодых людей к преподавательской деятельности путем методических и педагогических упражнений. Однако, по мнению И.Г. Дройзена, такая цель требует решения задачи подготовки будущих учителей и в научном плане, так как наилучший преподаватель тот, «кто наиболее упражнялся в своей науке и достиг в ней наибольшего образования путем собственного, самостоятельного исследования»². Следует отметить, что М.С. Куторга также ратовал за фундаментальность в процессе подготовки учительских кадров. Так, в обсуждении об открытии педагогических курсов при Петербургском университете в 1859 г. взамен закрытого Педагогического института он «выходил из себя», доказывая значимость классической древности в современном ему образовании. Он утверждал, что учитель в совершенстве должен знать греческий и латинский языки³.

Возвращаясь к проблеме семинаров, скажем, что благодаря им студенты понимают всю трудоёмкость научной работы. Если на лекциях профессора предлагают уже готовые выводы и заключения, то в ходе практических занятий, тщательно изучая источники, студенты могут самостоятельно выстроить цепь рассуждений и прийти к собственным результатам. При ответственном подходе к делу начинающие ученые узнают, сколько усилий и терпения требует наука. Вследствие этого они становятся осторожнее в собственных умозаключениях и более взвешенно критикуют труды предшественников⁴.

С помощью источников личного происхождения можно в общих чертах представить процесс проведения «вечерних бесед».

¹ Дройзен И.Г. О научно-практических занятиях студентов в германских университетах, преимущественно по истории // ЖМНП. 1869. Ч. CXLV. С. 79–80.

² Там же. С. 80.

³ Никитенко А.В. Дневник. М., 2005. Т. 2. С. 136–137. (Запись от 7.04.1859).

⁴ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 82.

Полной картины создать невозможно, так как описаний домашних семинаров М.С. Куторги крайне мало, и они очень кратки.

Профессор заранее ставил перед студентом проблему из области античной истории. Ученик самостоятельно ее разрабатывал и свой вариант решения оглашал в виде доклада молодым коллегам, собравшимся на квартире у М.С. Куторги. Домашние семинары проходили обычно вечером. Начинались они около шести часов, когда и профессор, и студенты освобождались от занятий в университете. После прочтения доклада следовало его обсуждение. Порой оно велось даже очень бурно, нередко завязывались горячие споры, в результате чего ученики покидали квартиру учителя за полночь. Возможность высказаться, четко и аргументировано изложить свою точку зрения была у каждого, более того – мэтр этого и требовал. М.С. Куторга, несмотря на свой вспыльчивый характер, терпеливо выслушивал даже те мнения, которые расходились с его собственным¹. Однако это совсем не означает, что обсуждение велось хаотично, и в итоге каждый мог оставаться на своих позициях. Мэтр старался направить спор с помощью наводящих вопросов в нужное для учебного процесса русло. По всей видимости, ученики в итоге приходили к выводам своего учителя.

Возможно установить и день недели, в который проводились «вечерние беседы». Письмо М.М. Стасюлевича М.С. Куторге дает нам веские основания предположить, что в 1840–50-х гг. это была суббота: «Кланяйтесь от меня всем в субботу вечером, если у Вас по-прежнему собираются в этот день»².

Более подробную информацию о ходе «вечерних бесед» мы получаем из писем П.И. Люперсольского. Однако это уже более поздние сведения, и они относятся к 1860-м гг. Именно тогда в связи с нехваткой преподавателей всеобщей истории в университетах министром народного просвещения А.В. Головинным было поручено М.С. Куторге заниматься с 3 магистрантами для приготовления их к профессорскому званию. Благодаря архивным материалам можно установить их личности – это некий Штейнман,

---

¹ Дестунис Г.С. Михаил Семенович Куторга. Воспоминания и очерки // ЖМНП. 1886. Ч. 246. № 7. С. 5.

² Письмо М.М. Стасюлевича М.С. Куторге от 3.12.1856 г. // М.М. Стасюлевич и его современники... С. 260.

И.О. Шиховский и в будущем довольно известный профессор П.И. Люперсольский¹. Формат проведения «вечерних бесед» был несколько изменен. Встречи с М.С. Куторгой осуществлялись у него на дому уже 2 раза в неделю. По пятницам являлись все трое, представляя приготовленные ими на заданную профессором тему письменные работы по древнегреческой истории. Эти сочинения, которые могли и не быть составной частью будущих магистерских работ воспитанников, обсуждались и правились. Главное, на что обращал внимание Куторга при их разборе, – самостоятельность суждений магистрантов, привлечение максимума источников, их критика (глубокий источниковедческий анализ), а также знание историографии проблемы.

При этом мэтр был довольно строг, но справедлив, и не давал своим воспитанникам зазнаваться и преувеличивать важность сделанных открытий. Сверх того, по воскресеньям проходили индивидуальные консультации с профессором, где ученики отчитывались о своих наработках по избранной теме диссертации². Они докладывали о прочитанных монографиях и статьях, давали им свою оценку о возможности их использования в исследовании. Кроме того, ученики рассказывали и о промежуточных выводах готовящейся диссертации. Далее – детально разбиралась доказательная база выдвинутых тезисов.

«Вечерние беседы», безусловно, приносили огромную пользу начинающим историкам. П.И. Люперсольский с искренней признательностью и чувством глубокого уважения к организатору домашних семинаров М.С. Куторге отмечает: «Я всегда буду памятовать и высоко ценить как Ваши полные высокого разума и глубокой опытности наставления и указания в деле науки, так и

¹ Черновик письма М.С. Куторги попечителю Петербургского учебного округа // ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 94. Л. 1. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что И.О. Шиховскому и Штейнману не удалось защитить магистерских диссертаций. В архивах на этот счет не содержится каких-либо сведений. Мы установили лишь, что И.О. Шиховский сдавал магистерские экзамены в 1867 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16012. Л. 69 об.–75). Им же была защищена диссертация *provenialegendi* «О представительных учреждениях в древнем мире» в 1866 г., которая позволила ему читать курс по истории Римской империи (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16012. Л. 66–67).

² ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 146. Л. 1–2.

Ваш вполне бескорыстный и с тем вместе неустанный труд, с каким Вы постоянно занимались с нами в течение двух лет»¹.

М.С. Куторга занимался частным образом не только со студентами, но и с лицами, не имеющими отношения к Петербургскому университету, но желающими достичь успехов в науке или повысить свою образованность. Так, из кратких писем М.С. Куторге, где говорится о переносе занятий, приглашениях на них, следует, что в 1850-х гг. он занимался с Е.Э. Белосельской-Белозерской. Несколько лет спустя она с большой благодарностью вспоминала часы, проведенные в ученых беседах с профессором². Чуть позже, в конце 1850-х гг., private занятия были и с великой княгиней Марией Николаевной³, которая в знак признательности подарила мэтру английские часы⁴, что, вероятно, свидетельствует о большом интересе ученицы к предмету. И, разумеется, о ее высокой оценке самих занятий.

Индивидуальные занятия М.С. Куторги с представителями высшего света заключались не только в чтении им лекций по древней истории, но и в подготовке и обсуждении их первых научных сочинений, выполненных под руководством профессора, то есть здесь также происходило обретение навыков исследовательского труда. Отзывы, которые давал Михаил Семенович на эти работы, наполнены откровенной лестью, что, думается, было стандартным в общении с высокопоставленными особами. Для иллюстрации приведем отрывок из черновика письма М.С. Куторги князю Николаю Максимилиановичу от 9 августа 1863 г.: «Не знаю, как выразить удовольствия, испытанного мною при чтении прекрасного рассуждения, которое я имел честь получить от Вашего Высочества... Для старого учителя нет более приятного и более утешительного чувства, как видеть логическое и последовательное изложение мыслей, написанное не только правильным, но и изящным языком, и замечательное еще в том отно-

¹ Там же. Л. 4 об.

² Письмо Е.Э. Белосельской-Белозерской М.С. Куторге б/д // ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 106. Л. 9.

³ Письма К.Г. Ребиндера, секретаря великой княгини Марии Николаевны, М.С. Куторге // ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 161. Л. 1–3, 11.

⁴ Письмо М.И. Рейнгардта, заведующего конторой двора великой княгини Марии Николаевны, от 17.05.1858 г. // ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 164. Л. 1.

шении, что включает в себе много нового, вовсе не говоренного в буквах»¹. Однако не следует думать, что М.С. Куторга только лишь слепо восхищался работами своих знатных воспитанников. Та преамбула в письме, которая приводилась нами выше, была, вероятно, традицией общения с людьми из высшего сословия. Совершенно понятно, что профессор не мог, да и не имел желания обидеть таких учеников. После комплиментарной части следовали конкретные замечания, причем их было довольно много, что признавал и сам М.С. Куторга². Как человек науки он не мог их не отметить. Порой мнение рецензента кардинально расходилось с авторским.

Приведенные выше факты свидетельствуют, что М.С. Куторга был довольно известным и уважаемым ученым также и в высшем свете. Он даже имел честь появляться на праздниках царской семьи, куда допускался лишь очень ограниченный круг лиц. Так, 6 декабря 1862 г. М.С. Куторга присутствовал на именинах князя Николая Максимилиановича, «где видел почти всех членов царского семейства»³. Это событие мэтр настолько хотел запечатлеть в своей памяти, что записал его карандашом на письме от К.Г. Ребиндера, секретаря великой княгини Марии Николаевны. Такое благоприятное расположение и доверительность со стороны представителей высшей знати создавало личные связи, что являлось очень важным фактором успешности как в дореволюционной, так и, по традиции, в современной России. Так, М.С. Куторга имел возможность передавать записки министру народного просвещения А.В. Головнину, где, например, он хлопотал о своем возвращении в университет после возобновления его деятельности в 1863 г.

Таким образом, зарождение школы М.С. Куторги следует относить к началу 1840-х гг., хотя первые опыты организации неформальных встреч со студентами происходили еще в конце 1830-х гг. «Педагогические занятия» и «вечерние беседы» были способом передачи профессионального опыта и мастерства, знаний и ценностей от мэтра к воспитанникам. Важным моментом

¹ ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 92. Л. 2.

² Там же. — Самих замечаний в архиве не удалось отыскать, только лишь указание на их наличие.

³ ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. № 164. Л. 3.

является то, что занятия проводились в том числе и в неформальной обстановке, иногда даже совмещались с чаепитием, что создавало особую ауру доверительности и сотрудничества между учителем и его учениками. Здесь происходило становление профессионалов-историков, осваивалась методика научного исследования, передавались от учителя знания, умения и определялись будущие темы диссертаций, поэтому «вечерние беседы» и «педагогические занятия» можно назвать основой научной школы М.С. Куторги, одной из первых в России в области всеобщей истории.

Библиография

1. Антощенко А.В. DasSeminar: немецкие корни и русская крона (о применении немецкого опыта семинариев московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М.: РОССПЭН, 2009. С. 263–278.
2. Брачев В.С. Наша «петербургская школа историков» и ее судьба. СПб.: Стомма, 2001. 246 с.
3. В.Б. Празднование пятидесятилетнего юбилея ученой деятельности М.С Куторги // ЖМНП. 1883. Ч. ССXXVI. Апрель. С. 61–63.
4. Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. / Под ред. В.Н. Гинева. СПб.: Наука, 2000. С. 7–106.
5. Григорьев В.В. Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Типогр. В. Безобразова и Со, 1870. 432+96+СХII с.
6. Дестунис Г.С. Михаил Семенович Куторга: воспоминания и очерки // ЖМНП. 1886. Ч. 246. № 7. С. 3–14.
7. Дройзен И.Г. О научно-практических занятиях студентов в германских университетах, преимущественно по истории // ЖМНП. 1869. Ч. CXLV. С. 79–92.

8. Константинова А.Д. Жизнь и научная деятельность М.С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 2. Казань, 1964. С. 80–122.
9. Константинова А.Д. М.С. Куторга как историк античности : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1966.
10. Кореева Н.С. К вопросу о начале исторического семинара как формы занятий в Российских университетах // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). Проблемы изучения : сб. ст. Казань, 2008. С. 80–85.
11. М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М.К. Лемке. СПб.: Типогр. М. Стасюлевича, 1911. Т. 1. 572 с.
12. Мадиссон Ю.К. Молодой Куторга (к вопросу о возникновении русской исторической науки об античности) // Уч. зап. Тартусского университета. Труды историко-филологического факультета. Таллин, 1956. С. 3–37.
13. Никитенко А.В. Дневник. М.: Захаров, 2005. Т. 2. 608 с.
14. Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. 544 с.
15. Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2010. 503 с.
16. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений / Под ред. Б.П. Козьмина. М.: Художественная литература, 1939. Т. 1. 860 с.
17. Чумиков А.А. Студенческая корпорация в Петербургском университете в 1830–1840 гг. (из воспоминаний бывшего студента) // Русская старина. 1880. Т. 30. № 2. С. 367–380.
18. Шофман А.С. Основные проблемы истории античной Македонии в историографии // Уч. зап. Казанского государственного университета. Сер: История. 1954. Т. 114. Кн. 5. С. 149–216.
19. Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Умершие в 1886 г. СПб., 1890. Вып. 6.

Скованные одной цепью: патриотическое движение в Германии до и после Первой мировой войны

В статье рассматривается патриотическое движение в до и послевоенной Германии, представленное широкой сетью право-консервативных фёрейнов, «фёлькише»-организаций и военных союзов. Степень их радикализма варьировалась и зависела от целого ряда факторов, но идея национального превосходства и культ воинственности сковывали их в единое целое.

Ключевые слова: патриотический союз, фёрейн, «фёлькише», «Вандерфогель», национализм, пангерманизм, милитаризм.

Немецкое общество до и после Первой мировой войны представляло собой пёстрый конгломерат общественных организаций, носивших патриотический характер. Данные объединения разветвлённой сетью покрывали страну, втягивая в неё практически всё мужское население – от детей до стариков. В первую очередь это касалось представителей буржуазии, которые почти все – от промышленников до рядовых служащих – оказались в патриотическом строю.

Патриотическое движение с присущими ему националистическими взглядами, воинственностью, возвеличиванию народного прошлого и культуры получило особенный размах в Германии в последнее десятилетие XIX в. В это время во главе государства встал молодой и энергичный Вильгельм II. Придя к власти, он провозгласил начало мировой политики большого стиля. Его целью было возвышение Германии от уровня континентальной до ранга великой державы, равноправной с Британской империей. «Прошли те времена, когда немец уступал одному соседу сушу, а другому – море, оставляя себе одно лишь небо, где господствует

---

¹ Вырупаева Анна Павловна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Русско-Британского института управления.

чистейшая теория, – решительно прогремело в Рейхстаге. – Мы не хотим находиться в чьей-либо тени, мы требуем своего места под солнцем»¹. Результатом такого курса стало появление в Германии обширной сети консервативных патриотических организаций, основу их взглядов составляла идеализация всего народного, идея защиты немецких интересов, завоевания «места под солнцем» и упрочение Германии в статусе мировой державы.

В первую очередь эти взгляды были характерны для четырёх крупнейших патриотических фрейеров, появившихся один за другим: «Немецкому колониальному союзу», «Пангерманскому союзу», «Союзу немецкой восточной марки» и «Немецкому флотскому союзу»². Все они были нацелены на достижение глобальных целей: «Немецкий колониальный союз» грезил заморскими территориями, «Союз восточной марки» отвечал за «народную борьбу» на немецко-польской границе, «Пангерманский союз» требовал «простора» для «германской расы» на востоке и юго-востоке, а «Флотский», оказавшийся самым многочисленным из них – более 1 млн чел.³, – поддерживал масштабное строительство немецкого военно-морского флота. Последний, соглашаясь с «мировыми» планами Вильгельма, должен был потеснить Британию и закрепить за Германией статус великой державы.

Морскую страсть кайзера, который с удовольствием проводил на палубе целые дни, в детстве проглатывал книги о морских путешествиях, а позднее спроектировал «идеальный корабль», который, правда, так никогда и не был построен,⁴ подхватила вся нация. «Мировая политика как цель, флот как инструмент», – эти слова стали девизом, и буквально за два десятилетия немцы построили мощнейший флот.

Ещё 1880 г. судоходство в Германии считалось незначительным. В военном флоте были только небольшие, старые броненосцы, которые летом осуществляли манёвры, а зимой скром-

¹ Albig J-U. Als Kaiser der Letzte // GEO Epoche. 2004. № 12. S. 58.

² «Немецкий колониальный союз» появился за год до занятия Вильгельмом II императорского престола в 1887 г., «Пангерманский» – в 1891 г., «Союз немецкой восточной марки» – в 1894 г., а «Немецкий флотский союз» – в 1898 г.

³ Состояние численного состава на 1913 г.

⁴ Albig J-U. Op.sit. S. 58.

но стояли в порту. Даже корабль Вильгельма II, горячо любившего морские прогулки, вызывал усмешки английских офицеров, когда тот заходил в Портсмут для починки¹. Через несколько десятилетий всё изменилось: в 1914 г. со штапелей гамбургской компании сходит пассажирский океанский лайнер «Бисмарк» – самый большой в мире. К этому времени Германия – ведущая морская держава². Не последнюю роль в этом впечатляющем взлёте сыграл «Немецкий флотский союз», развивший активную пропагандистскую деятельность среди населения.

Её своеобразным результатом стала детская мода на матроски и повальное коллекционирование марок с изображением кораблей.

Показательна в этом отношении биография директора крупнейшего пароходства мира «Гамбург–Америка Лайн» Альберта Баллина. Баллин родился в семье гамбургского еврея и унаследовал от отца небольшую судоходную компанию, занимавшуюся пассажирскими перевозками в Америку. За короткий срок он превратил отцовское предприятие в крупнейшее судоходство. Сначала для пассажирских перевозок Баллин использовал грузовые корабли, а затем занялся строительством комфортабельных быстроходных пароходов, в которых каюты второго класса становились больше, чище и светлее, а обслуживание – лучше³. Кстати, именно он решил превратить морские круизы в самостоятельный вид отдыха. Баллин работал с энергией «морского фанатика», не покладая рук 16 часов в день во благо не только своего дела, но и всей Германии, её международного престижа и процветания. Кайзер ценил этого талантливое предпринима-

¹ Redemacher C. Mit Volldampffinder Untergang // GEOEpoche. 2004. № 12. S. 92.

² В отношении численности военного флота Германия стала второй морской державой мира после Британии; в области пассажирского судоходства Германия заняла третье место.

³ Redemacher C. Ibid. S. 95.

теля, религией которого, по меткому замечанию его товарища, являлся немецкий флаг¹.

«Флотский союз», как и другие патриотические организации, объединял широкие круги буржуазии, куда входили не только крупные промышленники, но средние и мелкие торговцы, лавочники, служащие, далёкие от морских и колониальных реалий. Нередко они создавали собственные патриотические фрейны. Например, в 1893 г. возник «Немецкий национальный союз торговых служащих». Организация, как и другие подобные, была консервативной, антисемитской и сугубо мужской, не допускающей в свои ряды женщин.

Наиболее активным участником патриотических объединений выступала интеллигенция. Так, в 1894 г. появился «Немецкий союз патриотов», основанный архитектором Клеменсом Тиме. Лейпцигский архитектор сотоварищи преследовал культурные цели: сбор средств на строительство памятника в честь битвы народов под Лейпцигом. Проект оказался столь грандиозным, что потребовал серьёзных материальных вложений. За несколько лет с помощью лотереи и пожертвований союзу удалось собрать необходимую сумму и воздвигнуть впечатляющий монумент.

Памятник битве народов

Памятник стал символом «немецкого духа» в камне: он устремлялся в высоту более чем на 90 метров, внутри находились

¹ Redemacher C. Op. cit. S. 95.

впечатляющие глыбы-статуи. На открытии каменного колосса в 1913 г. присутствовал Вильгельм II. После возведения памятника союз занялся продажей сувениров и проведением экскурсий.

Последним крупным патриотическим фереинном, появившимся перед войной, стал «Немецкий союз обороны», агитировавший за довооружение немецкой армии. Помимо политической работы у организации была богатая культурная программа: здесь отмечали патриотические праздники, проводили пивные вечера, посещали поля сражений и национальные памятники. Одной из мер союза стало создание молодёжной организации «Германского юношеского союза», где патриотические беседы совмещались с физическими упражнениями. В этот период в германской общественности всё больше крепло мнение о значимости молодёжи как гаранте национальной силы и безопасности и как следствие — о необходимости её военно-патриотического воспитания.

Не случайно в 1896 г. в Германии появляется общенемецкая юношеская туристическая организация «Вандерфогель», действовавшая в консервативном духе «фёлькише». Группы «Вандерфогель» объединяла тяга ко всему «народному», «немецкому»: природе, походам, скалолазанию, гимнастике и пению народных песен.

«Мимо нас проходит экскурсия молодёжи со своим флагом, в отряде чувствуется какая-то военная подтянутость...»

Члены движения бороздили немецкие леса в коротких штанишках, спортивных рубашках и свободных шиллеровских воротничках. Здесь проповедовали идею здорового образа жизни и народной общности. Для еврейских детей организация была закрыта, и только в 1914 г. после долгих дискуссий некоторые местные группы решились открыть перед ними свои двери.

«Вандерфогель» быстро превратился в массовую организацию до- и послевоенной Германии, целиком захватив буржуазию. По воспоминаниям Голо Манна, после войны в мюнхенской группе «Вандерфогель» состояли как дети первых ювелиров города, так и обычных кондитеров¹. Сам Голо попал туда в возрасте 11 лет. В этом отношении его биография типична для мальчишки из буржуазной семьи.

Образ жизни в «Вандерфогеле» был романтично-спартанским: марши, построения, походы, ночёвки под открытым небом, тяжёлые рюкзаки и песни у костра. Однажды, когда Томас Манн увидел сына, отправляющегося в очередной поход, он записал в дневнике: «Голо отправился в путь с устрашающе тяжёлым рюкзаком»². Примерно так выглядел обычный день этих друзей природы: «после длительной маршировки остановка где-нибудь в лесу, а потом уже собственно занятия. Как собрать дрова; как развести огонь; как использовать компас и найти цель в лесу; как начертить солнечные часы на песке. Затем – азбука Морзе, чтобы во время игры в войну передать нужную информацию»³. Сам Голо признавался, что не очень хорошо выполнял эти задания и что во всём был последним, включая громкое раскатистое приветствие.

Однако жизнь в группе была по-настоящему захватывающей для мальчишек. Так, одним из неизгладимых детских впечатлений Голо оказалась поездка на первые трёхдневные сборы: «Впечатляющий день, ещё более впечатляющие вечер и ночь. Множество тёмных фигур у костра, которые готовят, а затем поют сол-

¹ Одного из участников этой группы прозвали «сахарный Эмиль», потому что мальчишка был сыном кондитера и держал, по словам Манна, «слащавые речи».

² Mann G. Erinnerungen und Gedanken. Eine Jugend in Deutschland. F. am Mein, 2010. S. 101.

³ Ibid. S. 98.

датские песни... часто весёлые – “жил да был старый король...”. А затем сон в палатке между елями на покрытой мхом земле»¹. За короткое время Голо стал страстным участником движения и не желал другого рождественского подарка, кроме походной куртки или сборника стихов Теодора Кёрнера, известного борца за народную свободу времён Наполеона и автора патетической военной лирики. Несмотря на шутки старшего брата: «Этак, растёт реакционер!», Манн признавался: «*патриот*, которым я был тогда, любил Кёрнера: его патриотические песни и баллады...»².

Любимое место туристических вылазок баварского «Вандерфогель»: лес «Аубингер Лое» на западе от Мюнхена

Кстати, то, что пели тогда немецкие мальчишки у костров, было созвучно патриотической лирике Кёрнера. Здесь звучали «народные», «солдатские» мелодии, преимущественно то, что называлось песнями ландскнехтов и рыцарей:

Розы цветут, соловьи поют!
Сердце радостью полно,
Сяду я в своё седло!

---

¹ Mann G. Op. cit. S. 100.

² Ibid.

Пришпорю лошадь я свою,
За короля и за страну...¹

В целом наткнуться на шествия и занятия молодёжных патристических организаций можно было в любом пригородном парке или лесу. Советский путешественник, совершавший в 1920-е гг. туристическую поездку по Германии, отмечал: «Ужин кончается. Среди сумрака вдруг слышен бой барабана и мерная солдатская песня. Мимо нас проходит экскурсия молодёжи со своим флагом, в отряде чувствуется какая-то военная подтянутость»². Как видно, в юношеских организациях определяющее значение отводилось «народной», национальной идее, а также дисциплине, физическим закалке и подготовке, словом, основным армейским ценностям.

В католической части Германии были чужды прусскому солдафонству и не теряли юмора: Кёльнский карнавал в 1910 г.

Но действительно центральное место последние занимали в правых военных союзах, которые в кайзеровском рейхе состояли из ветеранов объединительных войн 1864–1871 гг. Решающая роль последних в деле национального единства привела к всеоб-

¹ Ibid. S. 105.

² РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1. Никитин Н.Н. «Записки о Западе. Глазами варвара», очерки. С. 24.

щей «воинственности»: милитаристские убеждения распространились среди большого числа гражданских лиц не меньше, чем среди военных. Почиталось всё так или иначе связанное с армией – от службы до раскатистого фельдфебельского баса.

Военные союзы появились практически в каждом уголке Германии. С их численностью не могла сравниться ни одна организация: накануне Первой мировой войны в них состояло около 3 млн. чел.¹. Союзы проводили шествия, парады, балы, торжественные построения и так далее. Их участники с гордостью надевали свои мундиры не только на официальные мероприятия, но и семейные торжества. Без них не обходилась ни одна памятная дата, первая из которых – день Седана – разгром немцами французов во франко-прусской войне. Как отмечает историк Эрнст Пипер, у молодого немецкого государства не было «большой национальной традиции» и общих праздников². День триумфа прусской армии под Седаном стал выполнять эту функцию. Но командный тон, ровный шаг и униформа характеризовали жизнь немцев не только по праздникам.

Значимость человека стала всё больше определяться через его отношение к службе, превратившуюся в непреложное правило – от министров до торговцев. Кто не служил, тот не мог рассчитывать на уважение, пусть даже его единственная заслуга была в том, что он «объездил для его величества текинца»³. Военные игры и игрушки вошли в детство каждого мальчишки, которые получали в подарок коробки оловянных солдатиков. Фотографии военных, как правило, на армейской службе неизменно украшали дома немецких бюргеров. Эту тенденцию отразил Франц Кафка в своей фантастической новелле «Превращение»: «Как раз на противоположной стене висела фотография Грегора времен его военной службы; на ней был изображен лейтенант, который, положив руку на эфес шпаги и беззаботно улыбаясь, внушал уважение своей выправкой и своим мундиром»⁴.

¹ В целом число сторонников военных союзов в Германии выросло с 1875 по 1914 гг. в два раза.

² Piper E. Nacht über Europa. Kulturgeschichte des Ersten Weltkrieges. Berlin, 2013. S. 44.

³ Цукмайер К. Капитан из Кёпеника // Пьесы. Москва, 1984. С. 221.

⁴ Кафка Ф. Превращение. [Электронный ресурс]. URL: <http://knijky.ru/books/prevrashchenie>.

Фото в любимом стиле: военная форма и решительный взгляд

Второстепенные военные «добродетели» и доблести выходили на первый план. Среди гражданского населения приветствовались бравая военная выправка и испепеляющий взгляд, а в армии – сверкающие чистотой сапоги и опрятная форма. За невычищенную до блеска обувь или «некорректно сидящий» мундир могли наказать недельным заключением в карцере на воде и хлебе¹.

Претензии героя пьесы «Капитан из Кёпеника» в этом случае не преувеличение: «Вы видите эти пуговицы? Они определённо пришиты не по уставу. Расстояние по уставу шесть

с половиной сантиметров! Шесть с половиной! А у нас тут не меньше восьми...»². Автор пьесы, Карл Цукмайер, выросший в кайзеровской Германии, не понаслышке знал о подобном немецком патриотизме. Кстати, в своём «Капитане...» он описал самый скандальный факт немецкой милитаризации гражданской жизни.

Капитан из Кёпеника – реальное лицо, сапожник, бывший заключённый, который в 1906 г. «нарядился» в приобретённую у старьевщика форму капитана, остановил в Берлине десять солдат и во главе их отправился в Кёпеник. Там захватил ратушу, арестовал бургомистра и реквизировал городскую кассу на сумму 4 тыс. марок. После чего удалился. Всё это произошло без волнений, лишних вопросов и при содействии местной жандармерии. Когда в пьесе жена арестованного бургомистра взволнованно спросила у мужа о законности действий капитана:

¹ Piper E. Ibid. S. 36.

² Цукмайер К. Указ. соч. С. 135.

– А какое удостоверение он тебе показал?
Муж простодушно ответил:
– Удостоверение? Да никакого. Он же капитан.¹

Немцы отправляются на Первую мировую войну –
«из Мюнхена в Париж»

Инцидент получил широкий резонанс: газеты пестрели статьями, художники рисовали шаржи, поэты слагали стихи. Реакция Вильгельма Показалась неожиданной: расхохотавшись, он, по легенде, заявил: «Вот что значит дисциплина! Никакой народ в мире не сравнится с нами!»².

В подобной атмосфере родившиеся после объединительных войн немцы, которые не воевали и не могли сравниться со своими «отцами-победителями», всё больше ощущали внутреннюю

---

¹ Цукмайер К. Указ. соч. С. 255.

² Широкою известность в Германии получила ещё одна «выходка» военного. В годы правления Вильгельма II один из служащих ландвера, отправляясь в увольнение, вынужден был поехать домой в грузовом вагоне, что вызвало его справедливое возмущение, отказ от поездки и составление жалобы на имя самого кайзера. Последняя была направлена немецкому императору по телеграфу.

пустоту. Широко известна дневниковая запись 22-летнего Георга Хейма в 1910 г.: «Всё одно и то же, так скучно, скучно, скучно. Ничего не происходит. Если бы только началась война... Этот мир такой ленивый, как тусклая полировка на старой мебели»¹. Подобное мироощущение, сложившееся не в последнюю очередь под влиянием всепоглощающего немецкого милитаризма, привело к воодушевлённому восприятию начала Первой мировой войны, или «эйфории 1914 г.», когда молодые немцы толпами записывались в добровольцы и шли на фронт.

Но вопреки всему Германия проиграла войну. По её итогам был подписан унизительный для немцев Версальский мирный договор, согласно которому немцы выплачивали «непосильные» репарации, сокращали сухопутную армию до 100 тыс. чел., лишались военного флота, колоний и части своих европейских земель. К тому же страна должна была строить ненавистную для многих демократию. Такое положение неудержимо способствовало росту популярности патриотического движения.

Все выше названные патриотические союзы – от Пангерманского до Флотского – благополучно продолжили своё существование в послевоенной Германии². Некоторые из них (как, например, Пангерманский) превращались из элитарных клубов в массовые организации. В это время их деятельность была сосредоточена на радикализации общественного мнения и борьбе с существующим положением. Расширилась и сеть правых военных союзов, куда теперь преимущественно входили ветераны Первой мировой войны. Наиболее крупным из них стал ультраконсервативный монархический «Стальной шлем», в рядах которого насчитывалось полмиллиона немцев. В обозначенных союзах почитались военные обычаи и порядки, по временам отмечали национальные праздники и победы, играли марши, пели песни о прусских драгунах, о дружбе и верности. Особой попу-

---

¹ Цит. по: Нагорная О.С. Экстернализация военного опыта как попытка преодоление кризиса мужской идентичности (германское общество до и после Первой мировой войны) // Человек и война (война как явление культуры). Под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. М., 2001. С. 349.

² Многие патриотические союзы кайзеровской Германии продолжили своё существование после войны, но изменили своё название или вступили в состав другого союза.

лярностью они пользовались у буржуазии. Так, только в одном баварском Кобурге было более десятка таких организаций – от «Союза викингов» до «Объединения верноподданных силезцев», куда входили местные коммерсанты, торговцы, предприниматели и коменданты¹.

Для «наведения» и «охраны порядка» в это время стали набираться так называемые добровольческие корпуса, или «фрайкоры». Помимо профессиональных военных в них состояли представители мелкой и средней буржуазии. Так, в составе баварского добровольческого корпуса фон Эппа, созданного для пограничной службы, но получившего печальную известность при подавлении Советской Баварии, числились крестьяне и ремесленники². Многие из них являлись бывшими фронтовиками, прошедшими горнило войны. В тяжёлое послевоенное время они находили здесь материальную и моральную поддержку, воспевая «старые проверенные добродетели повиновения и подчинения»³, «компетентное руководство и дисциплину»⁴. Позднее «фрайкоры» были распущены⁵, но на деле превратились в военные союзы, такие как «Союз викингов» или «Младогерманский орден»⁶.

В целом значительная часть немецкого общества продолжала жить в национально-патриотическом духе. Буржуазия, по старинке, отмечала имперские праздники – от Седана до дня рождения кайзера. Литературные интересы, как и прежде, вращались

---

¹ Coburger Zeitung, 4 März, 1926.

² Bundesarchiv, Koblenz. NL Epp F.R., von № 1101/22. Die Freikorps.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ «Фрайкоры» были распущены после Капповского путча в 1920 г. по требованию Англии и Франции.

⁶ Если деятельность «фрайкоров» носила легальный или полуполюгальный характер, то созданный «Стальным шлемом» «резерв» немецкой армии – «чёрный рейхсвер» – безоговорочно представлял собой подпольную организацию. В «чёрном рейхсвере» в обход статьям Версальского договора проводилась военная подготовка добровольцев. Эти соединения финансировались и вооружались из тайников, скрытых немецкими офицерами от международных комиссий. Так, например, существовала так называемая «чёрная касса моряков», сформированная в результате нелегальной продажи кораблей, которые по Версальскому договору должны были пойти на металлолом.

вокруг военной и основанной на сюжетах германской мифологии лирики. Зачитывались биографией Бисмарка, записками и воспоминаниями кайзеровских генералов. На стенах продолжали висеть фотографии домочадцев в военной форме и отрёкшегося императора с неизменно испепеляющим взглядом.

Истоки подобной милитаризации немецкого общества скрывались в особенностях исторического пути Германии, тесно связанного с войной. Германский рейх, основанный в январе 1871 г., появился в результате серии войн с европейскими соседями. Данный факт в совокупности с «угрожающим» геополитическим положением в центре континента и противоречивыми процессами модернизации привёл к расцвету немецкого милитаризма. Народ, «исторический опыт которого был почти целиком отмечен ощущением угрозы»¹ и возможностью распада, казалось, не мог позволить себе расшатывающий плюрализм мнений, парламентскую демократию и миролюбие, но только стальное единство, воинственность, дисциплину и порядок. Последние надёжно обеспечивали правоконсервативные организации, сковавшие немцев в единую цепь.

Библиография

1. Ветте В. Роль германских военных в истории ранней Веймарской республики // Исторический журнал: научные исследования. М., 2015, № 3. С. 356–363.

2. Кафка Ф. Превращение. [Электронный ресурс]. URL: <http://knijky.ru/books/prevrashchenie>.

3. Нагорная О.С. Экстернализация военного опыта как попытка преодоление кризиса мужской идентичности (германское общество до и после Первой мировой войны) // Человек и война (война как явление культуры). Под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. М., 2001. С. 346–356.

4. Никитин Н.Н. Очерки. «Записки о Западе. Глазами варвара» // РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1.

5. Турыгин А.А. Национальная диктатура или парламентская демократия: к вопросу об альтернативах развития Германии в годы Веймарской республики (на примере Пангерманского со-

---

¹ Фест И. Гитлер. Пермь, 1993. С. 262.

юза) // Исторический журнал: научные исследования. М., 2015, № 3. С. 386–393.

6. Фест И. Гитлер. / Пер. с нем. Пермь: Алетейя, 1993. Т.1. 360 с.

7. Цукмайер К. Капитан из Кёпеника // Пьесы. Москва: Искусство, 1984. 693 с.

8. Albig J-U. Als Kaiserder Letzte // GEOEpoche, 2004, № 12. S. 50–65.

9. Coburger Zeitung. 4 März, 1926.

10.Epp F.R., von NL. Die Freikorps // Bundesarchiv, Koblenz. № 1101/22.

11.Mann G. Erinnerungenund Gedanken. Eine Jugend in Deutschland. F. am Mein: Fischer Taschenbuch Verlag, 2010. 573 s.

12.Piper E. Nacht über Europa. Kulturgeschichte des Ersten Weltkrieges. Berlin: Propyläen, 2013. 587 s.

13.Redemacher C. Mit Volldampf in der Untergang // GEO Epoche, 2004, № 12. S. 90–102.

Иллюстрации

Рис. 1. Мальчик в матроске [Electronic resource]. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Deutscher_Flottenverein#/media/File:Reif_Spielzeug.jpg.

Рис. 2. Памятник битве народов [Electronic resource]. URL: www.google.ru/search?q=leipzig+denkmal+v%C3%B6lkerschlacht&newwindow=1&biw=1366&bih=657&tbm=isch&tbo=u&source=univ&sa=X&ved=0ahUKEwjMh6jh7obMAhUKXCwKHcofCkMQsAQILQ#imgsrc=koeGXB2xl2OfCM%3A.

Рис. 3. «Мимо нас проходит экскурсия молодёжи...» [Electronic resource]. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Wandervogel#/media/File:Bundesarchiv_Bild_183-R24553,_Gruppe_des_Wandervogels_aus_Berlin.jpg.

Рис. 4. Аубингер Лое [Electronic resource]. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Aubinger_Lohe#/media/File:Aubinger_Lohe_1a.jpg.

Рис. 5. Кёльнский карнавал. [Electronic resource]. URL: www.zeit.de/2010/07/A-Raveaux.

Рис. 6. Портрет Вильгельма II [Электронный ресурс]. URL: www.google.ru/imgres?imgurl=https://upload.wikimedia.org/

wikipedia/commons/thumb/9/93/Bundesarchiv_Bild_146-2004-0096,_Kaiser_Wilhelm_II..jpg/267px-Bundesarchiv_Bild_146-2004-0096,_Kaiser_Wilhelm_II..jpg&imgrefurl.

Рис.7.Немцы отправляются на Первую мировую войну [Electronic resource]. URL: www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/ersterweltkrieg/155302/ausloesung-und-beginn-des-krieges.

Ражев А.В.¹

Модернизация военной стратегии Великобритании второй половины 1930-х гг. в оценках зарубежной историографии

В статье рассматриваются основные подходы зарубежной историографии к вопросу перевооружения и модернизации стратегии британских сухопутных сил накануне Второй мировой войны в контексте политики на умиротворения нацистской Германии.

Ключевые слова: Великобритания, британская армия, модернизация, перевооружения, сухопутная стратегия, политика умиротворения, Н. Чемберлен, А. Дафф Купер, Л. Хор-Белиша.

Проблема модернизации стратегии сухопутных сил Великобритании остается одной из ключевых тем предыстории Второй мировой войны. Ее раскрытие позволяет с нового угла зрения взглянуть на особенности британского общества межвоенного периода. В армии, как одном из основных социальных институтов, находили отражение те процессы, которые страна переживала в 1920–1930-е гг. Демократизация, социально-экономические преобразования, техническое обновление и иные общественные явления того периода не могли не оказывать влияния на этот кон-

---

¹ Ражев Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных и художественно-эстетических дисциплин ГБУ ДПО ЧИППКРО. guibert@mail.ru.

сервативный институт, обладавший особой организацией, традициями, моралью и так далее.

В более узком смысле изучение военной стратегии Великобритании позволяет выйти на проблемы ее внешней политики и во многом определить характер движущих сил внешнеполитического курса британского руководства в 1935–1939 гг. Речь идет о политике умиротворения, авторы которой планировали путем уступок и компромиссов остановить агрессора. В научной среде не стихают дискуссии о влиянии этого курса на развязывание крупнейшего вооруженного конфликта в истории человечества. Исследователи не одно десятилетие пытаются выявить мотивы британского руководства, стремившегося договориться с диктаторами. В этом контексте изучение политики в области военной модернизации, напрямую повлиявшей на международное положение Великобритании, позволяет приблизиться к пониманию действий ее правящих кругов. В целом раскрытие механизма взаимовлияния процессов модернизации армии и политики умиротворения открывает возможность скорректировать и существенно дополнить сложившиеся представления как о британской военно-политической стратегии, так и об условиях возникновения Второй мировой войны.

Советская историография проблем предвоенной истории Великобритании, различавшаяся лишь расстановкой акцентов, на протяжении всего периода сохраняла внутреннюю монолитность суждений. Характерной ее чертой являлась единая методологическая база, жестко привязанная к постулатам идеологии. Международная ситуация, характеризовавшаяся противостоянием двух социальных систем, закрепляла эти оценки, превращая их в историческое клише. Ярким примером такого подхода могут служить работы следующих исследователей: Захаров В.С., Рубинштейн Н.Л., Эвентов Л.Я., Николаев Н.Н., Волков Ф.Д., Трухановский В.Г., Поздеева Л.В., Некрич А.М., Матвеев В.А., Поляков В.Г., Борисов А.Ю., Ржешевский О., Сиполс В.Я., Остоя-Овсяный И.Д., Фалин В.М., Десятков С.Г., сделавших в своих работах основной упор на изучение внешнеполитического курса кабинетов С. Болдуина и Н. Чемберлена. При этом вопрос модернизации британских сухопутных сил 1930-х гг. не получил освещения в качестве самостоятельного объекта исследования.

В отличие от работ отечественных историков, в зарубежных исследованиях прослеживается меньшая степень политизации и большее разнообразие подходов к проблеме.

Интерес к проблемам предвоенного курса возник практически сразу. Уже в июне 1940 г. после поражения во Франции группой журналистов была издана работа «Виновный человек»¹. Ее авторы называли ответственных за катастрофическую для Великобритании внешнюю политику в отношении Германии и неподготовленность страны к войне. Список, в который вошли министр координации Т. Инскип, канцлер казначейства Дж. Саймон, министр иностранных дел лорд Галифакс, возглавлял премьер-министр Н. Чемберлен.

Распад Британской империи способствовал упадку традиционной либеральной историографии, рассматривавшей Великобританию в качестве авангарда прогрессивного развития. Под влиянием общественно-политических сдвигов усилилось консервативное направление. По общему мнению послевоенных историков, период 1930-х гг. выбивался из представлений о величии и могуществе Британской империи. В 1940–1950-е гг. произошло становление ортодоксальной школы. Р. Сетон-Уотсон, М. Белов, У. Медликост, Э. Кэпп, Л. Вудварт, М. Фут² занимали критическую позицию в отношении политики правительств С. Болдуина и Н. Чемберлена. Это направление находилось под значительным влиянием оценок политических деятелей 1930-х гг.: У. Черчилля, А. Идена, Л. Эмери, Г. Макмиллана, Р. Ванситарта и др. Своим авторитетом они во многом определили характер исследований в этой области.

В 1948 г. Дж. Фуллер, один из последовательных критиков британского военного руководства в 1930-е гг., издал свой стратегический обзор истории Второй мировой войны. Характеризуя предвоенную политику, он отмечал слабую подготовку британских сухопутных войск³. Вслед за Лиддел-Гартон, он связывал

¹ Foot M., Owen F., Howard P. *Guilty men*. L., 1940. P. 125.

² Seton-Watson R. *From Munich to Dancig*. L., 1939. Beloff M. *The Foreign Policy of Soviet Russia. 1929–1941*. Vol. 2. L., 1955. Medlicott W. *British Foreign Policy since Versailles*. L., 1940. Woodward L. *British Foreign Policy in the Second World War*. L., 1962. Foot M. *British Foreign Policy since 1898*. L., 1956.

³ Fuller J.F.C. *The Second World War 1939–1945. A Strategical and Tactical History*. L., 1948.

неудачи в подготовке с устаревшими взглядами британского генералитета, а также отсутствием у правительства четкого представления о военной стратегии в будущей войне. В результате, отмечал Е. Шеппард, к началу войны сухопутные силы Великобритании находились на стадии реорганизации, трансформации своей военной стратегии¹. Этот процесс модернизации, шедший с большими трудностями в 1920–1930-е гг., был далек от завершения, считал исследователь. В 1950-е гг. выходит официальная история Второй мировой войны под редакцией Дж. Батлера. Принявшие участие в этой работе, историки Л. Эллес, Б. Коллиер, М. Постан указывали, что процесс перевооружения в армии начался еще в 1934 г., но вплоть до рейнского кризиса 1936 г. особого успеха не было. В дальнейшем реформы в сухопутных силах продвигались крайне медленно, подвергаясь постоянным нападкам со стороны противников каких-либо континентальных обязательств Великобритании². Не случайно М. Постан одним назвал сухопутные силы «Золушкой», испытывавшей прохладное отношение как со стороны правительства, так и «старших сестер»: авиации и флота. Исследователи этого периода с критикой относились к концепции ограниченной ответственности, которая сводила задачи армии к обороне метрополии и империи, а для действий на континенте предусматривала выделение незначительных сил, подготовка которых стояла последней в приоритетах финансирования и поэтому происходила крайне медленно. В целом в 1940–1950-х гг. утвердилось мнение, что политическое руководство в постоянных колебаниях между разными вариантами стратегии потеряло время и не смогло эффективно подготовить армию к боевым действиям на континенте.

Одной из особенностей консервативной историографии было сосредоточение на личностном факторе. Один из основоположников консервативного направления Л. Нэмир охарактеризовал премьер-министра Н. Чемберлена как некомпетентного и неподготовленного к реалиям современности политиком. Находясь в заблуждении относительно своего противника, премьер-ми-

---

¹ Sheppard E. A Short History of the British Army. L., 1950.

² Ellis L.F. The War in France and Flanders, 1939–1940. L., 1953. Collier B. Defence of the United Kingdom. London: HMSO, 1957. Postan M. British War Production. L., 1952.

нистр, считал историк, стремился не допустить никакой провокации ради достижения дипломатической договоренности. В «Дипломатической прелюдии» Чемберлен охарактеризован как «прагматичный, но невежественный и самоуверенный» политик, «нередко обманывающий и себя и других, погрязший в притворстве, вместо выстраивания четкой политической линии»¹. Аналогично считал Дж. Уиллер Беннет в своей работе «Мюнхен: Пролог Трагедии», отмечая, что правительство Чемберлена, которого он называл «капитулянтом», было заложником общественного мнения². С другой стороны, К. Фейлинг объяснял взгляды Чемберлена отнюдь не стремлением выиграть время для подготовки к неизбежной войне, но наивной верой в оправданность мира и неприятие войны³. К тому же премьер-министр, по его мнению, осознавал слабость британской экономики, на сохранение которой им было затрачено столько усилий в 1930-е гг., а поэтому самоуверенно полагал необходимым для Англии в сложившейся ситуации обезопасить себя системой двусторонних соглашений со странами Оси. Е. Кэрр, считая ошибочным сведение причин катастрофы исключительно к амбициозности и высокомерию Чемберлена, склонялся к мысли, что премьер-министр был скорее рационалистом, чем идеалистом, поэтому сознательно уступал перед грубой силой⁴. В то же время Е. Кэрр критиковал нежелание Чемберлена «бряцать оружием» ради достижения диалога, которое Гитлер воспринимал как проявление слабости британского руководства.

Поворот в историографии наметился после выхода в 1960 г. знаменитой работы А.Дж. Тейлора «Истоки Второй мировой войны». Его основной тезис: Гитлер не хотел войны и не планировал ее, но желал пересмотреть условия несправедливого и унижающего для Германии Версальского договора. Тейлор оценивал политику Н. Чемберлена как вполне рационалистичную, даже вступление Англии в войну, по его мнению, было связано с той частью мирного урегулирования, которую, с точки зрения пра-

¹ Namier L.B. Diplomatic Prelude, 1938-1939. L., 1948. P. 41.

² Wheeler-Bennett J.W. Munich: Prologue to Tragedy. L., 1966. P. 3-4, 16.

³ Feiling K. The life of Neville Chamberlain. L., 1946. P. 359.

⁴ Carr E.H. International Relation between the Two World Wars, 1919-1939. L., 1948. P. 80-81.

вительства Н. Чемберлена, отстаивать было труднее всего. При этом и Лондон, и Париж, выстраивая отношения с Берлином, «большее значение придавали своей тогдашней слабости, чем будущей силе»¹. Затрагивая проблемы перевооружения, Тейлор отмечал значительное влияние британского изоляционизма, придававшего особое значение армии с «ограниченной ответственностью».

В 1960-е гг. события войны все больше оттеснялись новыми явлениями во всех сферах жизни менявшегося британского общества. Разрыв с устоявшимися нормами, культурная и социально-экономическая трансформация меняли оценки и приоритеты. В результате менялось и отношение к событиям 1930-х гг. В историческую науку приходили молодые исследователи, не обремененные личным опытом предвоенного времени. В это время обособилась группа историков: А. Роуз, П. Рейнольдс, С. Кинг-Холм, М. Гилберт, Р. Гротт, которые подходили к событиям второй половины 1930-х гг. с более объективистских позиций².

Новое направление, которое Д.К. Уатт охарактеризовал в своей статье «Умиротворение: подъем ревизионистской школы», стремилось заново осмыслить политический пейзаж 1930-х гг.³. Ссылаясь на ограниченность военных ресурсов Великобритании, разбросанность имперских владений и доминионов и слабую защищенность коммуникаций, ревизионисты пытались обосновать неизбежность курса правительства на умиротворение потенциального агрессора. В аналогичном ключе Я. Маклеодом была написана биография Чемберлена, в которой он стремился отойти от крайних оценок ортодоксальных историков⁴.

Историки-ревизионисты большое внимание уделяли вопросу внутриполитической борьбы, которая не способствовало реализации программы перевооружения. В первой половине 1930-

---

¹ Тейлор А. Дж. Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 380.

² Rowse A. Appeasement. A Study of Political Decline 1933-1939. N.-Y., 1961. Reynolds P. British Foreign Policy in the Inter-War Years. L., 1954. King-Holl S. Our Own Times 1900-1960. L., 1961. Gillbert M, Gott R. The Appeasers. L., 1963.

³ Watt D.C. Appeasement: The Rise of a Revisionist School // Political Quarterly. 1965. № 36. P. 191-213.

⁴ Macleod I. Neville Chamberlain. L., 1961.

х гг., отмечал Р. Миней, любой политик, открыто высказавшийся за перевооружение, рисковал своей карьерой в парламенте. Противоположные же идеи, наоборот, привлекали избирателей. Так на выборах в Восточном Фулхеме в 1933 г. лидер лейбористов Джордж Лэнсбери заявил о своих планах «демобилизировать армию, разоружить военно-морской флот, расформировать соединения военной авиации...»¹. Консервативные политики старались быть осторожны в своих высказываниях, чтобы не прослыть милитаристами, отмечал Э. Мэй².

1970–80-е гг. прошли под знаком усиления ревизионистского направления³. Стимулирующую роль сыграло открытие в 1967 г. доступа к «бумагам» кабинета министров 1930-х гг. Уже в 1972 г. К. Мидлемс, опираясь на архивные документы, показал взаимосвязь между экономическими факторами, которые заставляли ограничивать перевооружение, и международной ситуацией⁴. Дж. Данбабин в статье 1975 г. считал, что еще правительства М. Макдональда и С. Болдуина хорошо понимали необходимость скорейшего перевооружения в связи с нацистской угрозой, но их руки, как отмечал он, были связаны лейбористской оппозицией и настроениями в обществе⁵. Только после выборов 1935 г. удалось приступить к процессу модернизации вооруженных сил. Данбабин подчеркивал, что канцлер казначейства Н. Чемберлен, распределяя ограниченные ресурсы, делал ставку на длительный характер войны. Кроме того, ускоренное британское перевооружение, по его мнению, лишь форсировало бы начало войны, тогда как Лондон был заинтересован в более поздних сроках. «Его действия не могли остановить Гитлера, но позволили выиграть войну», – отмечал историк⁶. Аналогично смотрел на проблему В. Лэри, указывая на то, что вся критика внешнеполитического

¹ Minney R.J. (ed.) *The Private Papers of Hore-Belisha*. London, Collins. 1960. P. 33.

² Мэй Э.Р. *Странная победа*. М., 2009. С. 190.

³ Соколов А.Б. *Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США*. Ярославль, 2007. С. 155.

⁴ Middlemas K. *Diplomacy of Illusion: The British Government and Germany, 1937–1939*. L., 1972.

⁵ Dunbabin J.P.D. *British Rearmament in the 1930s. A Chronology and Review* // *The Historical Journal*. 1975. № 3. P. 587–609.

⁶ Ibid. P. 587–609.

курса Н. Чемберлена страдает от послезнания историков, в то время как сам премьер-министр был «реалистом, чьи действия продиктованы существовавшим экономическим положением и стремлением выиграть время»¹. Несколько иначе подходил к проблеме Б. Бонд, считавший, что правительство Н. Чемберлена скорее стремилось к мирному решению конфликта, чем к оттягиванию начала войны, хотя и отмечает пассивность Запада в военном противостоянии с Германией².

В это же время популярной темой для исследователей становится изучение вопросов социальной психологии. Историки отмечали, что значимым фактором, оказавшим влияние на состояние вооруженных сил, стали настроения в армейской среде, где царила атмосфера уныния и пессимизма. Особенно широко подобные настроения, фиксировал Б. Бонд, распространялись среди прогрессивных офицеров – потенциальных реформаторов³. После войны, отмечал К. Барнетт в «Упадке Британской мощи», их профессиональные задачи сузились до уровня «имперского жандарма»⁴. В результате обозначились признаки самоизоляции армии, возвращения этого «самого консервативного и могущественного профсоюза» к довоенным армейским порядкам⁵. Военные все больше оказывались в стороне от процесса развития общества, переживавшего глубинную трансформацию: демократизацию, вовлечение в социально-политическую жизнь страны широких слоев населения, культурное и мировоззренческое обновление. В результате отсутствия единой политической линии и ставки преимущественно на дипломатические возможности, как отмечал К. Барнетт, «нация подошла к войне в 1939 г. гораздо хуже подготовленной в военном отношении, чем в 1914 г.»⁶.

¹ Fuchser L.W. Neville Chamberlain and Appeasement: A Study in the Politics of History. N.-Y., 1982. P. 4–5.

² Bond B. British Military Policy between the Two World Wars. Oxford, 1980. P. 226, 248, 280, 283.

³ Bond B. Leslie Hore-Belisha at the War Office. // Beckett I.F.W., Gooch J. Politicians and defence: studies in the formulation of British defence policy, 1845–1970. L., 1981. P. 111.

⁴ Barnett C. Britain and her Army, 1509–1970. A military, political and social survey. L.: Faber, 1970. P. 411.

⁵ Поуз К. Король Георг V. М., 2005. С. 324.

⁶ Barnett C. The collapse of British power. L., 1972.

Б. Пауэрс и М. Смит настаивали на неизбежности политики умиротворения, ссылаясь на военную и экономическую слабость Великобритании и усматривая связь между отставанием Англии по темпам вооружения и её готовностью к политическому диалогу с агрессорами¹. Внешнеполитический курс Лондона историки пытались оценить и через призму отношений с доминионами. Г. Стиварт и М. Пирс считали, что доминионы, опасавшиеся за свою безопасность, отказались поддерживать британскую силовую политику, а кроме того, лоббировали вопросы обороны империи, что не позволяло Лондону маневрировать и без того ограниченными ресурсами². В целом данный взгляд полностью укладывается в представление о Британской империи, которая с XIX в., по мнению отечественного историка В.В. Грудзинского, переживала период либеральной трансформации имперских взаимоотношений между метрополией и доминионами³. В результате позиция доминионов могла оказывать влияние на внешнеполитический курс британского правительства.

Разрабатывая вопросы, связанные с модернизацией вооруженных сил, историки пытались определить факторы, влиявшие на этот процесс. Б. Позен считал, что вынужденные реформы явились результатом внешнего влияния – германского перевооружения. Он рассматривал военную организацию как консервативную, «закостеневшую и непроницаемую» систему, которая не позволяет реформировать себя изнутри⁴. Его оппонентом выступил С. Розен, указывавший, что все нововведения в армии были результатом деятельности небольшой группы профессионалов, поддержанных молодыми офицерами, которые связывали с реформами свою карьеру. Эти вопросы нашли свое отражение в исследованиях таких авторов, как Д. Френч, Г. Уинтон,

---

¹ Smith M. The Royal Air Force Air Power and British Foreign Policy, 1932–1937 // *Journal of the Contemporary History*. 1977. Vol. 12; Powers B.D. *Strategy Without Slide-Rule: British Air Strategy, 1918–1939*. L., 1976.

² Pearce M., Stewart G. *British Political History 1869–1990: Democracy and decline*. L., 1992. P. 312, 314.

³ Грудзинский В.В. Великобритания и её империя в середине XIX века: либерализм и проблема модернизации. Челябинск, 2015.

⁴ Posen B.R. *The sources of military doctrine: France, Britain, and Germany between the world wars*. Ithaca, N.-Y., 1984. P. 174.

Д. Метц, изучавших вопросы модернизации британской армии¹. Так, Д. Френч отмечал, что с приходом на должность военного министра А. Дафф Купера армейское командование активизировало попытки склонить правительство к одновременному перевооружению регулярной и территориальной армий, вызывая тем самым резкие протесты казначейства².

Историки пересмотрели зачастую необоснованные оценки, сложившиеся в историографии под влиянием Дж. Фуллера и Б. Лиддел-Гарта. Генеральный штаб, по их мнению, следил за техническими разработками на континенте и, особенно, за германскими, не отказываясь полностью от перспектив нового участия в континентальной стратегии. Начальники генштаба продолжали рассматривать Германию как потенциальную угрозу, в связи с чем строили планы модернизации полевой армии³. Военные умело расходовали имеющиеся средства на постепенное перевооружение. Финансирование отдельных программ, в частности, по механизации войск, оставалось на достаточно высоком уровне, что позволило военно-политическим кругам в 1920 – начале 1930-х гг. задумываться о таких проектах, как полномасштабная механизация армии, включая дальнейшее развитие танковых подразделений. Историк Д. Эдгертон, ссылаясь на мнение экономистов А. Пикока и Дж. Уэдемана, делает вывод, что в 1920–1930 гг. расходы на оборону были значительно выше, чем в 1890-х гг., и незначительно ниже, чем в 1905–1910 гг.⁴. В сентябре 1935 г. Генеральный штаб подготовил меморандум о реорганизации армии. На его основе Комитет оборонного планирования в ноябре 1935 г. предложил «идеальную схему» построения вооруженных сил. Дж. Харрис отмечает, что многие исследователи, находящиеся под влиянием работ Б. Лиддел-Гар-

---

¹ French D. Raising Churchill's army: the British Army and the war against Germany, 1919–1945. Oxford, 2001. Winton H.R., Mets D.R. The challenge of change: military institutions and new realities, 1918–1941. University of Nebraska Press, 2000.

² French D., Reid B.H. The British General Staff, reform and innovation, 1890–1939. L., 2005. P. 155.

³ Ibid. P. 148–149.

⁴ Edgerton D. Warfare State: Britain, 1920–1970. Cambridge University Press, 2006. P. 18–24.

та, зачастую пренебрегают этим документом, содержащим достаточно амбициозные планы развития танковых частей в рамках континентальной стратегии¹. По мнению авторов меморандума, имперские обязательства следовало закрепить за территориальной армией, освободив регулярные войска для действия на континенте. Экспедиционный корпус, необходимость которого не ставилась под сомнение, планировалось подготовить именно для ведения боевых действий в Европе. Особое внимание обращалось на дальнейшее совершенствование вооружений и тактики, остававшихся на уровне 1918 г.

Медлительность процесса модернизации частично объясняется быстрым техническим прогрессом, что затрудняло переход от разработок к их массовому внедрению. Кроме того, Д. Френч в качестве причины отставания выделял структурную громоздкость Генштаба, не позволявшую оперативно следить за ходом военных разработок². Таким образом, процесс модернизации шел, хотя дать ему однозначную оценку сложно. Ошибки были неизбежны, но зачастую они являлись следствием объективных факторов. Задача перед реформаторами мирного времени, цитируют Г. Уинтон и Д. Метц генерала А. Уэйвелла, стояла крайне сложная, «сродни работе архитектора, которому, перестраивая дом, приходилось приспосабливаться к существующей конструкции и живущим в нем людям, а главное – к постоянному недостатку средств»³.

Руководствуясь теорией модернизации, многие историки сосредоточились на взаимодействии различных министерств и ведомств при выработке единого курса в области военной и внешней политики. В частности, основным объектом изучения для Р. Шея и Г. Педена было казначейство, которое они рассматривали как своего рода генеральный штаб правительства⁴. Г. Педен отмечал взгляды Чемберлена на министерство финансов как на централь-

¹ Harris J.P. P. 256–258.

² French D. P. 83.

³ Winton H.R., Mets D.R. P. 74.

⁴ Shay R.P. British rearmament in the 1930s. Politics and profit. Princeton 1977. Peden G.C. Arms, economics and British strategy: from dreadnoughts to hydrogen bombs. Cambridge University Press, 2007. Peden G.C. The Treasury and British Public Policy, 1906–1959. Oxford, 2000.

ный орган исполнительной власти, довлеющий над остальными ведомствами, особенно военными и иностранными дел¹. Именно оно во многом определяло курс развития вооруженных сил через систему финансирования и лоббирования стратегических приоритетов, а также ставку на дипломатическое урегулирование конфликтов. Не случайно в одном из своих выступлений Чемберлен назвал бюджет «четвертым видом войск», сбалансированность которого напрямую влияла на национальную оборону. В казначействе опасались, что перевооружение приведет к спаду во внешней торговле, искусственному промышленному буму и, подорвав экономическое и социально-политическое положение страны, в конечном счете, вызовет угрозу падения правительства².

В целом ревизионисты заложили основу позитивного взгляда на предвоенный курс Чемберлена, считая, что у него не было альтернативы, что политика его правительства была обусловлена экономическими и внутривластными причинами.

С 1990-х гг. в зарубежной историографии проблемы умиротворения выделяется новое поколение историков, которых иногда называют пост-ревизионистами. К этому направлению историограф С. Астер относит Д. Даттона, Р. Паркера, Ф. Макдоноу, П. Невилла. Он отмечал, что им свойственна меньшая уверенность в обоснованности курса Н. Чемберлена³. Даттон считал, что у премьер-министра было право на ошибку, так как никаких других возможных альтернатив не было, а данный курс мог в действительности предотвратить войну. При этом оппозиции больше ориентировалась на критику, чем на выдвижение реальной альтернативы правительственному курсу. Ф. Макдоноу также полагает, что Чемберлен допустил политический просчет, но оправдывал его тем, что это скорее результат более роковой ошибки 1918 г.⁴. Однако Дж. Френч считает, что Н. Чемберлен, разделявший точку зрения маршала Трэнчарда и бывшего мини-

---

¹ Peden G.C. Sir Warren Fisher and British Rearmament against Germany // *The English Historical Review*. 1979. № 370. P. 30–31.

² Pedan G. British rearmament and the treasury 1932–1939. Edinburg, 1979. P. 2.

³ Aster S. Appeasement: Before and After Revisionism. // *Diplomacy & Statecraft*. 2008. Vol. 19. Iss. 3. P. 443–480.

⁴ McDonough F. Neville Chamberlain, Appeasement and the British Road to War. London, 1998. P. 161.

стра авиации лорда Уэйра, не был склонен просто капитулировать перед Гитлером. Он был настроен на сдерживание потенциальной германской агрессии путем усиления королевских ВВС. Наряду с традиционно мощными военно-морскими силами, авиация, как полагал политик, полностью гарантировала бы безопасность Британских островов¹.

Сохраняет свою силу и ортодоксальное направление. В 1999 г. вышла работа Дж. Раджеро. В ней он выступил с критикой постревизионистов, которые полагают, что Н. Чемберлен сделал все возможное для достижения мира². Но сам автор утверждает, что в тех условиях мирный исход был невозможен. Без Чемберлена, без его страха перед войной и готовностью идти на уступки, считал историк, Гитлеру не удалась бы его авантюристская внешняя политика. «Именно действия Н. Чемберлена убедили Гитлера, что Великобритании, а также Франции, можно не опасаться», – считал Дж. Раджеро³. Британский премьер-министр, стремившийся любой ценой не допустить войны, искусственно тормозил перевооружение и убирал твердых политиков А. Дафф Купера, Р. Ванситтарта, Э. Идена, фактически способствовал ее развязыванию.

Отдельно необходимо упомянуть отношение в историографии к ключевым фигурам политики перевооружения в 1935–1939 гг.: военным министрам Альфреду Дафф Куперу и Лесли Хор-Белиша. В отношении первого историки в целом сошлись в своих оценках. В историографии британского перевооружения Дафф Купер имеет репутацию типичного военного министра. Министр заслужил репутацию опытного администратора, умевшего проявлять инициативу и отстаивать свои убеждения. Основательное же знакомство с «военным профсоюзом» сформировало в нем тот тип политического руководителя, который следовал традиции невмешательства в его специфическую деятельность и стремился проводить политику кабинета, избегая конфликтов с генералитетом. Однако ряд историков, таких как Р. Шей, Г. Уинтон и Д. Метс, дают ему несколько иную характеристику. Они

¹ French D., Reid B.H. P. 152.

² Ruggiero J. Neville Chamberlain and British Rearmament: Pride, Prejudice, and Politics. Praeger, 1999. P. 2–3, 7.

³ Ibid. P. 7.

рисуют образ А. Дафф Купера как твердого, но вместе с тем осторожного и умеренного политика, постепенно двигавшегося в сторону реформ¹. П. Деннис указывает на особенный стиль работы А. Дафф Купера, заключающийся в большей, чем было принято, самостоятельности от Военного совета и особенно Генштаба. Причина тому – наличие у министра негласного советника. Это обстоятельство несколько испортило отношения А. Дафф Купера и генералитета, так как по традиции министр должен был «воздерживаться от неофициальных советников»².

В свою очередь личность и деятельность Л. Хор-Белиша на посту военного министра по-прежнему вызывает различные оценки. Современников Хор-Белиша поражал не только огромным честолюбием, но также красноречием, энергией, оригинальностью идей и творческой натурой³. С одной стороны, он являл собой пример яркой, привлекательной личности, не чужавшейся, однако, саморекламы и позерства. С другой – мог быть требовательным и бесцеремонным, а зачастую даже резким и грубым. Хорошие манеры явно не являлись его сильной стороной, отмечал А. Тритхолл⁴. Преданность в дружбе сочеталась у Хор-Белиша с невнимательностью к чувствам и взглядам окружающих⁵. Умение располагать к себе людей совмещалось в нем с удивительной способностью наживать врагов⁶. Дж. Смит дал министру такую характеристику: красноречивый оратор, трудоголик и рьяный реформатор⁷. Многие исследователи подчеркивали импульсивность Хор-Белиша, его амбициозность, нередко пренебрежение советами и безответственность» в решениях, а кроме того, бесцеремонность по отношению к генералитету⁸. Р. Уилкинсон, Б. Бонд, П. Деннис высоко оценивают заслуги Хор-Белиша, при-

¹ Winton H.R., Mets D.R. P. 97–98.

² Dennis P. P. 54.

³ Beckett I.F.W., Gooch J. *Politicians and Defence: studies in the formulation of British Defence policy, 1845-1970*. Manchester., 1981. P. 111.

⁴ Trythall A.J., P. 397–398.

⁵ Dennis P. P. 101.

⁶ Wilkinson R. Cardwell, Haldane, Hore-Belisha – an apostolic succession? // *The RUSI Journal*. 1999. Vol. 144. Iss. 1. P. 63–67.

⁷ Smyth J. *Leadership in War 1939–1945. The Generals in victory and Defeat*. Melbourne, 1974. P. 17.

⁸ Winton H.R., Mets D.R. P. 97–98.

равнивая его к выдающимся реформаторам британской армии Э. Кардвеллу и Р. Холдейну¹. Дж. Крэнг отмечал, что армия к началу войны оставалась консервативным социальным институтом, но в результате реформ Хор-Белиша «более-менее соответствовала тому обществу, которому служила»².

В целом же оценка деятельности двух министров сводится к тому, как считали Р. Шей, Н. Сمارт, Х. Уинтон, что политика военного министерства в области модернизации была отражением, но не решением тех проблем, которые стояли перед армией во второй половине 1930-х гг. Так, Х. Уинтон, отмечал, что министр, во многом продолживший курс своего предшественника, не смог переломить ситуации в развитии сухопутных сил³. Подобную оценку давал и Н. Сمارт, полагавший, что с середины 1930-х гг. существовавшая в британской армии система вольнонаемного набора вступила в полосу кризиса, а предпринятые военными министрами Дафф Купером и Л. Хор-Белиша реформы не решили проблемы усиления армии. При этом автор отметил, что преобразования в целом оказали положительное воздействие на повышение престижа службы в армии⁴. Р. Шей указывает, что в первый год на посту министра Хор-Белиша оказался не слишком эффективным защитником интересов армии.⁵

В целом в зарубежной историографии, при всем разнообразии оценок и суждений относительно проблемы перевооружения в связи с курсом умиротворения, продолжается дискуссия в рамках двух основных подходов: консервативного, критикующего действия Чемберлена, и ревизионистского, находящего оправдание

---

¹ Wilkinson R. P. 63–67. Beckett I.F.W., Gooch J. Politicians and defence: studies in the formulation of British defence policy, 1845–1970. Manchester., 1981. Dennis P. Decision by default: peacetime conscription and British defence, 1919–1939. Durham, 1972. Smart N. British Strategy and Politics During the Phony War: Before the Balloon Went Up Studies in Military History and International Affairs. Westport, 2003.

² Crang J.A. The British Army as a Social Institution 1939–45 // The British Army, Manpower and Society: Towards 2000. ed. / Hew Strachan. Frank Cass, 2000. P. 16.

³ Winton H.R., Mets D.R.

⁴ Smart N. British strategy and politics during the phony war: before the balloon went up. Westport, 2003.

⁵ Shay R.P. P. 170.

его политике. Таким образом, в зарубежной исторической науке изучение проблем адаптации военной стратегии к меняющимся реалиям, особенно внешнеполитическому фактору, их соотношения и взаимодействия, неизменно сохраняет актуальность, двигаясь к созданию более сложной, многомерной картины мира накануне Второй мировой войны.

Данная статья может быть использована для повышения профессиональной компетентности педагогических работников в рамках системы переподготовки и повышения квалификации¹.

Напалкова И.Е.²

Деволуция как одно из направлений Британской конституционной реформы конца XX – нач. XXI вв.

Статья посвящена региональной реформе (деволуции) Великобритании, ставшей частью глобальной конституционной реформы, начатой лейбористским правительством Э. Блэра и Г. Брауна на рубеже XX–XXI вв. Рассматриваются особенности этого процесса в трех исторических регионах Королевства: Уэльсе, Шотландии и Северной Ирландии – и перспективы его дальнейшего развития.

Ключевые слова: Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Шотландия, Уэльс, Ольстер, региональная реформа, деволуция, сецессия.

---

¹ Донской А.Г. Мировоззренческие особенности историко-культурного стандарта в системе повышения квалификации учителей истории и обществознания // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2015. № 3 (24). С. 55–62. Ильина А.В. Развитие профессиональных компетенций педагогов в системе дополнительного профессионального образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2015. № 2. С. 93–98. Winton H.R., Mets D.R. P. 97–98.

² Напалкова Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. nair183@mail.ru

Рубеж XX–XXI вв. стал временем кризиса государств-наций, веком глобализации и развития интеграционных процессов. Однако процесс глобализации и сближения народов и государств характеризуется такими негативными проявлениями, как обострение «локальной этничности», увеличение количества этнонациональных конфликтов, стремление регионов к расширению автономных прав. Наглядным примером этого служит ЕС, где наряду с процессом глобализации происходит процесс регионализации (деволюции власти). В юридической литературе «деволюция» определяется как «передача (делегирование) центральными правительственными органами части своих полномочий органам власти административно-территориальных единиц»¹. Указанные полномочия могут быть двух видов: 1) право издавать законы по некоторым вопросам; и 2) право проводить в жизнь законы и политику, установленные центром, применительно к данной административно-территориальной единице.

Потребность в некоторых случаях прибегать к непростой схеме деволюции вызвана самой природой противоречия: стремлением этносов к самоопределению и государственной необходимостью сохранения целостности уже сформированных государственных структур. Особенно остро этот вопрос стоит в странах с полиэтническим составом населения, неоднородностью развития регионов и унитарным государственным строем. Современная история знает немало примеров, когда правительство выпускало центробежный процесс из-под контроля, что в итоге приводило к серьезным социальным потрясениям и конфликтам.

Осознание этих непростых процессов политической элитой Европы привело к выработке концепции «Европы регионов», отражающей возросшее значение регионов и имеющей целью определить их место в ЕС. Были созданы такие организации, как Ассамблея европейских регионов, а также Комитет регионов². 4 декабря 1996 г. Ассамблеей регионов Европы была принята «Декларация о регионализме». Одним из основополагающих является положение Декларации о том, что «статус региона может

¹ Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2006. С. 67.

² Зонova Т.В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. 1999. № 5. С. 156.

быть изменен только при согласии и участии самого региона. В целях сохранения своих исторических, политических, социальных и культурных особенностей регионы в одном и том же государстве могут иметь различные статусы». Декларация также призывает государство «гарантировать автономию, самобытность, полномочия и организационное устройство» регионов и, «насколько это возможно, способствовать передаче полномочий регионам, а также финансовых ресурсов, необходимых для их существования, внося изменения при необходимости в международное законодательство»¹. В зарубежной и в отечественной науке термин «Европа регионов» в настоящее время получил широкое распространение, а некоторые ученые начинают выделять в качестве новой формы территориального устройства, наряду с унитарным и федеративным, региональное государство (квазифедерация, полуфедерация) как переходную фазу от унитарного к федеративному государству².

Эти процессы протекали в Соединенном Королевстве Великобритании в 1990–2010-е гг. и выразились в региональной политике лейбористского правительства Энтони (Тони) Блэра и Гордона Брауна. Выстраивание лейбористским правительством новой вертикали «центр – регионы – местное самоуправление» преследовало цель обеспечить политическую целостность государства с одновременным сохранением административного баланса в вопросах предоставления территориям максимально возможной свободы и инициативы при определении перспектив экономического, финансового и гражданского развития. Особое внимание следует обратить на антифедералистскую позицию Э. Блэра по устройству Европы. Несмотря на то, что Соединенное Королевство является членом ЕС, Блэр считал, что применять к Евросоюзу категории территориально-государственного устройства нельзя, так как ЕС – это не государство, а международная организация. Поэтому, по мнению Т. Блэра, ЕС должен, прежде всего, опираться на национальные демократии и не «навязывать» правительствам те или иные решения в вопросе о регионах.

---

¹ Лихачев В. К Европе регионов // Независимая газета. 2000, 29 сент. С. 19.

² Bogdanor V. The British-Irish Council and devolution // Gov. a. opposition. L., 1999, Vol. 34, N 3. P. 294.

Еще одним фактором, подтолкнувшим «неолейбористов» на проведение деволюции, стало возросшее национальное движение в регионах Королевства. Деятельность же Комитета регионов и Комиссии: стимулирование повышения самостоятельности регионов государств – членов ЕС, финансовая поддержка региональных интересов, многоуровневое управление – лишь усилили этот процесс¹.

Среди экономических факторов можно выделить, прежде всего, существенные различия отдельных регионов Великобритании. Так, в Уэльсе экономика основана на сельском хозяйстве с довольно низким уровнем доходов, что сказывается на снижении среднего заработка в Уэльсе, ростом безработицы. Промышленный сектор в этом регионе строится на производстве и использовании угля, стали, железа и в настоящее время переживает упадок. Северная Ирландия уже много десятилетий является самым отсталым в экономическом отношении регионом Королевства. Относительный экономический рост здесь наметился лишь в последнее десятилетие.

Также в качестве факторов, подталкивающих регионы к сепарации, (выходу из состава государства) можно отметить непропорциональную деятельность полиции и суда. Это вызывает недовольство простых граждан, прежде всего в Северной Ирландии, что обусловило реформу всей правоохранительной системы. Кроме того, причинами послужили различия регионов в культурном, религиозном, национальном, языковом и других аспектах.

Деволюция мыслилась «новыми лейбористами» как всеохватывающий процесс, который в перспективе должен был охватить все административные регионы Королевства. Однако пока практические шаги на этом пути были сделаны в трех национальных регионах страны: в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии.

Одним из программных обещаний новых лейбористов было создание парламента Шотландии и ассамблей в Северной Ир-

---

¹ Примечание: Три политических региона (Уэльс, Шотландия, Северная Ирландия) имеют свои офисы в Брюсселе, два из которых действуют как офисы-посольства. Все они имеют возможности влиять на позиции Королевства по европейским делам, напрямую сотрудничать с ЕС и его членами, минуя вертикальные каналы, в частности через Северно-Южный и Британско-Ирландский советы.

ландии и Уэльсе. Программное заявление Э. Блэра, сделанное в 1996 г., гласило: путь к этой цели должны открыть новые референдумы в данных регионах. После победы на выборах новое правительство приступило к реализации обещанной программы.

31 июля 1997 г. специальная правительственная комиссия с участием представителей региональных партий разработала предложения о деволюции и учреждении в Шотландии и Уэльсе законодательных и исполнительных органов и назначила даты референдумов: на 11 сентября 1997 г. в Шотландии, а в Уэльсе – на 18 сентября. Референдум в Шотландии проводился по двум вопросам: об учреждении парламента Шотландии и о наделении его полномочиями по изменению размеров подоходного налога, устанавливаемых общенациональным парламентом. В Уэльсе на решение народа был поставлен лишь вопрос о создании Ассамблеи Уэльса. Голосовать на референдумах в Шотландии и Уэльсе могли граждане, зарегистрированные в качестве избирателей на местных выборах. Следует обратить внимание на то, что не устанавливалось никаких требований относительно того, сколько избирателей должно принять участие в референдуме и сколько должно проголосовать «за».

В результате проведенного референдума шотландцы подавляющим большинством голосов поддержали создание парламента (44,7 %) и убедительно высказались за наделение его налоговыми полномочиями (36,4 %). А в Уэльсе в голосовании приняло участие 50,12 % избирателей, а за реформу проголосовало 50,3 %.

Результаты референдума в Уэльсе Л. Макаллистер определил так: «в современной политической истории редко встречались такие нервирующие и неопределенные избирательные результаты»¹.

Процессы, происходившие в Северной Ирландии на начальном этапе реформы, заметно отличались от тех, что имели место в Шотландии и Уэльсе. В связи с этим Э. Михан замечает, что если изменение статуса Шотландии и Уэльса носит чисто конституционно-правовой характер и основывается на результатах референдума, то новый статус Северной Ирландии базируется

---

¹ Цит. по: Валуев А.В. Проблема национализма в современной национальной политике Великобритании (1997–2002) // Клио. 2004. № 2. С. 81.

на международном договоре и, соответственно, носит не только конституционный, но и международно-правовой характер¹.

В течение 1990-х гг. разговоры о будущем Северной Ирландии основывались на идее, что «ничто не будет согласовано, пока все не будет согласовано». В Северной Ирландии деволюция по образцу Шотландии и Уэльса не предусматривалась изначально, поскольку лейбористы считали, что из-за особо запутанной ситуации здесь необходимо предусмотреть такую систему исполнительной власти, которая отражала бы интересы всего североирландского общества. Перед референдумом в Северной Ирландии неолейбористы запланировали провести ряд встреч и конференций, целью которых было примирение противостоящих сторон (католиков и протестантов Ольстера). Итогом серии встреч стало заключение Стормонтского Соглашения 10 апреля 1998 г., базирующееся на принципах консociативной демократии.

Для вступления данного акта в силу требовалось его одобрение населением Северной Ирландии и Ирландской Республики на одновременных референдумах. Таково условие было выдвинуто партиями еще в ходе переговоров и закреплено в Соглашении². Жители Северной Ирландии и Ирландской Республики оказались по сравнению с другими регионами Великобритании самыми инициативными. Участие в референдуме приняли 81 % избирателей, из них в поддержку Соглашения высказался 71 %. Таким образом, в трех регионах Соединенного Королевства в 1998 г. положительно (хотя и с разной процентной долей) прошли референдумы по образованию региональных законодательных и исполнительных органов власти. Дальнейшее реформирование проходило путем создания парламентских актов: Шотландский Акт 1998 г., Акт об управлении Уэльсом 1998 г., Североирландский Акт 1998 г.³ Данные документы регулируют основные во-

¹ Цит. по: Коданева С.И. Британский регионализм (конституционная реформа). М., 2004.

² Коданева С.И. О'Коннор С.Д. Страны с меняющимся государственным устройством: федерализм и деволюция на рубеже перехода к новому тысячелетию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Отдел правоведения. 2002. № 4. С. 27.

³ Jon Trickett MP. Issues & Politics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jontrickett.org.uk> (дата обращения 17.03.2016)

просы организации и деятельности созданных законодательных органов: в Шотландии – Парламента, в Уэльсе – Национальной ассамблеи, в Северной Ирландии – Ассамблеи Северной Ирландии. Кроме того, в Шотландии создавался не только законодательный, но и исполнительный орган власти, который получил название «шотландская исполнительная власть»¹. Процесс деволюции в Великобритании привел также к практике использования в Шотландии собственной валюты и образованию в данном регионе собственной системы юриспруденции².

Согласно Акту о Шотландии 1998 г., Шотландское правительство первоначально называлось шотландской исполнительной властью. В его состав входят Первый министр, назначаемый Ее Величеством из числа членов парламента, министры, которых может назначать Первый министр из членов парламента с одобрения Ее Величества, а также Лорд-адвокат и Генеральный стряпчий Шотландии. Однако Акт о Шотландии 2012 г. (ст. 12(1)29) уточнил это положение: в настоящее время в отношении исполнительной власти Шотландии используется термин «Шотландское правительство».

Модель деволюции, реализованная в Уэльсе, существенно отличалась от шотландской. Если в Шотландии речь шла о системе административной и законодательной деволюции, то деволюция в Уэльсе носила исключительно административный характер³. 3 марта 2011 г. в Уэльсе был проведен референдум по вопросу о дальнейшем расширении законодательных полномочий Национальной Ассамблеи. На референдум был вынесен вопрос: «Хотите ли вы, чтобы Ассамблея сейчас могла издавать законодательные акты по всем вопросам в двадцати предметных областях, в которых она обладает полномочиями для этого?». 63,5 % населения Уэльса проголосовало на референдуме положительно⁴.

На первое десятилетие 2000-х гг. приходится новый всплеск

---

¹ Коданева С.И. Региональная реформа в Соединенном Королевстве // Государство и право. 2003. № 9. С. 84.

² Там же. С. 88.

³ Elliott M., Beatson J., Matthews M. Administrative Law. Text and Materials. Third Edition. Oxford University Press. 2005. P. 24–25.

⁴ Устюжанинова Е.А. Модели делегирования полномочий: опыт Великобритании // Сравнительное правоведение. Т. 9, 2015. С. 101.

национального движения в Шотландии, число сторонников полного выхода из состава Королевства (сецессии) неуклонно росло. Новому премьер-министру Джорджу Камерону, чтобы избежать беспорядков, пришлось согласиться на новый референдум. При этом вопрос ставился о полной независимости Шотландии. Три ведущие партии Великобритании объединились в движение «Лучше вместе». Однако сторонники независимости считали, что подспудно лозунг этого движения был иным: «Без нас вы – никто», поскольку аргументация приверженцев единства страны сводилась к разъяснению проблем, которые возникнут в Шотландии в случае обретения независимости. Столкнувшись с реальной возможностью распада Соединенного Королевства, лидеры консерваторов, лейбористов и либеральных демократов начали в Шотландии активную кампанию за единство страны. Они предложили свои варианты расширения полномочий регионального парламента в сферах налогообложения и социальных расходов на случай, если Шотландия останется в составе Великобритании. Д. Кэмерон, Э. Милибэнд и Н. Клегг даже подписали соответствующее обязательство («клятву»).

Исход референдума был следующий: 55 % участников высказались против независимости Шотландии, 45 % – за, при этом явка была рекордно высокой – 85 %¹. Лидер шотландских националистов А. Салмонд объявил о своей отставке, общественность Шотландии оказалась расколотой.

Насколько было велико напряжение, показывают неосторожные реплики премьер-министра после референдума. Д. Кэмерон пообещал подать в суд на агентства по изучению общественного мнения, предрекавшие победу сторонникам независимости, что якобы вызвало у него обострение язвы. К тому же премьер сказал, что королева «замурлыкала», узнав результаты голосования. Общественный резонанс, который вызвали высказывания премьер-министра, заставили его принести публичные извинения Ее Величеству.

Однако самым неосторожным было замечание, прозвучавшее в речи премьера после референдума. Д. Кэмерон заявил, что рас-

---

¹ Маккроун Д. Итоги шотландского референдума [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4496#top-content (дата обращения 10.03.2016)

ширение полномочий Шотландии будет «идти в ногу» с расширением полномочий других регионов – Англии, Уэльса и Северной Ирландии. Премьер-министра поправили его же служащие с Даунинг-стрит, 10. После некоторой заминки Камерон уточнил, что эти процессы независимы друг от друга¹.

Таким образом, региональные законодательные органы Соединенного Королевства наделены разным объемом полномочий, и юридическая сила издаваемых ими документов существенно различается. Также характерной особенностью процесса деволюции в британских регионах является отвлеченность от этнокультурной стороны деволюции, от всего комплекса политических проблем, связанных с ней. Это весьма наглядно продемонстрировал один из сподвижников Э. Блэра Джон Трикетт. На вопрос журналиста, не опасаются ли лейбористы отделения Шотландии, он ответил: «Нет. Я согласен с тем, что нация имеет право на самоопределение. Но я не считаю, что у Шотландии и Уэльса есть потребность в отделении и провозглашении независимости»².

Вопрос о дальнейшем ходе деволюции и политическом будущем Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии остается открытым. Наиболее распространены две точки зрения: 1) усиление автономии регионов лишило националистов их главного оружия – эксплуатации недовольства местного населения пренебрежением их интересов. Следовательно, центробежные тенденции, опасность сепаратизма и терроризма после завершения региональной реформы неизбежно снизится³; 2) деволюция только усилила «градус» национализма в регионах и сделала неизбежным фрагментацию государственного устройства Великобритании.

Несмотря на это, большинство исследователей отмечает уникальный характер деволюции Соединенного Королевства, который состоит в том, что это не просто децентрализация власти – это

---

¹ David Cameron says the Queen ‘purred down the line’ over Scottish vote [Электронный ресурс]. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/david-cameron-says-the-queen-purred-down-the-line-over-scottish-vote-9751545.html> (дата обращения 7.02.2016)

² Jon Trickett MP. Issues & Politics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jontrickett.org.uk>.

³ Bradbury J., McGarvey N. Devolution: problems, politics and prospects // Parliamentary affairs. 2003. Vol. 56, N 2. P. 222.

делеги́рование части государственного суверенитета, при котором принцип суверенитета британского парламента остается нерушимым. Однако очевидно, что процесс британской деволюции носит асимметричный характер и подразумевает разный объем автономных прав для регионов. Еще одной особенностью региональной реформы стало то, что она привела в движение давно назревавший процесс модернизации партийно-политической системы страны, ее постепенную трансформацию из двухпартийной в многопартийную. Превращение Британии в обозримом будущем в государство с федеративными элементами практически становится неизбежным. Так, Сандра Дей О'Коннор в своей работе «Измененные государства: Федерализм и деволюция на “настоящей” грани веков» проводит сравнение британской деволюции и американского федерализма. Она утверждает, что Соединенное Королевство движется к «солицизму в политике» – положению, при котором она будет представлять собой форму сосуществования координируемых из центра, суверенных единиц в рамках федеральной системы»¹.

Однако достоверно это смогут подтвердить только последующие события, ведь, как метко заявил один из авторов деволюции Рон Дэвис, бывший министр кабинета министров Соединенного Королевства, деволюция «является процессом, а не событием. Отражая разнообразие частей, составляющих Соединенное Королевство, деволюция служит гарантией будущего»².

Библиография

1. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2006. 350 с.
2. Валуев А.В. Проблема национализма в современной национальной политике Великобритании (1997–2002) // Клио. 2004. № 2. С. 81–84.

---

¹ O'Connor S. D. Altered states: federalism and devolution at the «real» turn of the millenium // Cambridge law Journal. L., 2001. N 60/3. P. 495.

² Коданева С.И. О'Коннор С.Д. Страны с меняющимся государственным устройством: федерализм и деволюция на рубеже перехода к новому тысячелетию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Отдел правоведения. М., 2002. №4. С. 30.

3. Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. 1999. № 5. С. 155–164.
4. Коданева С.И. Британский регионализм (конституционная реформа). М., 2004. 215 с.
5. Коданева С.И. О’Коннор С.Д. Страны с меняющимся государственным устройством: федерализм и деволюция на рубеже перехода к новому тысячелетию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Отдел правоведения. М., 2002. № 4. С. 25–32.
6. Коданева С.И. Региональная реформа в Соединенном Королевстве // Государство и право. 2003. № 9. С. 84–88.
7. Лихачев В. К Европе регионов // Независимая газета. 2000. 29 сент. С. 18–24.
8. Маккроун Д. Итоги шотландского референдума [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4496#top-content.
9. Устюжанинова Е.А. Модели делегирования полномочий: опыт Великобритании // Сравнительное правоведение. Т. 9. 2015. С. 100–109.
10. Bogdanor V. The British-Irish Council and devolution // Gov. a. opposition. 1999. Vol. 34. N 3. P. 290–297.
11. Bradbury J., McGarvey N. Devolution: problems, politics and prospects // Parliamentary affairs. L., 2003. Vol. 56, No 2. P. 219–236.
12. David Cameron says the Queen ‘purred down the line’ over Scottish vote [Электронный ресурс]. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/david-cameron-says-the-queen-purred-down-the-line-over-scottish-vote-9751545.html>.
13. Elliott M., Beatson J., Matthews M. Administrative Law. Text and Materials. Third Edition. Oxford University Press, 2005. P. 125.
14. Trickett J. MP. Issues & Politics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jontrickett.org.uk>.
15. O’Connor S.D. Altered states: federalism and devolution at the «real» turn of the millenium // Cambridge law Journal. 2001. N 60/3. P. 493–510.

**Побратимские связи городов Канады и КНР:
практика 1990-х - начала 2000-х гг.**

В статье на основе материалов прессы, электронных информационных ресурсов и соглашений об установлении побратимских связей проводится анализ особенностей развития побратимства между городами Канады и КНР и основных направлений их взаимодействия в 1990 – начале 2000-х гг.

Ключевые слова: Канада, Китай, канадо-китайские отношения, города-побратимы, дипломатия городов, глобализация.

Побратимские связи городов относят к феномену народной дипломатии, феномену дипломатии городов, которые воспринимаются как субъекты международных отношений. В традиционном прочтении города-побратимы (или породненные города) – это города различных стран, установившие непосредственные связи для укрепления взаимопонимания между народами, для культурного сотрудничества, обмена опытом в разрешении аналогичных проблем, стоящих перед городскими властями².

Практика побратимства получает развитие на Западе в годы холодной войны, когда во многом по настоянию США города бывших врагов по Второй мировой войне – Франции и Германии – начали вступать в партнерские связи для преодоления вражды, примирения, налаживания взаимодействия в рамках развития евроинтеграции и консолидации перед лицом советской угрозы. Тогда сотрудничество городов, как правило, выражалось в обмене делегациями, художественными и спортивными коллективами, выставками, литературой, кинофильмами, фотоматериалами

¹ Иванов Алексей Геннадьевич, доцент кафедры всеобщей истории, канд. ист. наук, доцент Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: a-ivanov79@mail.ru

² Яровой Г.О., Подольский М.А. Побратимство как инструмент социокультурного и экономического развития городов: сравнение «континентальной» и «морской» школ // Studia Humanitatis Borealis. 2014. № 2. С. 38–45.

о жизни городов и информацией об опыте ведения городского хозяйства.

Отношение к побратимским связям существенно меняется с крушением СССР, победой западной модели и приходом глобализации. Последняя запустила такие процессы, как:

- распространение либеральных ценностей и демократических политических режимов;
- либерализация торговли и строительство глобального рынка финансов, товаров и услуг;
- развитие глобальных экономических институтов типа Всемирной торговой организации;
- ускорение международной экономической интеграции;
- свобода передвижения людей, рождение глобального туризма и мирового образовательного пространства и пр.;
- формирование, благодаря «информационной революции», единой мировой системы коммуникации, обмена и внедрения идей;
- унификация образа жизни населения разных стран, универсализация культуры и человеческих ценностей;
- форсированное строительство универсального миропорядка при сокращении роли национальных государств и усилении влияния новых акторов на международной арене – транснациональных корпораций, регионов и городов.

При глобализации первостепенное значение в практике побратимских связей приобретает экономическое сотрудничество и торговля, а эффективность побратимства оценивается в конкретных выгодах: развитии новых деловых контактов, освоении рынков, привлечении бизнеса и инвестиций, продвижении образовательных и туристических услуг. Иначе говоря, побратимство по новым понятиям требовало финансовой отдачи. Именно этим руководствовались канадские и китайские города при развитии побратимских связей в 1990 – начале 2000-х гг.

Прежде чем приступить к их анализу, следует сделать несколько оговорок: 1. Сообщение ни в коем случае не претендует на сюжетную завершенность и далеко идущие выводы. Автор видел свою задачу лишь в том, чтобы показать некоторые особенности установления побратимства между городами Канады и

КНР, основные направления их взаимодействия, концентрируя внимание по большей части на действиях канадской стороны; 2. Работа выполнена на основе самых доступных источников, таких как пресса, электронные информационные ресурсы и соглашения о породнении городов.

Итак, наиболее распространенной практикой стало развитие побратимских связей между городами Канады и Китая, которые имели схожий хозяйственный профиль. Экономика в данном случае мыслилась основным фактором будущего взаимодействия, объединяющим города необходимостью решения аналогичных проблем. По этой модели было установлено побратимство между Ист Гвиллмбери (Онтарио) и Шихэцзы (СУАР) – ведущими производителями зерна в своих регионах – в расчете на налаживание сотрудничества в сфере сельского хозяйства, в том числе механизации труда, переработке сельхозпродукции, выведении новых культур и подготовке специалистов¹; между Ллойдминстером (Альберта) и Шилин Хото (Внутренняя Монголия), основой экономики которых было сельское хозяйство и добыча нефти²; а также между Принцем Альбертом (Саскачеван) и Цзилинь (Цзилинь), специализировавшимися на горнодобывающей и лесоперерабатывающей промышленности и агропроизводстве³.

Власти отдельных канадских городов проявляли большой интерес к развитию побратимства с китайскими городами, видя в нём способ оживления местной экономики. Наиболее показательным в этом смысле является пример с городом Скарборо из провинции Онтарио.

К началу 1990-х гг. в городе образовалась довольно многочисленная китайская диаспора. Так, из 525 тыс. населения города пятую часть составляли граждане китайского происхождения. Большинство из них – выходцы из Гонконга, преимущественно

---

¹ CND-Canada. 1996. January 29 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnd.org/CND-Canada/CND-Canada.96/CND-Canada.96-01-28.html>.

² Protocol between the city of Xilin Hot in the Peoples Republic of China and the city of Lloydminster, Canada on the establishment of inter-city friendship relations. 1996. September 29 [Электронный ресурс]. URL: <http://lloydminster.ca/DocumentCenter/View/2015>.

³ Jilin Foreign Affairs Office. Prince Albert [Электронный ресурс]. URL: http://wb.jl.gov.cn/en/sistercity/201409/t20140923_1752609.html.

представители среднего класса, которые в массовом порядке эмигрировали в Канаду из-за опасений за свои судьбы и бизнес в условиях начавшегося упразднения британской администрации и передачи территории КНР. С прибытием китайцев в Скарборо открылись новые рестораны, супермаркеты, продуктовые магазины, парикмахерские, агентства по недвижимости, туристические агентства, пекарни, клиники, стоматологии и пр.¹

Присутствие значительного китайского населения делало поиск города-побратима в Китае вполне логичным. Однако руководство Скарборо рассматривало побратимство не как самоцель, а как один из инструментов реализации общей стратегии по привлечению бизнеса, инвестиций и новых предпринимателей из КНР. В 1996 г. мэр города Фрэнк Фуберт при содействии представителей китайской диаспоры Скарборо установил контакт с властями города Уси, провинция Цзянсу. В марте 1996 г. Фуберт во главе делегации Скарборо отправился в Уси, провел предварительное согласование договора о партнерстве и уже 5 апреля 1996 г. города стали побратимами.

Это породнение принесло Скарборо следующие позитивные результаты:

1. Открытие в городе филиала швейной фабрики из г. Уси – текстильного центра КНР, что позволило создать новые рабочие места и увеличить налоговые поступления в городскую казну.

2. Строительство Китайского Сада, который задумывался мэрией Скарборо как витрина китайской культуры, способная привлекать инвестиции из КНР и побуждать бизнесменов из Поднебесной строить вокруг него новые объекты. Важно подчеркнуть, что партия строительных материалов для Китайского Сада была поставлена городом Уси².

Заметная роль в развитии побратимских отношений между городами Канады и Китая принадлежала бизнесу.

Так, г. Сент-Джон (Нью-Брансуик) и г. Шанью (Гуандун) стали городами-побратимами в основном благодаря бизнесу канадца китайского происхождения, эмигрировавшего из Гонконга

---

¹ Myrvold B. The People of Scarborough: a history. Scarborough: The City of Scarborough Public Library Board, 1997. P. 165.

² Ibid. P. 171, 176–177.

в Канаду в 1985 г. – Франсиса Пэнга. С 1994 г. он открыл в КНР сеть канадо-китайских школ, где все предметы давались на английском языке учителями из Канады. В 1997 г. Пэнг прибыл в Сент-Джон и при содействии канадского правительства достиг договоренности с руководством крупнейшего государственного вуза страны – Университетом Нью-Брансуика о реализации так называемой формулы «2+2», согласно которой 2 года обучения китайские студенты проходят в школе Пэнга в Китае, а еще два года – в Университете Нью-Брансуика и получают двойной диплом в сфере бизнес-администрирования или информационных технологий¹. В том же 1997 г. г. Сент-Джон и г. Шаньтоу стали городами-побратимами.

Сент-Джон был крупнейшим городом провинции Нью-Брансуик с широкой образовательной базой, а Шаньтоу – большим портом, одной из 5 открытых экономических зон Китая. Обширные контакты с зарубежными партнерами требовали от местных чиновников, специалистов и предпринимателей хорошего владения английским языком и современного образования. Таким образом, побратимство позволяло руководству Сент-Джона рекламировать образовательные возможности города среди китайской элиты Шаньтоу и одновременно формировать у своих горожан позитивное отношение к прибывающим на учебу китайцам.

Правда, как ни убеждали власти жителей Сент-Джона в том, что привлечение студентов из КНР крайне важно для экономики города в условиях стагнации и постоянного сокращения численности населения, как ни доказывали ценность китайских учащихся как потенциальных инвесторов, бизнесменов налогоплательщиков и работодателей², добиться от всех толерантного отношения к гостям из Поднебесной не удалось. Приезжающие в Сент-Джон китайские студенты неоднократно становились жертвами нападений со стороны местных праворадикалов³.

---

¹ Jollineau J. Visionary and Partner. Celebrating Francis Pang. University of New Brunswick Alumni News. 2014 Spring. Vol. 22. N 2. P. 20–21.

² Chinese reporters to check out Saint John. 2004. October 4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.canlinkglobal.com/canlink/news_content.jsp?news_id=23.

³ Police open link to Chinese in Saint John. 2006. February 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbc.ca/news/canada/new-brunswick/police-open-link-to-chinese-in-saint-john-1.620024>.

Что же касается Франсиса Пэнга, то он стал обладателем большого количества регалий, признающих его заслуги в сближении канадского и китайского народов. В 2001 г. Университет Нью-Брансуика присудил ему звание почетного доктора, в 2002 г. – правительство Канады наградило его юбилейной королевской медалью, в 2004 г. китайское правительство вручило ему награду «Великая стена дружбы»¹.

Еще более выпукло роль бизнеса в становлении и развитии побратимства между канадскими и китайскими городами отражает пример с Велландом (Онтарио) и Тунсяном (Чжэцзян). Крупная канадская компания по производству промышленного и транспортного оборудования, продукции металлургии и химической промышленности «Уатинг Экуипмент Кэнэда Лтд.» со штаб-квартирой в г. Велланд в 1997 г. открыла в китайском городе Тунсян дочернее предприятие «Чжэцзян НАМАГ Экуипмент Манафактуринг» по выпуску строительных материалов – стальных конструкций, труб, колонн и др.². Президент и генеральный директор «Уатинг Экуипмент Кэнэда Лтд.» Руди Крокер принимал довольно деятельное участие в жизни города Велланда и региона Ниагары, являясь членом городского совета, директором «Туристической Ассоциации Ниагары», председателем Попечительского совета Университета Брока и был известен как ярый пропагандист развития канадского бизнеса в Китае³. Именно Крокер, отчасти вдохновленный филантропией, а отчасти коммерческими интересами, и выступил инициатором сближения Велланда и Тунсяна. В июне 1998 г. делегация канадского города во главе с мэром отправилась в Тунсян для знакомства с его социально-экономическим профилем, оценки потенциала двустороннего сотрудничества и обсуждения условий соглашения

---

¹ Dr. Francis Pang Awarded «Greatest» Chinese Honor. 2004. December 13 [Электронный ресурс]. URL: http://www.canlinkglobal.com/canlink/news_content_chinese.jsp?news_id=15.

² Whiting Equipment Canada Inc. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.whiting.ca/page.php?id=102>.

³ Ontario Global Traders Awards celebrate exporters' achievements in Central Ontario. 2002. March 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ontario.ca/archive/en/2002/03/28/Ontario-Global-Traders-Awards-celebrate-exporters39-achievements-in-Central-Onta.html>.

о побратимстве. 4 декабря 1998 г. Велланд и Тунсян подписали договор об установлении побратимских связей, предполагавший обмен информацией относительно автомобильной, электротехнической, текстильной промышленности, а также взаимодействия в области туризма, культуры и образования¹. Последняя сфера стала наиболее востребованной. Так, во время ответного визита в Велланд в ноябре 2002 г. делегация города Тунсян проявила большой интерес к Ниагарскому колледжу, особенно к его программам по информационным технологиям и фотонике², а в последующем и к образовательным возможностям Университета Брока. На всех этапах взаимодействие городов патронировал Руди Крокер, получивший в итоге звание почетного гражданина города Тунсян³.

Два представленных примера хорошо демонстрируют, какую большую роль способен сыграть бизнес в международной коммуникации.

Отдельного внимания заслуживает практика побратимства столиц Канады и Китая. Оттава и Пекин подписали соглашение об установлении побратимских связей 18 октября 1999 г.⁴.

Приоритетными направлениями побратимства столиц стали:

1. Обмен опытом в сфере городского строительства и управления городским хозяйством при очевидной заинтересованности в этом китайской стороны.

2. Туризм, занимавший серьезное место в экономике Оттавы, являясь третьей статьей её дохода. По предложению администрации Оттавы города-побратимы подписали меморандум о взаимопонимании, согласно которому канадцы возлагали на себя обязательство популяризировать Великую китайскую стену, а китайцы – Ридо Канал.

¹ Municipal Handbook City of Welland. 2016. March 9. P. 22. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.welland.ca/Council/MunicipalHandbook.pdf>.

² Campbell S. College, sister cities assisting industries // Niagara News. 2002. December 6. P. 31.

³ Visit by Delegation from Tongxiang City Zhejiang, PR of China. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brocku.ca/brock-international/archives/past-events/other-news-and-events/tongxiang-delegation-visit>.

⁴ Ottawa and Beijing Sign Sister Cities Agreement. 1999. October 19. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asiapacific.ca/news/ottawa-and-beijing-sign-sister-cities-agreement>.

3. Образование. Оттава – это ведущий научно-образовательный центр Канады, город, где располагаются Оттавский университет, Карлтонский университет, Университет Святого Павла, а также большое количество колледжей. В побратимстве с Пекином власти Оттавы, соответственно, видели способ привлечения студентов из КНР¹.

Руководство г. Оттавы всегда высоко ценило побратимские связи с Пекином, который воспринимался как ключ к обширному рынку для реализации образовательных и туристических услуг. В этой связи каналы побратимства – торговые делегации, встречи мэров и глав департаментов, выставки, форумы и пр. – действительно сложно переоценить.

Побратимство Квебек Сити и Сианя строилось на фундаменте их богатой истории. Дело в том, что Квебек и Сиань – старейшие города в своих странах, и это автоматически делало их союзниками в решении общих проблем. С 1985 г. они тесно взаимодействовали в рамках движения старейших городов за сохранение и восстановление их исторического и культурного наследия. Итогом данного движения стало появление 8 сентября 1993 г. Организации городов Всемирного наследия со штаб-квартирой в г. Квебек Сити.

Официальные отношения побратимства начинаются в апреле 1999 г., когда торговая делегация Квебека во главе с мэром Жаном Полем Алье во время поездки в Китай подписала с администрацией Сианя официальное соглашение об установлении побратимских связей². Довольно интенсивные связи городов развивались в рамках следующих направлений:

1. Городской менеджмент. Наиболее ярким примером взаимодействия Квебек Сити и Сианя в этой сфере является передача китайскому городу авангардной технологии – автоматизирован-

---

¹ Strengthening Ottawa-Beijing sister-city relationship. An interview China Canada Business Times with Mayor of Ottawa. [Электронный ресурс]. URL: http://ccbtimes.com/main.asp?s_id=10080&mp_id=5912&lg_id=1&newsid=982.

² Presentation by Mr. Serge Viau, General Manager of the City of Quebec, Canada, at the Forum on Computerization of Cities in Pacific Asia. 2000. June 5–7, Shanghai. [Электронный ресурс]. URL: <http://unpan1.un.org/intrdoc/groups/public/documents/apcity/unpan000325.pdf>.

ной системы проектирования в землеустройстве, которая позволяет максимально эффективно решать проблемы строительства новых объектов, не нанося ущерб историческому ландшафту города.

2. Экономическое сотрудничество. В традицию вошло проведение экономических семинаров с участием предпринимателей, инвесторов, представителей органов местного самоуправления, экспертного сообщества и науки двух городов.

3. Выставочная и музейная деятельность. Большим событием в истории побратимства городов, к примеру, стала организация выставки «Сиань – родина терракотовых солдат», которая проходила в Музее цивилизации г. Квебека в 2002 г. Китайские реликвии находились в Музее в течение полугода и были крайне популярны среди посетителей. Кстати, судя по материалам, руководство г. Сиань довольно охотно отправляет различные экспонаты в музеи и выставочные центры Квебека, очевидно, рассматривая это как хорошую возможность распространять знания о богатой китайской истории и культуре среди жителей Канады и США. Учитывая тот факт, что в Квебек ежегодно приезжает более 4 млн. туристов, расчет кажется вполне оправданным. Очевидно, этим было продиктовано намерение Сианя подарить на 400-летие Квебека в 2008 г. дизайн «Сианьского Сада» и двух терракотовых солдат в знак дружбы и побратимства городов¹.

Практика побратимства 1990 – начала 2000-х гг. содержит примеры, когда связи между городами Канады и Китая возникали на основе их причастности к биографии деятелей, почитаемых в обеих странах. К числу таких примеров относится породнение Тилсонбурга (Онтарио) и Хенгшуй (Хэбэй), официально закрепленное 27 октября 1998 г.². Эти города связаны судьбой канадского врача Тиллсона Харрисона, который во время японской оккупации Китая (1937–1945 гг.) лечил китайских партизан,

---

¹ Foreign Affairs and Overseas Chinese Affairs Office of Xi'an City. International Sister Relationship of Xi'an. Exchanges with Quebec of Canada. 2009. February 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.en.sxfao.gov.cn/info/12279/89864.htm>

² Canada China Twinning Relationships [Электронный ресурс]. URL: http://www.canadainternational.gc.ca/china-chine/bilateral_relations_bilaterales/twinning_relationships_relations_jumelage.aspx?lang=eng.

а с 1946 г. работал в Администрации помощи и восстановления при ООН, занимаясь доставкой медикаментов в стране, опустошенной войной. Харрисон умер от внезапно развившейся болезни 10 января 1947 г. в Китае в возрасте 66 лет¹. Таким образом, побратимство Тилсонбурга – места рождения Харрисона в Канаде – и Хэнгшуй – китайского города, где он принял смерть – своеобразная дань уважения этому замечательному человеку.

Еще один пример побратимства подобного рода демонстрируют города Грейвенхёрст (Онтарио) и Тансянь (Хэбэй), объединенные причастностью к рождению и смерти легендарного канадского врача, новатора в области полевой хирургии Генри Нормана Бетьюна². Бетьюн был членом Коммунистической партии Канады и в 1938 г. отправился в Китай, чтобы поддержать коммунистов в их борьбе против японских оккупантов. В полевых госпиталях медик спасал жизни раненных бойцов армии Мао Цзэдуна, с которым ему довелось повстречаться лично. В октябре 1939 г. он случайно порезал себе руку лезвием скальпеля и умер от заражения крови 12 ноября 1939 г. в округе Тансянь³. После смерти Бетьюн стал одним из самых почитаемых в Китае иностранцев. Мао Цзэдун откликнулся на его смерть статьей-некрологом, которая в 1960-х гг. стала обязательным чтением в китайских школах. Именем Бетьюна назван Медицинский университет и многие другие учебные заведения в КНР, наиболее отличившихся врачей Министерство здравоохранения Китая награждает медалью Нормана Бетьюна. С 1970-х гг. фигура Бетьюна превратилась в настоящий символ канадо-китайского диалога. И когда 4 декабря 2002 г. представители Грейвенхёрст и Тансянь подписывали соглашение о побратимстве, они договорились сотрудничать с целью «дальнейшего распространения духа Бетьюна»⁴.

---

¹ Weibo Ch. Dr. Tillson Harrison: The Supplies Must Go Through! // China Reconstructs. 1988. Iss. 1. P. 48–50.

² Rosen I.B. Dr. Norman Bethune as a surgeon // Canadian Journal of Surgery. 1996. Vol. 39, N 1. P. 72–77.

³ Stewart R., Stewart S. Phoenix: The Life of Norman Bethune. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2011. 478 p.

⁴ Tang County, Baoding City, Hebei province, China twins with Gravenhurst [Электронный ресурс]. URL: http://thesink.ca/BETHUNE/canada_chinarelations.htm

Не вызывает сомнений, что побратимские связи выстраивались властями Тилсонбурга и Хенгшуй, Грейвенхёрста и Тансянь для привлечения туристов и возможности заработать на модели, которая сегодня успешно используется Москвой, Ульяновском, Казанью и Санкт-Петербургом, организовавших популярный среди китайских туристов «Красный маршрут» – культурно-познавательный тур по местам жизни и деятельности В.И. Ленина¹.

В заключение можно сказать следующее. Практика побратимства канадских и китайских городов в 1990 – начале 2000-х гг. полностью вписывалась в общий позитивный фон двусторонних отношений², без которого побратимские связи вряд ли могут быть жизнеспособны, и соответствовала духу глобализации. К числу факторов, усложнявших развитие побратимства, можно отнести: 1) большое расстояние; 2) серьезные различия в общественно-политическом укладе Канады и КНР; 3) языковые и культурные барьеры. Между тем, сам факт преодоления этих препятствий указывает на особую атмосферу рубежа XX–XXI вв.

Библиография

1. Иванов А.Г. Китай в системе отношений федерального правительства Канады и провинции Квебек в 1990-е – начале 2000-х гг. // Инновационные технологии в науке и образовании : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2015 г.). 2015. № 4 (4). С. 37–41.

2. Иванов А.Г. Роль клана Демаре в развитии торгово-экономических связей Канады с КНР в 1970–1990-е гг. // Научные исследования: от теории к практике : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 31 дек. 2015 г.). 2015. № 5 (6). С. 38–39.

3. Яровой Г.О. Побратимство как инструмент социокультурного и экономического развития городов: сравнение «континен-

---

¹ Красный маршрут [Электронный ресурс]. URL: <http://redrouterussia.com/#top>

² Иванов А.Г. Китай в системе отношений федерального правительства Канады и провинции Квебек в 1990-е – начале 2000-х гг. // Инновационные технологии в науке и образовании. 2015. № 4 (4). С. 37–41; Иванов А.Г. Роль клана Демаре в развитии торгово-экономических связей Канады с КНР в 1970–1990-е гг. // Научные исследования: от теории к прак. 2015. № 5 (6). С. 38–39.

тальной» и «морской» школ / Г.О. Яровой, М.А. Подольский // *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № 2. С. 38-45.

4. Jollineau J. Visionary and Partner. Celebrating Francis Pang // *University of New Brunswick Alumni News*. 2014 Spring. Vol. 22, No. 2. P. 20–21.

5. Myrvold B. The People of Scarborough: a history. Scarborough: The City of Scarborough Public Library Board, 1997. 270 p.

6. Rosen I.B. Dr. Norman Bethune as a surgeon // *Canadian Journal of Surgery*. 1996. Vol. 39, No 1. P. 72–77.

7. Stewart R. Phoenix: The Life of Norman Bethune / R. Stewart, S. Stewart. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2011. 478 p.

8. Weibo, Ch. Dr. Tillson Harrison: The Supplies Must Go Through! // *China Reconstructs*. 1988. Issue 1. P. 48–50.

Научное издание

Рак Britannica: история Британской империи
и созданного ею мира :

*сборник научных работ
к 60-летию профессора В. В. Грудзинского*

Корректорская правка: О. Ю. Редькина
Вёрстка: А. А. Селютин

Подписано в печать 07.06.16.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,8. Уч.-изд. л. 11,9.
Тираж 500 экз. Заказ 587.
Цена договорная.

*Издательство «Энциклопедия».
454084, Челябинск, Пр. Победы, 160.
e-mail: enciklo@rambler.ru*

*Отпечатано в типографии
«Два комсомольца» с готового макета.
Челябинск, 454084, Комсомольский пр., 2.*

ГРУДИНСКИЙ Владимир Викторович

Доктор исторических наук, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений Историко-филологического факультета Челябинского государственного университета.

Историческое образование получил в Иркутском государственном университете. Затем продолжил обучение в аспирантуре ЛГУ (сегодня СПбГУ), в 1983 защитил кандидатскую диссертацию по теме "Новая Зеландия и война на Тихом океане (дипломатический аспект) 1941–1945 гг.". Некоторое время проработал в Иркутске, затем переехал в Челябинск. В 1986 г. был принят старшим преподавателем на кафедру всеобщей истории ЧелГУ. С тех пор не покидал Челябинского государственного университета. В 1997 г. в СПбГУ защитил докторскую диссертацию по теме "Великобритания и ее доминионы в последней трети XIX – первой четверти XX в.: идейно-политическая эволюция и проблема имперского единства".

Владимир Викторович Грудзинский является одним из ведущих российских специалистов в области истории Великобритании нового и новейшего времени, ее империи и доминионов. В рамках данной темы Грудзинским В.В. было издано 3 монографии и более 30 статей, под его руководством в рамках указанной проблематики защищено 8 кандидатских диссертаций. За прошедшие годы вокруг Владимира Викторовича Грудзинского сформировалась научная школа исследователей истории Британской империи, многие из его учеников стали профессиональными исследователями и преподавателями. Благодаря его научной деятельности Челябинский государственный университет сегодня является признанным научным центром в области изучения всеобщей истории нового и новейшего времени.

Hadriani murus

9 785912 742989

isiterides, Silurum,
Sylinae 12